

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ**

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Сборник научных трудов

**МОСКВА
1994**

**Новые материалы по истории русской литературы:
сб. научн. тр. (Гос. Лит. музей);
отв. редактор Н.В.Шахалова. — М., 1994. — На рус. яз.**

Все материалы публикуются впервые и представляют большую научную ценность и интерес для литературоведов, специалистов по истории культуры, работников архивов и музеев, широких кругов любителей литературы.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Государственного Литературного музея

© Государственный Литературный музей, 1994

ВВЕДЕНИЕ

Государственный Литературный музей обладает значительным и разнообразным по составу рукописным собранием, которое охватывает достаточно большой период русской истории — с XV века до наших дней. Здесь сосредоточены личные фонды писателей, журналистов, коллекционеров, общественных деятелей, семейные архивы, архивы издательств, творческих объединений, коллекции рукописных книг, мемуаров, альбомов, документов разных эпох, записей фольклора и многое другое.

Музей широко использует рукописные материалы в своей экспозиционной деятельности, его фонд хорошо известен исследователям как ценнейший источник для изучения отечественной истории, культуры, литературы, общественной мысли.

Многие из хранящихся в музее документов уже вошли в научный оборот, но большая их часть ждет изучения и публикации. Сотрудники музея планомерно занимаются комплектованием рукописного фонда, его систематизацией и научным описанием. Некоторые из их работ и составили наш очередной сборник.

История музейного рукописного собрания не проста и отчасти драматична, поэтому сборник открывается статьей А.Ширяевой, где впервые прослеживаются все этапы его формирования и дается его подробная характеристика.

Эпистолярное наследие русских литераторов — один из наиболее ценных пластов музейной коллекции. В сборнике оно представлено перепиской А.А.Фета и А.Я.Полонского (публикация Г.Медынцевой), самыми ранними, из известных сегодня письмами Б.Л.Пастернака, адресованными его товарищу по гимназии Л.Е.Ригу (публикация В.Смолицкого), а также письмами В.Н.Муромцевой-Буниной литературоведу П.Л.Вячеславу, поступившими в составе коллекции Е.Ф.Никитиной, (публикация Н.Виноградовой и Ю.Иванова).

С неизвестными статьями С.К.Шамбинаго (из архива издававшихся музеем и давно ставших библиографической редкостью сборников “Звенья”) и М.М.Пришвина (из архива известного критика и коллекционера Н.И.Замошкина) знакомят публикации Е.Пенской и Л.Рязановой.

Жанр мемуаров представлен воспоминаниями Г.В.Глекина о поэте Вс.Рождественском (публикация Н.Гончаровой).

В сборник включены два обзора: обширного фонда Общества русских драматических писателей, документы которого дают возможность восстановить довольно полную картину его деятельности на протяжении всего времени его существования (публикация П.Овчаровой) и документов из коллекции, собранной А.Г.Достоевской (публикация Г.Коган).

Все вошедшие в сборник рукописные материалы публикуются впервые, некоторые из них приводятся в сокращении. Тексты подлинников печатаются по современной орфографии, но в отдельных случаях сохраняется авторское написание.

Надеемся, что наше издание станет еще одним полезным вкладом в постижение отечественного историко-культурного процесса.

Н.Шахалова

СОДЕРЖАНИЕ

Н.В.ШАХАЛОВА Предисловие	3
А.А.ШИРЯЕВА Рукописные фонды Государственного Литературного музея	6
Г.Ф.КОГАН Достоевский на пушкинских вечерах Литфонда	32
Г.Л.МЕДЫНЦЕВА, З.В.ГРОТСКАЯ Переписка А.А.Фета с А.Я.Полонским	49
Е.Н.ПЕНСКАЯ “Кристалл литературного прошлого” (Автор Козьмы Прутков в переписке с Львом Толстым)	92
В.Г.СМОЛИЦКИЙ Два года из жизни Бориса Пастернака (1905-1906)	104
П.И.ОВЧАРОВА Общество русских драматических писателей	131
Л.А.РЯЗАНОВА Неопубликованная статья М.М.Пришвина	153
Н.А.ВИНОГРАДОВА, Ю.Н.ИВАНОВ “Обратный адрес: 1, ул. Жака Оффенбаха, Париж...” (Письма В.Н.Буниной к П.Л.Вячеславу. 1959-1961 гг.)	161
Н.Г.ГОНЧАРОВА Встречи с В.А.Рождественским (Воспоминания Г.В.Глеки- на)	183

А.А.Ширяева

РУКОПИСНЫЕ ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ

Государственный Литературный музей сосредоточил в своем Отделе рукописных фондов значительное собрание документов по истории русской литературы, являющихся составной частью Государственного архивного фонда России. Отдел образован в целях собирания, научного описания, учета, хранения и использования документальных источников в научно-исследовательской, экспозиционной, просветительской работе.

За годы существования музей скомплектовал два рукописных собрания, каждое из которых имеет свою биографию. Первое, колоссальное по составу, сформированное в 1931-1941 гг., стало основой для организации Центрального Государственного литературного архива (ЦГЛА, ныне РГАЛИ); второе комплектуется с 1941 г. по настоящее время.

Фондовые коллекции музея начали складываться с 1931 г., когда Постановлением Наркомпроса РСФСР от 23 мая в Москве была создана Комиссия по подготовке и организации Центрального Литературного музея. Ее возглавил нарком просвещения А.С.Бубнов, заместителями назначены И.К.Луппол и В.Д.Бонч-Бруевич; в состав Комиссии входили представители Института литературы и языка Комкадемии, писательских организаций, Государственной Академии искусств, Централхива и др. Одной из задач Комиссии был сбор материалов для будущего музея. Всей работой руководил Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Через два года Постановлением Совнаркома РСФСР от 3 июля 1933 г. был основан Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики при Нарком-

просе РСФСР; с 1934 г. — Государственный Литературный музей (после слияния с Литературным музеем Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина).

Главные усилия научного коллектива и его первого директора В.Д.Бонч-Бруевича были направлены на формирование музейных фондов, на соби́рание литературного наследия для всестороннего его изучения¹. В итоге широкомасштабной собирательской работы в конце 1930-х гг. музей обладал уникальной коллекцией материалов по истории отечественной и зарубежной литературы: около 3 млн. архивных документов, 100 тыс. произведений изобразительного искусства, 130 тыс. томов книг. ГЛМ стал научно-исследовательским центром, крупнейшим в стране хранилищем архивов и материалов деятелей литературы и культуры. Здесь находились фонды большинства классиков отечественной литературы и многих современных писателей.

Итоги изучения фондов, памятники литературы и документальные источники публиковались в изданиях музея, имеющих непреходящее научное и общекультурное значение: в тематических “Летописях” (13 книг, 1936-1948); сборниках “Звенья” (8 выпусков, 1932-1951), каталогах фондов (“Бюллетени”, 8 выпусков, 1935-1949). К сотрудничеству были привлечены видные ученые М.А.Цявловский, Н.Н.Гусев, Ю.Г.Оксман, Н.К.Гудзий, Н.П.Чулков, Ю.М.Соколов, А.А.Сиверс, П.Г.Богатырев, И.С.Зильберштейн, П.С.Попов и др. Статьи Бонч-Бруевича в “Литературном наследстве” знакомили научную общественность с новыми поступлениями. Фонды музея широко экспонировались на многочисленных выставках.

Тем не менее профессиональные возможности коллектива и собранные фонды не могли реализоваться полностью — ГЛМ испытывал хроническую нехватку выставочных площадей для экспонирования памятников литературы и культуры, да и сами музейные коллекции хранились далеко не в лучших условиях. Для осуществления творческого потенциала музея, способного решить крупномасштабные задачи культурного строительства, в 1939 г. ГЛМ обратился в ЦК ВКП(б), Верховный Совет СССР, Нар-

компрос РСФСР с предложением о создании на его базе Музея истории русской литературы². Однако в 1941 г. по Постановлению Совнаркома СССР от 29 марта “Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и сети государственных архивов” все архивные документы музея были переданы в ГАУ НКВД для организации Центрального Государственного литературного архива. В связи с этим отдел хранения и первичной обработки рукописей был ликвидирован. В музее остались изобразительные и книжные фонды.

В наше время деятельность В.Д.Бонч-Бруевича по концентрации архивных фондов в ГЛМ в 1931-1940 гг. привлекла внимание ученых — архивистов. В статьях В.А. Черныха “В.Д.Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры”³, Ю.Г.Дементьева “Вклад В.Д.Бонч-Бруевича в советское архивное строительство”⁴, С.Д.Воронина “О собирании В.Д.Бонч-Бруевичем документов по истории издательского дела в России”⁵, в книгах Л.Г.Сырченко “Личные фонды деятелей русской литературы и искусства в архивах СССР”⁶, М.О.Чудаковой “Рукопись и книга”⁷ рассматриваются различные аспекты собирательской работы Бонч-Бруевича, высоко оценивается его личная заслуга в сохранении культурного наследия. История комплектования и состав рукописного архива проанализированы в обстоятельной диссертации К.Г.Межовой “Источники по архивно-собирательской деятельности В.Д.Бонч-Бруевича (1931-1941)” и в ряде ее статей по этой теме⁸.

Почти исчерпывающий анализ собирательской деятельности Бонч-Бруевича во взаимосвязи с организационной, научной, выставочной, публикаторской и издательской работой музея в историко-социальной действительности 1930-х гг. предпринял С.В.Шумихин в диссертации “Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного Литературного музея в 1931-1941 гг.”⁹. Это исследование, основанное на обширном арсенале фактических данных, впервые вводимых в научный оборот, включает проблемные вопросы истории

советской культуры, архивоведения, музееведения предвоенного десятилетия.

Все указанные работы освещают историю первого рукописного архива музея. Литература о формировании второго собрания отсутствует. Некоторые сведения публиковались в периодической печати (информация о новых поступлениях музея в 1950-1980-е гг.). Общую характеристику вновь собранных в ГЛМ архивных документов дает исследователь личных фондов деятелей литературы и искусства Л.Г.Сырченко¹⁰.

Музей, лишенный в 1941 г. рукописного архива, оказался в трудной ситуации. Столь существенные коррективы меняли сложившееся лидирующее положение музея как научного центра с огромной источниковой базой. С одной стороны, нормальное функционирование требовало обеспечения документальными источниками, с другой — отсутствие права хранения замораживало комплектование, так как Положение о ГАФ СССР 1941 г. предписывало и в дальнейшем передачу документов из всех библиотек и музеев в государственные архивы (после войны этот процесс был приостановлен). В иных, более благоприятных условиях музей мог бы немедленно приступить к формированию нового собрания из поступивших, но не приобретенных архивов. А их было немало.

Об этом пишет в докладной записке “О состоянии фондов” 4 декабря 1944 г. П.Л.Вайншенкер, исполнявшая обязанности директора в 1941-1944 гг.: “В стенах музея к этому времени (перед эвакуацией фондов. — А.Ш.) скопилось огромное количество материалов, не принадлежащих музею (подлежащих покупке у различных владельцев архивов), которые длительное время (иногда год, два и три) дожидались экспертизы, разборки и оформления и поэтому в инвентарных описях не числились, штампа и номера принадлежности музею не имели. Объем и количество этих материалов был так велик, что для его разборки зав. рукописным отделом т. Афанасьева требовала коллектива в 50 сотрудников, которые в течение года были бы освобождены от всякой другой работы... Тов. Аралов (и.о. директора. — А.Ш.) до своего ухода в армию (5 июля 1941

г. — А.Ш.) дал распоряжение (в целях сохранения указанных материалов от воздушного нападения и разрушения от возможной бомбежки) передать ГАУ все неразобранные архивы, что и было сделано. В течение трех лет в музей поступали многочисленные жалобы на то, чтобы владельцам возвратили их архивы или деньги”¹¹.

В числе сданных таким образом неразобранных и неописанных документов находились архивы деятелей литературы и культуры: В.Е.Чешихина (Ветринского), А.С.Балагина, Н.В.Чехова, В.Я.Адарюкова, Е.Ф.Никитиной, М.Б.Эдемского и др.; семейные архивы Михалковых, Беловых, огромное количество “разных документов, поступивших от разных лиц”¹². Впоследствии некоторые из них поступили в государственные архивы (РГАЛИ, ГИАМО), часть, по-видимому, возвращена владельцам. Часть архива А.С.Балагина позднее была приобретена ГЛМ у его вдовы М.И.Гриневой.

В конце 1941 г. в музей поступили рукописи и библиотека старшего научного сотрудника, профессора Н.П.Чулкова (1870-1940), крупного архивиста, специалиста по генеалогии. В экспертном заключении заведующий хранением фондов С.И.Синебрюхов писал о дальнейшем использовании архива: “...если позволят обстоятельства, то продолжить далее уже коллективом (а не в одиночку, как работал сам покойный Н.П.Чулков) построение генеалогических списков и таблиц по писателям и родственным им семьям”¹³. Другими словами, эти документы приобретались для непосредственной оперативной работы с ними и не рассматривались, как окончательно сложившийся архивный фонд. Кроме генеалогических росписей, в фонде имеются статьи Н.П.Чулкова по истории Москвы и Подмосковья, биографические справки, доклады, архивные выписки. Значительна эпистолярная часть преимущественно научного характера: письма Б.Л.Модзалевского, Ю.Г.Оксмана, Н.К.Пиксанова, М.А.Цявловского, В.Е.Чешихина (Ветринского) и др. Ценнейшие сведения собраны в карточках “Провинциальный некрополь”, “Московский некрополь”, “Москва и москвичи”, “Материалы к биографическому словарю”, “Библиография по геральдике”.

В 1943 г. музей пережил очередную драматическую страницу в своей истории. По Постановлению Совнаркома РСФСР от 6 октября 1943 г. "Об организации Академии педагогических наук" ГЛМ упразднился. Его фонды и часть сотрудников передавались в Государственную библиотеку СССР им. В.И.Ленина; здания, имущество, технический персонал — в новообразованную Академию. В упомянутой выше докладной записке П.Л.Вайншенкер изложены обстоятельства ликвидации и варварское отношение к музею со стороны заинтересованной в помещении музея АПН¹⁴. После обращения в ЦК ВКП(б) (в архиве сохранилась копия письма сотрудников И.В. Сталину¹⁵) музей был восстановлен как самостоятельное учреждение Постановлением Совнаркома РСФСР от 20 ноября 1943 г.

Как только положение стабилизировалось, музей возобновил пополнение своих коллекций. Главным направлением научного комплектования музейных фондов в годы войны стало собирание материалов о борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В августе 1944 г. приказом Наркомпроса РСФСР ГЛМ предписывалась "научная разработка схемы (в плане музейной экспозиции) истории русской литературы и разрешен сбор архивных документов по истории Великой Отечественной войны"¹⁶. В структуре музея образован сектор рукописей. Сразу же музей составил анкету для писателей об их участии в военных действиях и о творческой работе. Ответы прислали А.А.Сурков, К.М.Симонов, Ф.В.Гладков, Л.С.Соболев, Б.Л.Горбатов, М.К.Луконин, П.Н.Воронько, М.А.Соболь, М.С.Голодный. По просьбе ГЛМ некоторые писатели предоставили письма читателей-фронтовиков с откликами на произведения, написанные в военные годы. Письма М.А.Шолохову, А.Т.Твардовскому, И.Г.Эренбургу, Н.С.Тихонову, К.М.Симонову, В.С.Гроссману, А.А.Суркову опубликованы музеем в книге "Писатели в Отечественной войне 1941-1945 гг. Письма читателей"¹⁷.

Вскоре после войны был поставлен вопрос об усиленном комплектовании рукописных фондов (в августе 1945 г. документальные источники состояли из 19 документов XIX-XX вв.)¹⁸.

Новое Положение о ГЛМ, утвержденное Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР 3 июня 1948 г., определило основную задачу музея — создание постоянной экспозиции по истории русской литературы с древнейших времен до наших дней. Сектор рукописей преобразован в отдел рукописных фондов.

Сложность собирания в новых условиях заключалась прежде всего в том, что основной массив документов XIX в. уже сконцентрировался в крупных архивах страны; кроме того, за годы войны прервались деловые контакты, затерялись следы многих архивов. В конце 1940-х гг. музей попытался возобновить сложившиеся до войны формы и методы собирательской работы. Главный редактор ГЛМ В.Д.Бонч-Бруевич с воодушевлением возглавил комплектование и закупочную комиссию. В мае 1946 г. он писал И.С.Зильберштейну: “Одним словом, давайте крепко возьмем за руки и с присущей, как я думаю, нам обоим энергией осуществим дело, которое возложено на нас историей, на приобретение драгоценностей русской литературы... Итак, дорогой мой, за работу, спокойно, точно, ясно и неуклонно к цели”¹⁹.

Среди немногих сохранившихся писем Бонч-Бруевича по комплектованию за 1946-1948 гг. — письмо Ф.А.Кублицкому об автографах А.А.Блока²⁰ (приобретены через 7 лет, в 1953 г.); переписка с М.Г.Смидович об архиве В.В.Вересаева, бесхозно лежавшем в подвале Тульского краеведческого музея²¹ (получен через 5 лет, в 1951 г.); письмо к И.Е.Глуценко об архиве А.М.Скабичевского²². Устанавливаются связи с Грузинским филиалом ИМЭЛ ЦК ВКП(б)²³, с архивами Чехословакии²⁴. К одному из корреспондентов в Праге, А.Ф.Изюмову, Бонч-Бруевич обратился с просьбой “вести учет всех материалов, которые можно приобрести для нашего Гослитмузея...; а я буду стараться все эти дела наладить так, как было налажено в былое время до войны”²⁵. Но времена и обстоятельства были иными. В августе 1948 г. В.Д.Бонч-Бруевич писал научному сотруднику вновь организованного рукописного отдела Т.А.Тургеневой: “Мы, конечно, с Вами очень огор-

чены тем, что приобретается сейчас очень мало новых рукописей и автографов, которые нам в изобилии предлагают, но верьте мне, что наступает последнее время этого безденежья...” Увеличение денежных средств В.Д.Бонч-Бруевич связывал с распространением популярной портретной “Галереи советских писателей” и других изданий музея, что “даст нам возможность создать хорошую кассу и таким образом перевести нужные средства в музей для оплаты предложенных нам всевозможных музейных материалов”²⁶.

В планах музейного издательства 1948-1949 гг. — выпуск научных, научно-популярных, изобразительных изданий (“Летописи ГЛМ”, “Звенья”, каталоги фондов, “Литературные портреты”, “Литературные места”, путеводители по музеям, передвижные выставки, серии портретов русских и советских писателей)²⁷. Только в 1948 г. вышло четыре книги “Летописей ГЛМ”. В.Д.Бонч-Бруевич, решая издательские, типографские проблемы, находил время для личных встреч и переговоров с владельцами о приобретении музеем архивных документов А.А.Блока, И.А.Бунина, В.В.Вересаева, А.А.Золотарева, Н.А.Крашенинникова, Н.Н.Минаева, А.В.Сухова-Кобылина, Н.Н.Фирсова, А.И.Ходасевич, В.Д.Черткова и др., архивной коллекции И.С.Поступальского²⁸. В подавляющем большинстве переговоры заканчивались последующей передачей документов в музей. Так закладывалась основа нового архивного собрания.

В 1948 г. музей получил архив писательницы В.И.Дмитриевой (1858-1947) и вывез его из Сочи. В составе фонда — рукописи, дневники, воспоминания В.И.Дмитриевой, обширная переписка, документы Е.П.Майковой (прототип Веры в романе И.А.Гончарова “Обрыв”). К этому времени уже были получены воспоминания внучки декабриста И.А.Анненкова М.В.Анненковой-Брызгаловой; участника войны 1812 года, московского генерал-губернатора А.Г.Щербатова; мемуары Е.Н.Раевской (Бибиковой); письма Н.В.Гоголя, И.С.Тургенева, А.Н.Островского, А.П.Чехова, В.Г.Короленко. В.К.Тренев передал документы из собрания государственного деятеля XVIII в. В.С.По-

пова; журналы “Красноармеец” и “Краснофлотец” сдали часть своего архива; П.Г.Антокольский, С.Я.Маршак, С.В.Михалков, Л.В.Никулин, А.А.Караваева подарили музею некоторые свои рукописи²⁹.

Большое количество собранных документов позволило выделить в 1949 г. рукописные фонды из общего фондового хранения в самостоятельное.

В 1950 г. передали в музей документы из своих архивов М.В.Исаковский, врач и коллекционер И.М.Саркизов-Серазини; приобретен архив публициста, издателя Н.П.Гилярова-Платонова; от правнучки декабриста М.Ф.Орлова П.С.Котляревской поступил семейный архив Орловых — Раевских — Кривцовых, а в 1951 г. — архив Репниных — Волконских.

В 1951 г. из спецорганов через следователя МГБ СССР Г.В.Овчинникова получен обширный комплекс архивных документов: фонды В.Е.Чешихина (Ветринского); А.Л.Волынского, А.С.Гацисского, Л.Н.Трефолева, П.А.Ефремова, И.И.Янжула; рукописи Н.Я.Агнивцева, Н.С.Курочкина, А.А.Ахматовой, В.Я.Брюсова, С.М.Городецкого, О.Э.Мандельштама, В.Г.Шершеневича; письма Н.С.Лескова, В.В.Розанова, А.В.Амфитеатрова, Ф.Д.Батюшкова, В.Я.Брюсова, М.А.Булгакова, Б.Л.Пастернака и др. (около 5000 документов).

В акте передачи никаких сведений о происхождении документов и их владельцах не содержится.

Работа по формированию рукописных фондов в послевоенном десятилетии проходила в трудных условиях. Темпы научного описания отставали от комплектования (в отделе работали 1-2 сотрудника); архивы накапливались в ожидании описания. В экспертизе ценности исподволь утвердился конъюнктурный подход: документ приобретает для экспозиции и потому он должен соответствовать своим содержанием существующим идеологическим установкам и литературоведческим концепциям, в противном случае он не нужен. Возникли препятствия и для публикаций архивных документальных источников: издательство музея было ликвидировано с 1 июля 1949 г., издания переданы в Госкультпросветиздат, который резко их ограничил,

а затем и вовсе от них отказался. По указанию директивных органов выпуск “Летописей” прекращен в 1950 г., последняя книга “Летописей” вышла в свет в 1948 г., последний сборник “Звеньев” — в 1951 г. Архивы этих изданий были переданы в “Литературное наследство”. ГЛМ разделил трудную судьбу советской культуры конца 1940-х — начала 1950-х гг.

Прекращение публикаторской деятельности на много лет затормозило научно-исследовательскую работу, значительно снизило ее уровень. Акценты переместились на экспозиционное и научно-просветительное направления.

С 1956 г. с общим подъемом общественной жизни заметно оживилась музейная деятельность. ГЛМ, готовя экспозицию по истории советской литературы, активно возобновил комплектование. В числе поступлений этого времени — рукописи Н.Н.Асеева, М.С.Шагинян, К.А.Тренева, М.М.Пришвина, К.Г.Паустовского и др. В результате экспедиций сотрудников были получены рукописи В.Лациса, Г.Гулиа, Э.Капиева, Б.Кербабаева, А.Исаакяна и многих других.

В 1956 г. в музей поступил архив публициста Д.А.Линева (Далина; 1853-1919), содержащий письма корреспондентов провинциального издания газеты “Биржевые ведомости”, касающиеся различных сторон российской действительности конца XIX — начала XX вв.; из Китая через МИД СССР получен архив писательницы Е.И.Апрелевой.

В 1958 г. собрание пополнилось личным архивом С.А.Толстой-Есениной (1900-1957) — автографы С.А.Есенина, газетные вырезки с прижизненными публикациями его стихотворений, письма разных лиц к С.А.Толстой. В последующие годы приобретены документы К.Н.Леонтьева, М.А.Кузмина, Н.А.Клюева. В конце 1950-х гг. Центральный музей Революции СССР передал в ГЛМ как непрофильный для себя архив В.Я.Богучарского.

Большая заслуга в комплектовании рукописных материалов 1949-1963 гг. принадлежит заведовавшей тогда отделом Т.А.Тургеневой (1896-1966), внучатой племяннице И.С.Тургенева, в первом браке жене поэта С.М.Соловьева. Ее дружеские связи со многими деятелями русской куль-

туры способствовали пополнению музейного фонда. Так, в 1960 г. из Швейцарии ее сестра А.А.Тургенева прислала в дар рукописи и письма из архива Андрея Белого; у М.И.Гриневой в 1962 г. приобретены документы Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, В.И.Цветаева, сестра поэтессы, передала свои воспоминания о семье Цветаевых.

В конце 1960-х и в 1970-е гг. в отдел поступили архивы Е.А.Драшусовой, М.А.Александрова, Н.И.Замошкина, М.А.Зенкевича; у Л.В.Бермана приобретены автографы стихотворений А.А.Блока, С.А.Есенина, Н.А.Клюева.

В 1962 г. при ГЛМ создан филиал "Архив" Никитинские субботники", где экспонировались и хранились изобразительные материалы, книги, архивные документы, собранные организатором литературного объединения и издательства "Никитинские субботники" — Е.Ф.Никитиной (1893-1973), пожизненным хранителем филиала.

После смерти Е.Ф.Никитиной ее коллекции по Приказу Министерства культуры СССР от 29 марта 1973 г. поступили в фондовые отделы ГЛМ (значительную часть своего архива Никитина передала в ЦГАЛИ СССР еще в 1950-е гг.)³⁰.

Среди даров 1970-х гг. документы из архива П.И.Капниста, переданные русской эмигранткой М.П.Марсов-Тишевской (письма В.Г.Белинского, И.А.Гончарова, И.С.Тургенева, Я.П.Полонского); среди особо ценных приобретений 1980-х гг. — письма Ф.М.Достоевского, Г.И.Успенского, А.Н.Островского, В.Г.Короленко к писательнице и общественной деятельнице Х.Д.Алчевской (1841-1920).

В настоящее время комплектование рукописных фондов ведется всеми отделами музея. Успеху этой работы способствует специализация, заложенная в структуре музея. Научно-экспозиционные отделы (русской литературы XI-XIX вв.; русской литературы XX в.), филиалы (музеи А.И.Герцена, Ф.М.Достоевского, М.Ю.Лермонтова, А.П.Чехова, А.В.Луначарского, М.М.Пришвина, А.Н.Толстого) определяют направления возможных поисков архивных документов по своим темам.

Сотрудники музея А.И.Герцена обогатили рукописные фонды архивом Т.А. и С.И.Астраковых — московских друзей и корреспондентов А.И.Герцена и Н.П.Огарева, включающим значительное число ранее не известных писем А.И.Герцена и Н.П.Огарева; сотрудники музея Ф.М.Достоевского разыскали часть личного архива А.Г.Достоевской, хранившегося в Государственной исторической публичной библиотеке.

При подготовке экспозиции “История советской литературы” к 50-летию музея (1984) отдел русской литературы XX в. существенно пополнил фонды автографами современных писателей. Для выставки, посвященной 40-летию Победы (1985), музей разослал писателям, пишущим о войне, анкеты с вопросами биографического и творческого характера. Ответы прислали А.М.Адамович, В.П.Астафьев, П.Н.Воронько, Ю.В.Друнина, Б.Ш.Окуджав, А.Н.Рыбаков, Д.С.Самойлов и др.

Непосредственные контакты с писателями — традиционная форма комплектования архивных документов. В разное время передавали свои рукописи А.Т.Твардовский, М.М.Пришвин, В.П.Катаев, В.А.Каверин, К.А.Федин, И.Г.Эренбург, Г.Я.Бакланов, Б.Ш.Окуджав, Б.А.Ахмадулина и др.

Музей редко получает в свое распоряжение личные писательские архивы (это происходит только по волеизъявлению владельцев) и на современном этапе не ставит перед собой такие задачи. Внимание музея обращено на поиски и приобретение небольших архивных комплексов и единичных документов деятелей литературы и культуры. Благодаря особой подвижности документов личного происхождения, огромное их количество рассредоточено и находится в личной собственности граждан. Так, авторская рукопись трагедии Н.С.Гумилева “Отравленная туника” была подарена поэтом С.М.Горелику, директору молодежной студии “Театральная мастерская” в г. Ростове-на-Дону. В семье С.М.Горелика рукопись хранилась как реликвия, пережив 1920-е — 1930-е гг., ленинградскую блокаду, эвакуацию, и, наконец, в 1987 г. была передана в ГЛМ. Письма и стихи М.А.Волошина, посланные студенткам

МГУ Л.Т.Белугиной и Э.Буржинской в 1927 г., Л.Т.Белугина берегла до конца жизни. От ее наследников они поступили в музей.

Среди поступлений последних лет наиболее значительные — письма советских писателей, подаренные академиком Л.Ф.Ильичевым; архив Книгоиздательства писателей в Москве; архивы С.В.Щериной, И.Л.Френкеля, М.М.Чулаки, Н.Н.Минаева, С.А.Андреева-Кривича, С.С.Наровчатова, Г.Г.Демидова; письма В.М.Киршона родителям, письма М.А.Волошина; неизвестная пьеса М.А.Кузмина; архивы журналистов А.И.Грязнова, В.Н.Лобанова, содержащие рукописи произведений советских писателей и тексты их выступлений; письма А.М.Соболя, В.Ф.Ходасевича, Н.Н.Никитина; автографы А.Н.Толстого, К.А.Федина, записки А.В.Луначарского, письма Б.Л.Пастернака, рукопись книги С.С.Смирнова “Брестская крепость”, рукописи А.П.Платонова, В.Л.Кондратьева, Д.А.Гранина, А.Н.Рыбакова, А.Н.Арбузова, Ю.Д.Левитанского, Е.М.Винокурова, В.П.Рослякова, В.С.Высоцкого, А.И.Приставкина, А.В.Жигулина, Р.И.Рождественского, А.С.Кушнера, Н.М.Коржавина, А.А.Кабакова, С.С.Каледина.

За эти годы Государственный Литературный музей скомплектовал значительное по составу и содержанию собрание из более чем 45 тыс. ед. хр. (399 фондов) рукописных архивных документов по истории отечественной литературы. Крайние даты документов: 1-я треть XV в. — 1990-е гг.; хронологические рамки основного корпуса: конец XVIII в. — 1990-е гг.

В отделе находятся:

- личные фонды писателей, литературоведов, журналистов;
- фонды редакций, издательств, обществ;
- музейные собрания единичных рукописных книг, автографов, мемуаров, альбомов;
- фольклорный архив.

Собрание рукописных книг (274 ед. хр.) сформировано из даров и приобретений у частных лиц, а также из рукописей, полученных из Ростово-Ярославского, Калужского, Кашинского краеведческих музеев. В его состав вошли

небольшие комплексы из библиотек А.Н.Толстого, И.М.Саркизова-Серазини.

Собрание включает рукописные книги древнерусской традиции XV-XX вв. и рукописные книги XVIII в.

По времени написания рукописи распределяются следующим образом: XV в. — 2; XV — нач. XVI в. — 2; XVI в. — 6; XVII в. — 22; кон. XVII — нач. XVIII в. — 8; XVIII в. — 188; кон. XVIII — нач. XIX в. — 7; XIX в. — 98; кон. XIX — нач. XX в. — 1; XX в. — 2.

Древнейшие рукописи собрания: Минея служебная первой трети XV в., Евангелие 1464 г., Сборник житий и поучений кон. XV — нач. XVI в., большую часть которого составляет автограф известного писателя и церковного деятеля Нила Сорского; Апостол кон. XV — нач. XVI в., Сборник календарно-астрономических таблиц первой трети XVI в. из Иосифо-Волоколамского монастыря.

Собрание разнообразно по содержанию, что обусловлено универсальным характером русской рукописной книжности: литературные, исторические, богословско-учительные, агиографические, богослужебные рукописи, в том числе певческие на крюковых нотах; сочинения юридические, учебные, естественно-научные.

Широко, во всем многообразии жанров, представлены в списках памятники древнерусской оригинальной и переводной литературы: повести, сказания, слова, жития, послания. В сборниках смешанного состава есть повести о Петре и Февронии, о начале Москвы, о Новгородском белом клобуке, о Савве Грудцыне, о Ерше Ершовиче; о Мамаевом побоище, о крещении князя Владимира; переводные повести из “Великого Зерцала” и “Римских деяний”.

Среди рукописей исторического содержания — хронографы и летописцы.

Литература XVIII в. представлена списками произведений В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова, А.П.Сумарокова, Г.Р.Державина, Д.И.Фонвизина, Н.М.Карамзина и др. В комплексе рукописей (49 ед. хр.) из библиотеки известного книжного собирателя XVIII в. капитана Я.Я.Мордвинова содержатся уникальные списки повестей.

исторических сочинений, произведений демократической сатиры, народных песен.

Некоторые рукописи украшены орнаментированными инициалами, заставками, концовками (Евангелие-апракос XVI в., Евангелие-тетр XVI в.). Из лицевых рукописей следует отметить Сборник апокрифов и повестей XVIII в. с 166 миниатюрами красками и золотом, Сборник житий, сказаний и выписей старообрядческий XVIII в. с 187 миниатюрами.

Часть книг собрания, поступивших из Ростово-Ярославского музея (32 ед. хр.), имеют печатное описание³¹.

Сведения о рукописях XV в., конца XV — начала XVI в. включены в сводный каталог славяно-русских рукописных книг, подготовленный к печати Археографической комиссией РАН.

Писательских архивов XVIII в. в музее нет, однако в фонде В.С.Попова (1745-1822), секретаря Г.А.Потемкина, хранятся автографы и подносные списки произведений (В.П.Петрова, Н.П.Николева, Я.И.Сичкарева, М.Г.Собакина, М.М.Хераскова с собственноручными пометами Г.А.Потемкина на некоторых из них).

Фонды (персональные собрания) классиков русской литературы XIX в. невелики по объему и сформированы из единичных поступлений.

Литература первой половины XIX в. представлена фондами Н.М.Карамзина, М.Ю.Лермонтова, В.Г.Белинского, Н.В.Гоголя. Сюда включены списки произведений, письма фондообразователей, документы родственного окружения, материалы об увековечении памяти. В собрании единичных автографов — письма В.К.Кюхельбекера, В.А.Жуковского, П.А.Вяземского. Ценны прижизненные списки поэтических произведений Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, К.Ф.Рыльева, А.С.Пушкина. Среди списков комедии А.С.Грибоедова "Горе от ума" — экземпляр, переписанный декабристом А.И.Черкасовым в 1825 г. Литературный процесс этого времени отражен в рукописных сборниках и списках широкого круга авторов: Е.П.Растопчиной, И.И.Козлова, И.П.Мятлева, Н.М.Языкова, А.Ф.Воёйкова, К.Н.Батюшкова, В.Г.Бенедиктова.

Архивные документы классиков русской литературы второй половины XIX в. хранятся в фондах И.С.Тургенева, А.И.Герцена, Ф.М. и А.Г.Достоевских, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Н.А.Некрасова, А.Н.Островского, Г.И.Успенского, А.В.Сухова-Кобылина, А.П.Чехова. В их составе авторские рукописи И.С.Тургенева (очерк "О соловьях"), А.В.Сухова-Кобылина (пьеса "Дело"), А.П.Чехова (рассказ "Шведская спичка"), письма фондообразователей, биографические документы, воспоминания, документы родственного окружения, материалы об увековечении памяти.

В музейном собрании единичных автографов писателей XIX в. имеются письма Д.И.Писарева, И.А.Гончарова, Н.Г.Чернышевского, А.Н.Майкова, Н.С.Лескова.

Обширную информацию об общественной, литературной, культурной жизни содержат фонды менее известных литераторов и деятелей культуры. Особенно широко в них представлена эпистолярия. В фонде писательницы Е.И.Апрелевой (псевд. Е.Ардов; 1847-1923) — письма А.Н.Веселовского, М.К.Лемке, А.Ф.Писемского, М.М.Стасюлевича, А.С.Суворина, И.С.Тургенева, М.К.Цебриковой, Н.В.Шелгунова, И.И.Янжула и др.; в фонде публициста и историка Нижегородского края А.С.Гацисского (1838-1893) — письма И.С.Аксакова, П.И.Бартенева, П.Д.Боборыкина, И.Е.Забелина, П.И.Мельникова (Печерского), А.Н. Плещеева, Г.Н.Потанина, И.И.Ясинского и др. Среди корреспондентов метранпажа газет "Гражданин" и "Новое время" М.А.Александрова (1842-1910) — Д.В.Аверкиев, А.С.Глинка-Волжский, А.Г.Достоевская, И.Л.Леонтьев-Щеглов, М.И.Семевский, Н.Н.Страхов, А.В.Суворин.

В воспоминаниях Е.А.Драшусовой (по первому мужу Карлгоф; 1817-1884) за 1842-1878 гг. описаны важнейшие общественно-литературные события времени: лекции Т.Н.Грановского, споры славянофилов и западников, отъезд А.И.Герцена за границу, похороны Н.В.Гоголя, литературные вечера у Н.Ф. и К.К.Павловых, П.Я.Чаадаева, А.П.Елагинной, у самой Е.А.Драшусовой, где часто бывали Ю.Ф.Самарин, А.С.Хомяков, М.Н.Катков, С.П.Шевырев.

Документы крупнейшего по составу фонда Орловых — Раевских — Кривцовых — Репниных — Волконских, состоящего в основном из родственной и дружественной переписки, имущественно-хозяйственных документов за 1811-1899 гг., освещают многие аспекты истории и быта русского общества XIX в.

Ценнейшие сведения для изучения общественного и литературного движения конца XIX — начала XX в. дают документы фонда публициста, редактора журнала “Былое” В.Я.Богучарского (1861-1915). Среди его 428 корреспондентов — писатели, философы, ученые, революционные деятели: Ф.Д.Батюшков, Н.А.Бердяев, В.Д.Бонч-Бруевич, П.И.Вейнберг, Л.Я.Гуревич, В.Г.Короленко, М.К.Лемке, Г.А.Лопатин, П.Б.Струве, Е.В.Тарле, Д.В.Философов, П.Е.Щеголев, П.Ф.Якубович. Кроме писем В.Я.Богучарскому в составе фонда письма М.В.Белинской, А.А.Блока, М.О.Гершензона, А.И.Дейча, П.А.Кропоткина, Н.В.Шелгунова разным лицам; воспоминания слушателей Петровской земледельческой и лесной академии о “нечаевском деле” 1870 г.; альбом, посвященный студенту В.И.Хлебцевичу, убитому жандармами в революционные дни 1905 г., тетрадь узника Шлиссельбургской каторжной тюрьмы И.П.Вороницына.

Литература начала XX в. представлена фондами А.А.Блока, В.Я.Брюсова, Андрея Белого, В.В.Розанова. Имеются небольшие фонды И.Ф.Анненского, И.А.Бунина, К.Д.Бальмонта, М.А.Волошина, З.Н.Гиппиус, М.А.Кузмина, А.М.Ремизова, Ф.К.Сологуба, В.В.Хлебникова.

В фонде А.А.Блока, самом большом из перечисленных, хранятся автографы 85 стихотворений, в их числе — “Предчувствую тебя...”, “Вхожу я в темные храмы...”, “Фабрика”, “Незнакомка”; письма поэта В.П.Веригиной, В.А.Зоргенфрею, А.А.Кублицкому, С.М.Соловьеву; воспоминания о А.А.Блоке, документы Бекетовых.

Произведения деятелей литературы разных направлений начала века: А.В.Амфитеатрова, Л.Н.Андреева, Е.И.Замятина, Н.С.Гумилева, М.А.Лохвицкой, Г.И.Чулкова, Игоря Северянина, В.Ф.Ходасевича находятся в собрании автографов; письма многих из них — в фондах

литературного критика и искусствоведа А.Л.Волынского (1865-1926); архивиста и собирателя документов по истории России И.А.Рязановского (1869-1927); профессора И.М.Саркизова-Серазини (1887-1964); писателя, историка литературы В.Е.Чешихина (Ветринского) (1866-1923). В состав фонда последнего входит коллекция анкет с автобиографическими сведениями В.Я.Брюсова, И.А.Бунина, В.В.Вересаева, М.О.Гершензона, П.С.Когана, Ф.Д.Крюкова, А.М.Ремизова, С.Г.Скитальца (Петрова), А.Н.Толстого, И.С.Шмелева и др., собранная В.Е.Чешихиным (Ветринским) в 1906-1912 гг. для неосуществленного биобиблиографического словаря современных писателей.

В фонде сборника футуристов "Весеннее контрагентство муз" (1915) — авторские рукописи В.В.Маяковского ("Я и Наполеон"), В.В.Каменского ("Солнцелей с аэроплана"), Н.Н.Асеева, Д.Д.Бурлюка, С.М.Вермеля.

Архивные документы советского периода составляют большую часть музейного собрания. Самыми крупными по объему являются фонды С.А.Есенина, П.П.Вершигоры, М.В.Исаковского, С.В.Михалкова.

Фонд С.А.Есенина включает многочисленные автографы стихотворений ("Вечер черные брови насопил...", "Край родной! Поля как святцы...", "Собаке Качалова" и др.), поэмы "Песнь о великом походе", отрывки из поэм "Сорокоуст", "Черный человек", наборный экземпляр первых трех томов Собрания сочинений 1926 года с правкой Есенина; письма поэта родным и друзьям; письма Н.К.Вержбицкого, В.И.Вольпина, В.А.Мануйлова, В.Ф.Наседкина, П.И.Чагина, И.И.Шнейдера, В.И.Эрлиха; анкеты, договоры с издательствами, воспоминания о Есенине.

Наиболее полно отражает творческую биографию писателя фонд П.П.Вершигоры. В него входят многие варианты глав и окончательный текст романа "Люди с чистой совестью", письма партизан, документы по истории партизанского движения, собранные П.П.Вершигорой.

В фонде М.В.Исаковского хранятся рукописи более ста его произведений (стихотворения "Вдоль деревни", "И кто его знает", "Катюша", "Враги сожгли родную хату" и др.,

поэма “Четыре желания”, черновики переводов стихотворений поэтов разных стран); письма Н.И.Рыленкова, А.Т.Твардовского, А.А.Фадеева и других писателей, переписка с читателями. В своем архиве М.В.Исаковский оставил машинописные копии ответов. Несколько сот писем со стихами графоманов дадут возможность социологу культуры реконструировать стереотип “поэта” (которым легко стать), сформировавшийся в сознании массового читателя в 1940–1950 гг.

Среди творческих рукописей в фонде С.В.Михалкова находятся многочисленные варианты Гимна Советского Союза, стихотворения для детей (“Дядя Степа”, “Дядя Степа в Красной Армии”, “Дядя Степа — милиционер” и другие); басни (“Лиса и бобер”, “Заяц во хмелю”, “Морской индюк” и многие другие), пьесы (“Дикари”, “Раки”, “Сомbrero”). Кроме автографов имеется большое количество читательских отзывов о его произведениях, личные документы.

Рукописи, черновые наброски, письма, записные книжки, личные документы содержатся в фондах А.В.Луначарского, А.С.Серафимовича, Э.Г.Багрицкого, П.Н.Васильева, А.П.Гайдара, М.М.Пришвина, В.В.Вишневского, А.Н.Толстого, А.И.Безыменского, Н.Н.Асеева, В.П.Ставского, А.А.Фадеева, К.А.Федина, С.Я.Маршака, Ю.К.Олеши, К.Г.Паустовского, А.А.Ахматовой, Б.Л.Пастернака, К.М.Симонова, В.П.Катаева, И.Г.Эренбурга, К.И.Чуковского, М.А.Шолохова. В числе авторских рукописей — сценарий А.С.Серафимовича “Железный поток”, варианты отдельных сцен пьесы К.А.Тренева “Любовь Яровая”, главы поэмы Н.Н.Асеева “Маяковский начинается”, рассказ А.П.Гайдара “Голубая чашка”, варианты поэмы П.Г.Антокольского “Сын”, “Поэма без героя” А.А.Ахматовой (редакция 1946 г.), стихотворения Б.Л.Пастернака и перевод трагедии Шекспира “Отелло”, страницы рукописи “Тихого Дона” и “Судьбы человека” М.А.Шолохова, военные дневники К.М.Симонова (1942 г.).

В коллекции литературного критика Н.И.Замошкина хранятся автографы произведений Андрея Белого, П.Н.Васильева, Н.А.Клюева, С.И.Кирсанова, Л.М.Леорова,

В.А.Луговского, В.В.Маяковского, О.Э.Мандельштама, Б.Л.Пастернака, И.Л.Сельвинского, М.С.Шагинян; в фонде поэта М.А.Зенкевича — авторские рукописи О.Э.Мандельштама, письма В.И.Нарбута.

Архив Е.Ф.Никитиной состоит из ее личного фонда (дневники, биографические документы, письма писателей, знакомых и друзей); протоколов и программ заседаний литературного объединения “Никитинские субботники”. Коллекции, собранные Е.Ф.Никитиной, включают автобиографии и биографии русских и советских писателей; несколько крупных фондов (П.Л.Вячеславов, Марк Крицкий, Л.Я.Циновский), небольшие комплексы архивных документов В.Е.Ардова, Артема Веселого, Б.В.Ковынева, М.Я.Козырева, С.Д.Кржижановского, Э.Е.Левонтина, А.С.Неверова, П.Н.Сакулина, П.А.Радимова, М.К.Савина, И.Г.Савича, С.В.Шувалова; списки произведений А.А.Ахматовой, М.А.Булгакова, Б.Л.Пастернака, М.И.Цветаевой; автографы Д.Л.Андреева, Н.Н.Асеева, А.Н.Афиногенова, Ю.К.Балтрушайтиса, К.Д.Бальмонта, Н.С.Берендгофа, С.М.Городецкого, А.А.Жарова, Д.Б.Кедрина, Б.П.Корнилова, В.А.Луговского, И.А.Новикова, С.С.Ольденбурга, Г.А.Шенгели и др.

В ГЛМ хранятся фонды Общества русских драматических писателей и оперных композиторов — Московского общества драматических писателей и композиторов (ОРДП — МОДПиК); книгоиздательства писателей в Москве, отражающие их организаторскую деятельность.

В архиве журналов “Красноармеец” и “Краснофлотец” собраны рукописи авторов, приславших произведения для публикации в 1942-1944 гг.: В.Б.Азарова, В.М.Гусева, Я.А.Козловского, М.С.Петровых, А.П.Платонова, М.А.Шехтера, А.Я.Яшина; повести, рассказы, стихи солдат и офицеров — участников войны.

Музей располагает небольшим, но представительным собранием альбомов начала XIX — первой трети XX в. — литературно-бытовых; альбомов с автографами литераторов и деятелей культуры. Имеются альбомы из семьи Н.П.Вагнера, В.И.Даля; альбомы, принадлежавшие С.С.Мамонтову, Ф.Ф.Фидлеру. В альбоме М.А.Стакле со-

браны автографы Р.-М.Рильке, Т.Манна, Г.Гессе, С.Лагерлеф, С.Я.Надсона, А.Н.Апухтина, С.А.Есенина, С.А.Клычкова, А.Б.Мариенгофа, А.М.Горького, Б.Л.Пастернака и многих других.

В 1976 г. при разборе делопроизводственного архива ГЛМ были обнаружены рукописи из архива “Звеньев” — сборников материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV — XX вв., издававшихся музеем в 1932-1951 гг. Очевидно, в 1951 г. архив не полностью был передан в “Литературное наследство”, приблизительно шестая часть (около 200 рукописей) осталась в музее. Здесь находятся материалы, подготовленные к публикации, с предисловиями и комментариями М.К.Азадовского, В.И.Срезневского, А.А.Сиверса, Н.О.Лернера, С.К.Шамбинаго; отчет П.Г.Богатырева “Русские документы в датских архивах”, рукописи воспоминаний О.И.Зубовой о М.Е.Салтыкове-Щедрине, В.Е.Чешихина (Ветринского) о петрашевце Д.Д. Ашхарумове, К.А.Морозовой о Н.А.Морозове.

Фольклорный архив создан в музее в 1932 г. по инициативе В.Д.Бонч-Бруевича и Ю.М.Соколова³². В короткое время он стал крупнейшим хранилищем записей устного народного творчества, научным центром фольклористики. В структуре музея архив был самостоятельным подразделением и вел большую собирательскую, научно-исследовательскую и публикаторскую работу. Отдел подготовил к изданию “Былины М.С.Крюковой” (“Летописи ГЛМ”, кн. 6, 1939; кн. 8, 1941), “Сказки И.Ф.Ковалева” (“Летописи ГЛМ”, кн. 11, 1941), “Онежские былины” (“Летописи ГЛМ”, кн. 13, 1948).

В 1941 г. большая часть документов была передана в ЦГЛА, а отдел преобразован в сектор.

С 1944 г. сектором руководила С.И.Минц (1899-1964) — исследователь, собиратель и пропагандист устного народного творчества.

Фольклорный архив включает личные фонды ученых — фольклористов и этнографов; коллекции традиционного фольклора (в основном русского) в записях дореволюционного и советского времени; коллекции фольклора со-

ветского периода. В архиве 422 коллекции, более 6000 ед. хр. Время записей: 2-я половина XIX в. — 1980-е гг. Значительную часть собрания составляют документы фольклорных экспедиций научных учреждений.

Здесь хранятся личные фонды ученых — Ф.И.Буслаева, В.А.Водарского, Е.Н.Елеонской, М.М.Никитина, Э.В.Померанцевой, Г.Н.Потанина, Б.М. и Ю.М.Соколовых. В их составе монографии, статьи, переписка, биографические документы.

Записи дореволюционного периода представлены в коллекциях известных собирателей и исследователей фольклора Д.П.Ознобишина (фольклор Сибири), В.Ф.Миллера (литовские и латышские сказки), В.И.Покровского (песни Нижегородской и Саратовской губерний), А.А.Савельева (фольклор Енисейской губернии), И.Ф.Каллиникова (сказки, песни, частушки Орловской губернии), М.Б.Эдемского (сказки, песни, частушки, загадки Вологодской губернии). Произведения русского фольклора, записанные в Европейской части России и в Сибири, имеются в фонде Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАиЭ).

Собрание включает материалы фольклорных экспедиций: в Переславль-Залесский (1924), в Заонежье (“По следам Рыбникова и Гильфердинга”, 1926-1928), по республикам СССР (редакция “Две пятилетки” издательства “Правда” для сборника “Творчество народов СССР”, 1935-1936), в д. Лопшенгу Архангельской обл. (ГЛМ, 1937), в Архангельскую и Вологодскую обл. (ГЛМ, 1937), в Закарпатскую область Украины (ГЛМ и Институт этнографии АН СССР, 1946), в Каменский и Вешенский районы Ростовской обл. (ГЛМ, 1950).

Своеобразная летопись устного народного творчества 1941-1945 гг. представлена в фонде фольклора Великой Отечественной войны, собранном сотрудниками музея и участниками войны: устные рассказы, песни, частушки, стихи, поговорки, бытовавшие на фронте, в тылу, в немецких концлагерях³³. Инициативную роль по формированию фонда сыграла листовка-инструкция по собиранию фоль-

клора, выпущенная музеем в годы войны. С.И.Минц была одним из организаторов этой работы.

Различные жанры устного народного творчества в записях советского времени содержатся в личных коллекциях собирателей: И.С.Коровкина-Купалова (фольклор Омской обл.), В.М.Чужимова (былины и духовные стихи, записанные от М.С.Крюковой и И.Е.Точилина в Архангельской обл.), Н.А.Косова (сказки Тамбовской обл.), И.Я.Рокачева-Вешенского (песни донских казаков), В.П.Максимова (песни, частушки, побасенки, приметы Алтайского края), А.Т.Капралова (баллады, обрядовые и лирические песни, частушки, поговорки Брянской обл.), Ю.М.Грибковой (частушки, баллады, песни, пословицы и поговорки Горьковской обл.), А.В.Сажина (баллады, песни, частушки, пословицы и поговорки Московской, Тульской, Белгородской, Пермской обл.), И.И.Березина (частушки, свадебные обряды Архангельской обл.), С.С.Торбокова (шорские эпические песни Новокузнецкого р-на Кемеровской обл.).

Сохранение, изучение и пропаганда исторического и духовного наследия — основная социально-культурная функция музеев. Этим задачам служит вся деятельность ГЛМ, и прежде всего его экспозиции и выставки, где творческая рукопись, письмо, биографический документ занимают важнейшее место. В комплексе с другими памятниками культуры (изобразительное искусство, книги, мемориальные предметы) документы образуют своеобразный историко-культурный контекст эпохи.

Рукописные фонды ГЛМ — одна из источниковых баз для изучения истории отечественной литературы. С архивными документами отдела работают научные сотрудники музея при подготовке научных концепций и тематико-экспозиционных планов; ведется плановое изучение собранных документальных памятников. Результаты исследований публикуются в сборниках научных трудов ГЛМ, в "Литературном наследстве", в периодической печати.

ГЛМ предоставляет исследователям широкий доступ к архивным источникам. Документы публикуются в научных изданиях, используются во многих монографиях,

статьях, диссертациях. По оригиналам, хранящимся в музее, печатаются письма И.С.Тургенева, Ф.М.Достоевского, А.Н.Островского, А.П.Чехова; тексты А.А.Блока, С.А.Есенина, Н.А.Клюева, П.Н.Васильева, О.Э.Мандельштама и др.

За последние годы к материалам музея обращались исследователи, разрабатывающие такие темы, как историография народничества, большевистская печать Сибири, русское освободительное движение в исторической науке XIX — нач. XX в. Фонд В.Я.Богучарского изучал писатель Ю.В.Давыдов, собирая материалы для романа “Соломенная сторожка”.

Интенсивность использования архивных документов зависит от полноты научного описания, состояния справочных каталогов, от информации о составе фондов. Сведения о рукописных фондах музея включены в указатель “Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР”³⁴.

Многие документы, собранные музеем, ждут исследования и публикации. Для информирования научной общественности о составе документов отдела готовится к изданию каталог рукописных книг; ведется работа по составлению Путеводителя по рукописным фондам Государственного Литературного музея.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Бонч-Бруевич В.Д.* Первые шаги Центрального Литературного музея. — Литературное наследство. — М., 1932, т. 3.
2. ЦГА РСФСР, ф. 629, оп. 1, д. 92.
3. *Черных В.А.* В.Д.Бонч-Бруевич и получение из-за границы рукописных материалов по истории русской культуры. — Археографический ежегодник за 1973 год. — М., 1974.
4. *Дементьев Ю.Г.* Вклад В.Д.Бонч-Бруевича в советское архивное строительство. — Советские архивы, 1973, № 3.
5. *Воронин С.А.* О собирании В.Д.Бонч-Бруевичем документов по истории издательского дела в России. — Советские архивы, 1987, № 1.
6. *Сырченко Л.Г.* Личные фонды деятелей русской литературы и искусства в архивах СССР. — М., 1975, с. 24-26.
7. *Чудакова М.О.* Рукопись и книга. — М., 1986, с. 61, 163.
8. *Межова К.Г.* Источники по архивно-собирательской деятельности В.Д.Бонч-Бруевича (1931-1941): Дис... канд. ист. наук. М., 1974; Деятельность В.Д.Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения. — Советские архивы, 1973, № 3; Протоколы заседаний фондовой комиссии как источник по истории комплектования рукописных фондов Гослитмузея. — Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974.
9. *Шумихин С.В.* Образование, комплектование и использование архивного собрания Государственного Литературного музея в 1931-1941 гг. — Дис... канд. ист. наук. М., 1988.
10. *Сырченко Л.Г.* Указ. соч., с. 34-35.
11. ЦГА РСФСР, ф. 629, оп. 1, д. 261, л. 1, 2.
12. ГЛМ. Книга N 1 описей передачи рукописей в ГАУ НКВД в 1941 г.
13. ГЛМ, ф. 230, д. 512.
14. ЦГА РСФСР, ф. 629, оп. 1, д. 261, л. 5-10.
15. Там же, д. 227.
16. Там же, д. 238, л. 3, 6.
17. Писатели в Отечественной войне 1941-1945 гг. Письма читателей. — М.: Гослитмузей, 1946.
18. ЦГА РСФСР, ф. 629, оп. 1, д. 376.
19. Там же, д. 414, л. 3 об., 4.
20. Там же, л. 5.
21. Там же, л. 7.
22. Там же, л. 39.
23. Там же, л. 21.
24. Там же, л. 24, 25, 30, 32.
25. Там же, л. 34 об.
26. ГЛМ, ф. 287, д. 15.

-
27. Там же, д. 80-а, л. 1-2.
28. Там же, д. 77-79.
29. ЦГА РСФСР, ф. 629, оп. 1, д. 519.
30. ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. М., 1963, с. 317-319.
31. *Титов А.А.* Описание рукописей Ростовского музея церковных древностей. — Ярославль, 1886-1889, ч. I-II.
32. *Миц С.И.* Фольклорный архив Государственного Литературного музея. — Советская этнография, 1963, № 3.
33. *Миц С.И.* Коллекция фольклора Великой Отечественной войны в Государственном Литературном музее. — Русский фольклор Великой Отечественной войны. — М. — Л., 1964.
34. Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР. Указатель. — М., 1963, т. 1-2; М., 1980, т. 3.

ДОСТОЕВСКИЙ НА ПУШКИНСКИХ ВЕЧЕРАХ ЛИТФОНДА

Чествование памяти Пушкина в 1880 г. не ограничилось московскими торжествами, проходившими в дни открытия памятника великому поэту. Оно было продолжено и в Петербурге. “Достойным завершением чествования памяти народного поэта” петербургские газеты называли пушкинские чтения, устроенные в октябре 1880 г. Литфондом (“Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым”) в пользу “пушкинского капитала”¹.

Достоевский был участником этих чтений. В “Общество”, основанное в Петербурге в 1859 г., Достоевский вступил 20 декабря того же года, вскоре после возвращения из сибирского изгнания и оставался в его рядах до последних дней своей жизни. Он принимал активное участие в деятельности Литфонда — хлопотал об оказании помощи литераторам и ученым, их вдовам и родственникам. С 1860 г. был участником, а иногда и организатором литературных чтений и спектаклей.

Документы, связанные с деятельностью Достоевского в Литфонде, хранятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (ф. 438).

В основном это протоколы заседаний Комитета, в которых участвовал Достоевский².

Недавно в поле зрения исследователей оказались и документы, хранящиеся в Отделе рукописных фондов Государственного Литературного музея. Они находятся в той части коллекции А.Г.Достоевской, которая считалась утраченной и была обнаружена нами в Государственной публичной исторической библиотеке в 1962 г.²

Занимаясь изучением журналов братьев Достоевских “Время” и “Эпоха”, мы заметили на журнальных страницах пометы А.Г.Достоевской, а на титульных листах журналов овалынные штампы музея Достоевского при Историческом музее и инвентарные номера, поставленные четким почерком А.Г.Достоевской. Сомнений не было: это книги из коллекции А.Г.Достоевской, подаренной ею Москве.

А.Г.Достоевская была основательницей первого в России музея, посвященного памяти Ф.М.Достоевского. Он был открыт в одной из башенок Государственного Исторического музея в Москве в 1891 г., в 10-ю годовщину со дня смерти писателя, называясь вначале “Отделом Достоевского”, а в мае 1906 г. он был утвержден как “Музей памяти Достоевского”. В том же году А.Г.Достоевская издала две книги: “Музей памяти Ф.М.Достоевского при императорском Российском Историческом музее им. Александра III в Москве” (в 500 экземплярах с иллюстрациями) и “Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М.Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф.М.Достоевского”.

В 1929 г. “Музей памяти Ф.М.Достоевского” был закрыт. Рукописная часть коллекции была передана в Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина, а изобразительный материал и книги — в Музей-квартиру Ф.М.Достоевского, открытый в 1928 г. на Божедомке, ныне ул. Достоевского, в одном из флигелей Мариинской больницы для бедных, где прошли первые шестнадцать лет жизни писателя. В 1940 г. этот музей стал филиалом Государственного Литературного музея, и все хранившиеся в нем материалы вошли в состав его фонда.

Долгое время считалось, что вся московская часть коллекции А.Г.Достоевской находится в указанных хранилищах. Однако обнаруженные нами в Исторической библиотеке книги с инвентарными номерами, которые совпадают с номерами составленного А.Г.Достоевской “Библиографического указателя сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф.М.Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф.М.Достоевского” в Московском Историческом музее им. императора Александра III”

(М. — Спб., 1906), убедили в том, что часть коллекции попала и в эту библиотеку.

В ходе проведенных в 1962 и 1976 гг. поисков, в которых приняли участие и сотрудники библиотеки, были найдены русские и зарубежные издания произведений Достоевского с номерами А.Г.Достоевской (многие из них — в заказанных ею черных коленкорových переплетах, с вытесненным серебром на обложке факсимильным воспроизведением автографа Достоевского). Среди рецензий на сочинения писателя оказались тетради с переписанными рукою А.Г.Достоевской рецензиями из русских и зарубежных журналов, тетради с инсценировками произведений Достоевского, подаренные вдове писателя их авторами (среди них — инсценировка романа “Село Степанчиково”, созданная К.С.Станиславским). Нашлась и тетрадь, озаглавленная “Книга для записывания книг из моей библиотеки”, по которой Л.П.Гроссман в 1919 г. воспроизвел каталог библиотеки Ф.М.Достоевского.

Немало тетрадей содержат деловые, денежно-имущественные документы А.Г.Достоевской, собранные ею газетные вырезки со статьями о Достоевском. В рукописном отделе Исторической библиотеки была обнаружена нами и черная папка А.Г.Достоевской “Документы о прохождении службы и официальные бумаги Ф.М.Достоевского” (с девятнадцатью документами). Среди них — диплом Достоевского на звание члена-корреспондента Академии наук.

В этой части коллекции оказались и две тетради с материалами, имеющими отношение к Литфонду. Одна из тетрадей содержит в основном деловые документы, связанные с финансовыми отношениями Достоевского с Литфондом³, в другой (переплетенной тетради большого формата)⁴ собраны программы и афиши тех литературных чтений, в которых Достоевский принимал участие, газетные объявления и отчеты о них, программы и афиши вечеров, посвященных памяти Достоевского. Среди них немало афиш и программ вечеров Литфонда. В разные годы Достоевский прочел на вечерах Литфонда отрывки из многих своих сочинений. Некоторые из этих вечеров упоминаются в его произведениях. В последний год своей жизни он читал на

вечерах Литфонда стихотворение Некрасова “Когда из мрака заблужденья”, отрывок из 1-й части поэмы Гоголя “Мертвые души” (сцену между Собакевичем и Чичиковым).

Особое значение имело для него участие в Пушкинских чтениях. А.Г.Достоевская сохранила программы двух Пушкинских чтений Литфонда. Первым было “Пушкинское утро”, устроенное Обществом для пособия литераторам и ученым 19 октября 1880 г. в день Лицейской годовщины, в пользу учрежденного Литфондом “пушкинского капитала”. В нем принимали участие известные писатели и поэты. Такие пушкинские “утра” и “вечера”, на которых литераторами исполнялись только произведения Пушкина, впервые состоялись в Москве в дни пушкинских торжеств накануне открытия памятника поэту.

В письмах к А.Г.Достоевской из Москвы Ф.М.Достоевский рассказывает, что взамен театрального представления, отмененного в связи с кончиной императрицы Марии Федоровны, писатели “думают устроить чтение известными литераторами (Тургенев, я, Юрьев) произведений Пушкина по выбору (меня просят прочесть сцену инока летописца и, кроме того, Юрьев, я, Висковатов прочтем по стихотворению на смерть Пушкина: Юрьев — Губера, Висковатов — Лермонтова, а я Тютчева”⁵. (Разговор об этом происходил у Достоевского в Лоскутной гостинице.) “Многие читают, почти все: Тургенев, Григорович, Писемский...”⁶ — пишет он жене. Но чтение “Скупого рыцаря” у Достоевского было “отнято” для артиста Малого театра И.В.Самарина; Достоевскому “определили” в заключение праздника прочесть стихотворение Пушкина “Пророк”: “От “Пророка” я, пожалуй, не откажусь”; “Пророка” намерен прочесть хорошо”⁷.

Первое чтение в Благородном собрании в Москве состоялось 6 июня 1880 г. днем — это, рассказывал Достоевский, была как бы репетиция; среди слушателей было много молодежи. Достоевский читал пятую сцену “Бориса Годунова” и утром и вечером: “Говорят, превосходно”⁸. После чтения его вызывали три раза, писал он 7 июня, добавив: “Завтра мой главный дебют”⁹.

8 июня утром на втором заседании Общества любителей российской словесности Достоевский произнес свою знаменитую речь о Пушкине. “Люди незнакомые между публикою плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучше, не ненавидеть впредь друг друга... — Вы нас помирили!.. Вы наш святой, вы наш пророк! — кричали в толпе”¹⁰. И, когда в тот же вечер Достоевский появился на сцене Благородного собрания на литературно-музыкальном вечере с чтением пушкинского “Пророка”, его самого встретили как пророка. “Достоевский дважды читал его, и каждый раз с такой напряженной восторженностью, что жутко было слушать”, — вспоминал Н.Н.Страхов¹¹.

Председатель Литфонда В.П.Гаевский, слышавший Достоевского в Москве, просил его принять участие в пушкинском празднестве 19 октября и вновь исполнить “Пророка”. “Я не мог отказать”, — рассказывал Достоевский знакомым¹², а устроителей чтения просил позволить ему прочитать и другие произведения Пушкина. “Читать на вечере 19 октября я готов, — писал он Гаевскому, — но желал бы прочесть монолог “Скупого рыцаря” (в подвале) и “Медведицу”. Иначе буду читать без удовольствия. Читаешь только то хорошо, что умеешь прочесть”¹³. Просьба Достоевского была исполнена.

ОБЩЕСТВО
ДЛЯ ПОСОБИЯ
нуждающимся
литераторам и ученым
В воскресенье, 19 октября, в 2 часа
в зале

С.-П.-Б. Городского
Кредитного Общества
(у Александринского театра)

Ч Т Е Н И Е
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

Программа

1. 19 Октября 1825 г. . . . . прочтет Я.К.Грот

2. “К морю”
3. “Для берегов отчизны дальней” ... П.И.Вейнберг
4. 19 Октября 1827 г.
5. 19 Октября 1831 г. .... Гр. А.А.Голенищев-Кутузов
6. “Утопленник” ..... Д.В.Григорович
7. Из “Скупого рыцаря”,
сцена 2 (подвал) ..... Ф.М.Достоевский
8. Из “Евгения Онегина”: главы
3-й строфы XXXI-XXXV
(письмо Татьяны) ..... М.Г.Савина
5 минут антракта
9. “Брожу ли я вдоль улиц шумных”
10. “Безумных лет угасшее веселье” ... А.Н.Плещеев
11. “Моцарт и Сальери” ..... Д.В.Григорович
12. “Как весенней теплою порою” ... Ф.М.Достоевский
13. Из “Бориса Годунова”,
сцена в корчме на
Литовской границе ..... И.Ф.Горбунов
15. “Памятник” ..... Я.К.Грот

На следующий день газеты писали: “Продолжительные рукоплескания вызвали появление Д.В.Григоровича, прочитавшего две вещи: “Утопленник” и “Моцарт и Сальери”. Но всего сочувственнее был принят Ф.М.Достоевский. — Не знаем, был ли это отклик московского торжества, или вполне независимо от московской речи, наша публика хотела выразить свои симпатии автору “Преступления и наказания”, “Бесов” и “Братьев Карамазовых”, но всякое появление маститого романиста-психолога нашего вызывало буквально гром рукоплесканий. Публика даже злоупотребляла своим правом вызывать лектора. После прекрасно прочитанных отрывка из “Скупого рыцаря” (сцена 2) и стихотворения “Как весенней теплою порою”*, Ф.М. пришлось, по настоятельному требованию публики, про-

* “Сказка о медведихе”. 1830 (?)

честь еще третье, не входившее в программу, стихотворение “Пророк”...¹⁴

“Ф.М.Достоевский разбитым старческим голосом, как нельзя лучше соответствующим содержанию пьесы, прочел Сцену в подвале “Скупого рыцаря”... Когда после прочитанного г. Достоевским отрывка “Как весенней теплою порою” он был вызван публикою, то продекламировал стоя с неподражаемым пафосом “Пророка”. Заключительную строфу: “Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполни волею моею, / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей” Достоевский произнес со слезами в голосе, чем и произвел немалый эффект”¹⁵.

“Чтение это было настоящим триумфом для Федора Михайловича, — вспоминала А.Г.Достоевская. — Казалось, стены Кредитного общества дрожали от рукоплесканий, когда Федор Михайлович окончил “Пророка”. Надо признать, что это было поистине высокохудожественное чтение, оставившее в слушателях неизгладимое впечатление. Мне случилось встречать людей, которые по прошествии двух десятков лет помнили, как поразительно хорошо удавалось прочесть Федору Михайловичу это талантливое стихотворение”¹⁶.

Сохранилось немало воспоминаний о том, каким был Достоевский на сцене в минуты чтения “Пророка”. Так, Н.Н.Страхов рассказывал: “Зная его, я не мог без невольной жалости и умиления видеть его истощенное маленькое тело, охваченное этим напряжением. Правая рука, судорожно вытянутая вниз, очевидно, удерживалась от напрашивающегося жеста, голос был усиливаем до крика. Чтение выходило слишком резким, хотя произношение стихов было прекрасное. В этом отношении я вполне разделял вкус Федора Михайловича, любившего напирать на музыкальность, на ритм стихов, разумеется, без нарушения естественности. В конце жизни он достиг в таком чтении удивительного мастерства и любил читать и перед публикою и в частных кружках”¹⁷.

В исполнении Достоевским стихов Пушкина многие современники не находили ни единой фальшивой ноты.

Вдохновенно и восторженно декламировавший Пушкина всю жизнь — и в годы ранней юности в родительском доме на Божедомке, и в кругу петрашевцев¹⁸, и в годы ссылки¹⁹, — Достоевский относился к публичным чтениям с большой ответственностью. Так, в письмах к А.Г.Достоевской из Москвы в дни пушкинских торжеств он рассказывает, как тщательно готовится к ним и днем (в свободные часы) и ночью. В этих письмах содержатся и “чтецкие” замечания Достоевского. Так, беспокоясь о том, что монолог Пимена придется ему читать в одной из самых глухих зал Благородного собрания, он пишет: “...Пимен не может же кричать на всю залу”²⁰. “Монолог Летописца — самый трудный к чтению, требует спокойствия и обладания сюжетом”²¹, — замечает Достоевский, тревожась, что ему придется читать его (монолог) усталым после всех церемоний, происходивших в тот день, — и открытия памятника, и заседания в Университете, и обеда в Думе.

В одной из записных тетрадей А.Г.Достоевской, всегда в последний год сопровождавшей писателя на вечера, сохранилась запись о том, как произносил Достоевский отдельные строки пушкинского “Пророка” и “Скупого рыцаря”:

И у г л ь, пылающий огнем...

И п о т е к у т... богатства

Глаголом Ж Г И сердца людей...

И вырвал (как можно резче)

грешный мой язык”²².

Из этой записи видно, какие слова были особенно ударяемы, а какие произносились замедленно.

“Когда я узнал Достоевского, — вспоминал Н.Н.Страхов, познакомившийся с писателем в 1860-х гг., — он был горячим поклонником Пушкина и Гоголя. Он и тогда любил читать те самые стихотворения Пушкина, которые потом читал на Пушкинском празднике. Но тогда, в те молодые годы, он читал хуже, читал несколько подавленным голосом; в этот же последний год он достиг такой твердости тона и мастерства выражения, что я изумлялся: часто это было совершенство в своем роде”²³.

Весьма вероятно, что “твердость тона” была проявлением того энтузиазма, с каким Достоевский читал эти произведения в дни пушкинских торжеств, отстаивая основные положения своей “Речи о Пушкине”, где все эти произведения упоминаются. Так, Достоевский был, пожалуй, первым и единственным из чтецов исполнителем “Медведицы”. Исполнив ее впервые в Москве утром на литературном празднике, он вечером говорил о незаконченной сказке Пушкина как об одном из сокровищ искусства и художественного “прозрения поэта”, которые свидетельствовали об его умении “сродниться с народом взаправду”. Достоевский находил в этой сказке то чувство “простодушнейшего умиления” и душевного соединения поэта с народом, которое, по его мнению, является “указанием для будущих, грядущих за ним художников”. И, выступая с чтением тех произведений Пушкина, о которых он собирался говорить в своей речи, отстаивая народность великого поэта, он как бы пропагандировал это пушкинское “указание”. Выступление с монологом Пимена — “величавого русского образа, отысканного Пушкиным в русской земле”²⁴, — со “Сказкой о медведихе” доставляло ему не только высокое художественное наслаждение, но и давало ощущение исполнения “указания”, которое было завещано великим поэтом русской литературе. Чтение Пушкина в Москве и затем в Петербурге на пушкинских вечерах Литфонда было для него продолжением той борьбы за народного поэта, которую он страстно вел на страницах своих публицистических произведений, утверждением тех положений, которые он старался выразить в своей знаменитой речи.

“Скупой рыцарь”, к исполнению которого на сцене он так стремился и в Москве и в Петербурге, упоминается им в “Речи о Пушкине”, как пример той способности к всемирной отзывчивости поэта, являющейся важной чертой его народности: “Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность. Вот сцены из “Фауста”, вот “Скупой рыцарь”²⁵

Пушкинский “Скупой рыцарь” с его центральной фигурой бароном Филиппом — “лицом колоссальным занимал творческое воображение Достоевского, когда он задумывался над “тайной” характера и поведения лиц, “поклонившихся деньгам”²⁶, или создавал образы героев, мечтающих о свободе и могуществе над миром.

“Я еще в детстве выучил наизусть монолог “Скупого рыцаря” у Пушкина, выше этого по идее Пушкин ничего не производил”²⁷. Эти строки, вложенные Достоевским в уста Аркадия Долгорукого в романе “Подросток”, автобиографичны — в них и воспоминания детских лет (Достоевский с детства знал, по свидетельству младшего брата, чуть ли не всего Пушкина наизусть) и его собственные оценки трагедии Пушкина.

Достоевский принял участие и во втором Пушкинском чтении, устроенном Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым 26 октября 1880 г., в том же зале Кредитного общества. В тетради хранится оповещение об этом вечере в газете “Петербургский листок” и его программа.

Вновь читались только произведения Пушкина. Посетителей было больше, чем в лицейскую годовщину. Была повторена та же программа, дополненная участием новых лиц (К.Случевский — “Погасло дневное светило”, “Осень”; Я.Полонский — “Жил на свете рыцарь бедный”; А.Потехин — “Анчар”; Ф.фон Мюнстер — “Воевода”). Достоевский по-прежнему читал “Скупого рыцаря”, “Медведицу” и “Пророка”, который на этот раз был указан в программе, и вновь по общему требованию восторженной публики был прочитан дважды.

А.Г.Достоевская рассказывала об этом вечере: “Успех литературного чтения 19 октября 1880 г., главным образом благодаря участию Федора Михайловича, был так велик, что председатель Литературного фонда решил повторить то же самое чтение через неделю, 26 октября. На этот раз овации, сделанные Федору Михайловичу, достигли своего апогея: публика аплодировала, вызывала Федора Михайловича, кричала “браво” и упростила его прочесть “Пророка” вторично, а затем ожидала его на лестнице и с аплодис-

ментами провожала его до подъезда. На этот раз энтузиазм был колоссальный, и Федор Михайлович был глубоко тронут таким могучим проявлением восторга нашей довольно холодной публики”²⁸.

“Притягательная сила чтения Достоевского была так велика, — вспоминал В.П.Гаевский, — что участие Достоевского в последних пушкинских вечерах наиболее содействовало увеличению “пушкинского капитала”²⁹.

Пушкинскими вечерами Литфонда завершились, по мнению газет, пушкинские торжества в Петербурге. Но для Достоевского они не закончились. Сохранившиеся в тетради программы свидетельствуют о том, что Достоевский не расстается с пушкинским “Пророком” и читает его на других литературных вечерах, даже и тогда, когда вечер посвящен исполнению писателями своих произведений или страниц из других авторов. Так, на вечере 14 декабря в Благородном собрании в пользу Бестужевских курсов, где он впервые вместе с Григоровичем читал во втором отделении вечера сцену из “Женитьбы” Гоголя (Достоевский — Подколесин, Григорович — Кочкарев), он не стал читать свой рассказ “Мальчик у Христа на елке”, передав его исполнение Григоровичу (что вызывало удивление авторов исследований о Достоевском)³⁰. Программа дает возможность разрешить это недоумение: Достоевский читает “Пророка” Пушкина и “Пророка” Лермонтова. Это было первое в его жизни и чрезвычайно важное для него исполнение двух “Пророков” на публичных чтениях:

**ПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА**

14 декабря 1880 г.

I отделение

1. “Мальчик у Христа на елке” Прочтет Д.В.Григорович	Ф.М.Достоевского
2. а) “Кабы Волга-матушка” б) “Родина” Лермонтова Прочтет О.Ф.Миллер	Гр. А.Толстого
3. 2-е действие ком. “Ревизор” Прочтут А.А.Потехин (роль Городничего)	Гоголя

П.И.Вейнберг (роль Хлестакова)
А.И.Пальм (роль Осипа)

4. а) “Сон в летнюю ночь” Майкова
б) “Отрочество” Полонского
Прочтет М.Г.Савина
5. а) “Пророк” Пушкина
б) “Пророк” Лермонтова
Прочтет Ф.М.Достоевский

П отделение

6. Отрывок из очерка “Забавы и развлечения в Городке” А.А.Потехина
Прочтет автор
7. *Lez Lunets dema grand'mire par Hippolyte Mitobon*
Прочтет Г-жа Лагранж-Белькур
8. а) “Двое похорон” П.И.Вейнберга
б) Застольная песнь из “Фаллерслебена”
Прочтет автор
9. Сцены из ком. “Женитьба” Гоголя
Прочтут: Ф.М.Достоевский (роль Подколесина)
Д.В.Григорович (роль Кочкарева)
10. а) “Блаженны Вы...” Плещеева
б) “Вперед”
Прочтет автор
11. “Из московского захолустья” Горбунова
Прочтет автор

31

“Пушкина я выше всех ставлю, у Пушкина это почти надземное, но в лермонтовском “Пророке” есть то, чего нет у Пушкина, желчи много у Лермонтова, — его Пророк — с бичом и ядом... Там есть они! И он прочел с желчью и ядом строки:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья, —
В меня же ближние мои
Бросали бешено камня...”³²

Тогда, несколько лет назад, чтение двух “Пророков”, в котором современники угадывали собственные признания Достоевского, происходило в тесной комнате редакции

“Гражданина”, заваленной свежими корректурами. Теперь, когда уже был завершён последний его роман “Братья Карамазовы” (“много в нём легло меня и моего”) ³³, когда начинали утихать страсти вокруг московской Пушкинской речи, вызвавшей споры по злободневным российским проблемам, и он болезненно воспринимал упреки из стана “своих”, обращение его к “Пророку” Лермонтова, завершающему его творчество, выступление с двумя “Пророками” на широкой аудитории говорили о его душевном состоянии и о том, как глубоко волновали его до последних дней мысли о высоком назначении поэта и сложных трагических взаимоотношениях Художника и Обществом.

По собранным Анной Григорьевной программам видно, что с чтением двух “Пророков” Достоевский выступал в декабре дважды — ещё раз 22 декабря на литературно-музыкальном вечере в пользу одного из петербургских приютов в зале графини Менгден на Дворцовой набережной. Из писателей вместе с ним выступали А. Майков, читавший два стихотворения Пушкина, и Я.Полонский — стихи А.К.Толстого.

Выступления Достоевского на литфондовских пушкинских вечерах и чтение двух “Пророков” на декабрьских надолго запомнились тем, кто его слышал. Так, А.Блок, размышляя о литературных вечерах своего времени, писал в 1908 г.: “На днях один писатель (не моего поколения) рассказывал мне о прежних литературных вечерах, бывали они очень редко и всегда отличались особой торжественностью. Нечего и говорить о том, почему был прав Достоевский, когда с эстрады “жег сердца людей” “Пророками” Пушкина и Лермонтова. Это было торжество неслыханное, — разве можно было не запомнить такого “явления” Достоевского “народу” на всю жизнь? Но почему потрясали сердца? Да потому, говорил мне писатель, что они как бы напоминали о чем-то, будили какие-то уснувшие струны, вызывали к жизни высокие и благородные чувства” ³⁴.

Пушкинские вечера Литфонда положили начало другим петербургским вечерам, посвященным памяти великого поэта. 29 января Достоевский должен был участвовать в

пушкинском вечере (день смерти поэта), задуманном Комитетом Общества вспомоществования студентам при Петербургском университете, как дань особого (после московских торжеств) чествования великого поэта в Петербурге. Достоевский выбрал для чтения последнюю главу “Евгения Онегина”, о которой он говорил в своей речи, назвав “знаменитой” сцену последней встречи Татьяны с Онегиным, где, по его утверждению, и высказана Татьяной главная нравственная мысль романа о невозможности счастья, основанного на чужом несчастье и страдании (мысль, столь близкая автору “Преступления и наказания” и “Братьев Карамазовых”: “...в решении Татьяной вопроса в последней главе романа я вижу мысль и всю правду поэмы, для которой может быть она и была задумана” — записано им в черновике к “Речи”)³⁵.

Но на вечере, проходившем в зале Кононова 29 января, пришлось поминать вместе с Пушкиным и самого Достоевского, умершего 28 января 1881 г. На сцене был поставлен окруженный венками портрет Достоевского на смертном одре, созданный И.Крамским утром 29 января. С поминательными речами во втором отделении пушкинского вечера выступили Д.Григорович и О.Миллер, по словам которого Достоевский “собирался говорить о всеобъемлемости Пушкина”. “Господин Миллер, — сообщал хроникер, описывая вечер, — рассказывал... как еще в воскресенье он видел Ф.М. здоровым, радостно ожидавшим дня, когда он будет говорить о Пушкине, сочинения которого он с восторгом перелистывал, выбирая на чем ему остановиться”³⁶.

Известно свидетельство А.С.Суворина, посетившего Достоевского за десять дней до его кончины, о том, что он собирался писать о Пушкине в 1881 г. в “Дневнике писателя”³⁷.

Сообщение хроникера “Нового времени” содержит важное свидетельство О.Миллера о желании Достоевского вновь при многочисленной публике, так восторженно и сочувственно принимавшей его в Москве и в Петербурге на пушкинских чтениях, говорить о Пушкине. Московскую “Речь” он считал “слишком краткой”, не позволившей ему

развить свою мысль “во всей полноте”³⁸. И весьма вероятно, что в Петербурге состоялась бы еще одна Речь о Пушкине, в которой были бы затронуты также и вопросы, вызванные полемикой вокруг московской Речи.

Литфонд первым объявил в феврале 1881 г. о литературных чтениях, посвященных памяти Достоевского. Программа этого вечера, состоявшегося 6 марта в зале Коновона, где выступали с чтением произведений Достоевского те же писатели, с которыми он выступал на пушкинских чтениях, в тетради Достоевской нет. Ею сохранены программы других вечеров, посвященных его памяти. Среди них — программа литературного чтения из сочинений Ф.М.Достоевского, происходившего 1 февраля 1882 г. в зале Кредитного Общества. Чтение было объявлено “в пользу народной школы его имени и на памятник ему”³⁹. Знаменателен сделанный писателями выбор произведений Достоевского для чтения на вечере его памяти: Д.В.Григоревич читает автобиографические страницы Достоевского из “Дневника писателя”; выступают товарищи по делу Петрашевского: А.И.Пальм читает отрывок из “Бедных людей” о похоронах бедного студента Покровского, в котором современники угадывали черты В.Г.Белинского; А.Н.Плещеев — отрывки из “Записок из Мертвого дома”; Вл.Соловьев, которому Достоевский рассказывал во время их поездки летом 1878 г. в Оптину пустынь о главной мысли и плане “Братьев Карамазовых”, читает главу “Кана Галилейская”, считавшуюся Достоевским “самой существенной во всей книге, а может быть и в романе”⁴⁰. Возможно, именно об этой главе беседовали в дороге великий писатель и молодой философ, черты и взгляды которого нашли отражение в романе. О.Миллер в заключение вечера читает “Речь в Москве о Пушкине (1880)”, воспринимавшуюся современниками как завещание великого писателя.

Бережно сохраненные А.Г.Достоевской программы и афиши литературных чтений, особенно те, которых касалась рука писателя, дают возможность оживить известное новыми штрихами, установить новые факты в биографии писателя и обогатить наши представления о его окружении и литературно-общественной жизни его эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новое время, 1880, 21 октября, № 1670.

2. *Заборова Р.Б.* Достоевский и Литературный фонд. — Русская литература, 1975, № 3, с. 158-171; *Орнатская Т.Н.* Деятельность Достоевского в "Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым" (1859-1866). — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, т. VII, 1987, с. 238-260.

3. Тетрадь озаглавлена А.Г.Достоевской: "Официальные документы, относящиеся до отношений Ф.М.Достоевского к Обществу для пособия нуждающимся литераторам и ученым". — ГЛМ, ф. 81, д. 4828.

Материалы из тетради опубликованы в статьях: И.Д.Якубович. Неизвестные деловые бумаги Достоевского. — В кн.: Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, т. VII, 1987, с. 261-270 и в названной статье Т.Н.Орнатской (с. 241). Коган Г.Ф. Черновой набросок к роману "Униженные и оскорбленные". — Литературное наследство, т. 86. Ф.М.Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973, с. 11-15. (Черновик обнаружен на повестке Литфонда, приглашавшей писателей, участвующих в спектакле "Ревизор", на репетицию.)

4. Тетрадь, в которой собраны афиши и программы, состоит из трех разделов. Афиши Литфонда находятся в разделе первом: "Программы и афиши литературных вечеров, в которых Ф.М.Достоевский принимал участие". — ГЛМ, ф. 81, 1311, лл. 22,23.

5. *Ф.М.Достоевский — А.Г.Достоевской.* Москва. 1880, июнь. В кн.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. — Л.: Наука, 1988. Т. 30(1). Письма. В дальнейшем все письма цитируются по этому изданию.

6. 28-29 мая (т. 30(1), с. 170); 7 июня (т. 30(1), с. 183).

7. 2-3 июня (т. 30(1), с. 175); 7 июня (т. 30(1), с. 183).

8. 7 июня (т. 30(1), с. 182).

9. 7 июня (т. 30(1), с. 183).

10. 8 июня (т. 30(1), с. 184).

11. *Страхов Н.Н.* Воспоминания. Пушкинский праздник. — В кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Достоевского. — Полн. собр. соч. Ф.М.Достоевского, т. 1, Спб., 1883, с. 312. (Первая пагинация).

12. *Ф.М.Достоевский — М.А.Поливановой.* 18 октября 1880. Петербург (т. 30(1), с. 220).

13. *Ф.М.Достоевский — В.П.Гаевскому.* 30 сентября 1880. Петербург (т. 30(1), с. 216).

14. Берег. — 1880, 20 октября, № 209.

15. Голос. — 1880, 20 октября, № 290.

16. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. — М.: Художественная литература, 1971, с. 367.

17. *Страхов Н.Н.* Воспоминания. — В кн.: Биография... с. 312. (Первая пагинация).

18. *Миллюков А.П.* Литературные встречи и знакомства. Спб., изд. А.С.Суворина, 1890, с. 177.
19. *Врангель А.Е.* Воспоминания. — М., 1912, с. 33.
20. 7 июня 1880, т. 30(1), с. 182.
21. 5 июня 1880, т. 30(1), с. 180.
22. *Гроссман Л.П.* Жизнь и труды Достоевского. — М.-Л., Академия, 1935, с. 302.
23. *Страхов Н.Н.* Речь на поминках Ф.М.Достоевского в Славянском Благотворительном обществе. — В кн.: Биография..., с. 61 (Третья пагинация).
24. *Ф.М.Достоевский.* Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. — В кн.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. — Л.: Наука, 1984, т. 26, с. 141-145.
25. Там же, с. 146.
26. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. М.: Наука. Серия "Литературные памятники", 1970, с. 555.
27. *Достоевский Ф.М.* Подросток. Полн. собр. соч. в 30 тт. — Л.: Наука, т. 13, с. 75.
28. *Достоевская А.Г.* Воспоминания, с. 368.
29. *Гаевский В.П.* Речь на годовом собрании членов Литфонда 2 февраля 1881. — В кн.: Биография..., с. 100 (Третья пагинация).
30. *И.Волгин.* Последний год Достоевского. — М.: Советский писатель, 1986, с. 381, 382.
31. ГЛМ, ф. 81, Р Н-в 1311, л. 29.
32. *Тимофеева-Починковская В.В.* Год работы с знаменитым писателем. — В кн.: Ф.М.Достоевский в воспоминаниях современников. — М.: Художественная литература, 1964, т. 2, с. 174.
33. *Ф.М.Достоевский — И.С.Аксакову.* 28 августа 1880. Старая Русса (т. 30(1), с. 214).
34. *А.Блок.* Вечера "искусств". — В кн.: А.Блок. Собрание сочинений в 8 тт., т. 5. — М.-Л.: ГИХЛ. 1962, с. 307.
35. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя на 1880 год. Варианты черновых автографов к Речи о Пушкине. — Полн. собр. соч. в 30 тт. — Л.: Наука, 1984, т. 26, с. 285.
36. Памяти Достоевского. — Новое время, 1881, 30 января, № 1762.
37. *Суворин А.С.* О покойном. — Новое время, 1881, 1 (13) февраля, № 1771.
38. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя и единственный выпуск на 1880 год. Август. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже Речи о Пушкине. — Полн. собр. соч. в 30 тт. — Л.: Наука, 1984. Т. 26, с. 131.
39. "Программы и афиши литературных вечеров, устроенных в память Достоевского, в пользу школы его имени". — ГЛМ, ф. 81, Р н-в 1311, л. 36.
40. *Ф.М.Достоевский — Н.А.Любимову* 16 сентября 1879. Старая Русса (т. 30(1), с. 126).

ПЕРЕПИСКА А.А. ФЕТА С А.Я. ПОЛОНСКИМ

Письма Фета обладают редким и драгоценным свойством: они удивительно адекватно отражают его личность, давая точный и верный слепок с характера, темперамента, привычек и умонастроения поэта — до такой степени точный, что из них встает зримый образ пишущего и чувствуется атмосфера, его окружающая. Это ощущение прекрасно выразил Тургенев, находивший Фета “преисправным и прелюбезным корреспондентом”, письма которого, “большие, милые, умные, забавные, интересные”, всегда его радовали и оживляли:

“...от них веет русской осенью, вспаханной уже холодноватой землей, только что посаженными кустами, овином, дымком, хлебом; мне чудится стук сапогов старосты в передней, честный запах его сермяги — мне беспрестанно представляется Вы: вижу Вас, как Вы вскакиваете и бородой вперед бегаєте туда и сюда, выступая Вашим коротким кавалерийским шагом... Пари держу, что у Вас на голове все тот же засаленный уланский блин!”¹

В другом письме Тургенев шутливо признается: “...переписываться с Вами для меня потребность — и на меня находит грусть, если я долго не вижу Ваш связно-красивый, поэтически-безалаберный и кидаящийся из пятого этажа почерк”².

Письма Фета предельно — до бесстрашия — исповедально-откровенны, он не стесняется “уродливых преувеличений”, доведения до абсурда дорогой ему мысли; не боится шокировать своей приземленностью, “привязанностью к житейскому”, намеренно прозаически декларировать весьма конкретные и земные идеалы: “жить в прочной каменной усадьбе, совершенно опрятной, над водой, окру-

женной значительной растительностью. Затем иметь простой, но вкусный и опрятный стол и опрятную прислугу без сивушного запаха”³.

Переписка с друзьями и знакомыми, по свидетельству Н.Н.Страхова, “составляла для него не тягость, как для большинства писателей, а наслаждение”. Не только в устных разговорах, но и в письмах он “был неистощим в речах, исполненных блеска и парадоксов”⁴. Из его писем так и слышна его “громкая, блестящая, часто остроумная и порой льстивая речь”⁵.

Письма Фета соединяют в себе несоединимое: они не только раскрывают личность практика-рационалиста, но и приоткрывают душу художника. От “прозы Шеншина” веет иногда “пленительностью” Фета. Они как бы дают выход одновременно обеим ипостасям. В результате является некое единство: не трезвый хозяин-Шеншин и не воздушный лирик-Фет, в их чистом виде, — два вечно разделенных в нашем представлении существа, — а нечто третье, к удивлению цельное и даже гармоничное.

Одна из причин такого эффекта — склонность к поэтическому, сугубо образному выражению мысли, в полном согласии с философским взглядом Фета на постижение сущности предмета, которая доступна, по его мнению, только средствами искусства.

Когда ему нужно донести свою мысль до корреспондента, он часто прибегает к образу или сравнению, доверяя рассудку лишь до известных пределов, видимо, полагая, что образ точнее и глубже выразит суть. А между тем Фет был человеком сильного теоретического ума, и ему была легко доступна сфера логических рассуждений и отвлеченного мышления. Его суждения подобного рода всегда точны, четки, ясны и глубоки. Тем не менее он явно предпочитает поэтическую метафору. Вот один из примеров. Желая в письме к Тургеневу полнее высказать восхищение духовной свежестью и тонкостью писателя, он использует такое сравнение: “Да жаль, что нож не может чувствовать собственной остроты — об этом может только судить хлеб, который он разрезает. Вашу душу я бы сравнил с самой ранней зарей в прохладное летнее утро — оранжевое чис-

тое дыхание, которое увидит и заметит только любитель природы или пастух, выгоняющий стадо. Сравнил бы с утренним лесом, в котором видишь одни распускающиеся почки плачущих берез, но по ветру несет откуда-то запахом черемухи, и слышно жужжание пчелы”⁶.

Как образец меткой характеристики заслуживает упоминания и отзыв Фета в одном из публикуемых здесь писем о лестном для него стихотворении молодого поэта, которое “исполнено значительных мыслей и верных образов, но имеет вид прекрасного платья, примеряемого на живую нитку”⁷.

Даже когда ему просто нужно дать понять, что он снимает с себя ответственность за происходящее, поэт не может удержаться от искушения прибегнуть к шутливому образному сравнению: “Я желал бы, — обращается он к А.Я.Полонскому, — чтобы мой образ в настоящую минуту предстал в Вашем воображении над умывальником. Вы сейчас бы сообразили, что я как Пилат умываю руки”⁸.

Переписка Фета служит замечательной иллюстрацией и подтверждением одной его поразительной и парадоксальной особенности — “несокрушимой цельности во всем его существе”; личность Фета — уникальный пример неотразимой последовательности в проведении жизненных и творческих принципов, казалось бы взаимоисключающих. Это его свойство было отмечено в свое время Страховым, восхищавшимся неподдельностью его натуры, ее чистотой и ясностью, отсутствием в ней “малейшей примеси мишуры”, идет ли речь о поэзии или о житейских заботах, службе, образе жизни, что вызывало при общении с ним “приятное чувство душевной чистоплотности”. Позднее эту мысль подробно развил Д.Дарский, рассуждая об отсутствии мучительной раздвоенности и диссонансов (какие можно было бы предположить, зная его философию) в “крепко слаженной и прямолинейной натуре Фета”, как бы “изваянной из одного куска”: “Отдается ли Фет радости творчества или погружается в самую непроглядную деловую повседневность, он участвует весь без остатка, не зная ни колебаний, ни оглядки, решительно и просто. Никогда он не смешивает этих двух деятельностей, но умеет их

разделить друг от друга в строгой обособленности, признавая одинаково за каждой своехарактерную жизненную правду ... Безумный поэт или трезвый хозяин, он всегда правдив перед самим собою, — самозабвенный, без следа озабоченности в лирические минуты, — с ясной выдержкой, без сентиментальной стесненности в практических поступках”⁹.

Впрочем, цельность натуры Фета отнюдь не исключала ее сложности, болезненности и неуравновешенности, что близкие ему люди замечали за ним с давних пор.

Поэт, создавший шедевры просветленной, “благоуханной” лирики, умевший претворить страдание в радость, творчество которого несет в себе не жалобы и стоны, “не бурю страстную”, а “исцеление от муки”, — в жизни был мрачнейшим из пессимистов, не знакомым с чувством удовлетворенности, подверженным страшным приступам депрессии¹⁰.

Переписка Фета — лучше, чем любой другой биографический материал, — предоставляет счастливую возможность как бы воочию наблюдать две противоположные личности, заключенные в одном существе. Это сказывается в неожиданных, стремительных, порой скачкообразных переходах от житейских проблем к возвышенным сферам и — что замечательно — ничуть не удивляет и воспринимается вполне естественно.

Именно цельностью и открытостью натуры Фета объясняется отношение к нему окружающих, хотя во всем облике и поведении этого вдохновенного лирика явственно проступала “прозаичность” и даже жесткость. “И наружностью, и разговорами он так мало походил на поэта”¹¹: “большая лысая голова, высокий лоб, черные миндалевидные глаза, красные веки, горбатый нос с синими жилками, окладистая борода, чувственные губы, маленькие ноги и маленькие руки с выхоленными ногтями”¹². Страхову он напоминал старого сатира. Т.А.Кузминская дает ему суровую, хотя и справедливую характеристику: “Я никогда не замечала в нем проявления участия к другому и желания узнать, что думает и чувствует чужая душа”¹³.

Казалось бы, подобный человек не может вызывать большой симпатии, тем более что многое в поступках Фета шокировало его знакомых и близких, в частности подобострастное заискивание перед великим князем Константином Константиновичем, которому он всячески выказывал свои верноподданические чувства; унижительные старания получить звание камергера, чем сильно повредил себе в глазах друзей, считавших его поведение постыдным.

При всем том окружающие любили Фета, часто даже не считая возможным сердиться на него, прощая ему многое за его открытость, безоглядную искренность, неудержимый молодой пыл, блестящие, неожиданные и парадоксальные речи.

“Это человек душа — милейший поэт, врет иногда так мило, что расцеловать его хочется”, “милейший смертный”, “малый он по-прежнему превосходный, милый, забавный — и, по-своему, весьма умный” (И.С.Тургенев); “очаровательный и остроумный Фет” (И.И.Панаев); “он всегда мил, а иногда в е л и к” (А.В.Дружинин). “Фет еще выручает иногда бесконечным и пленительным враньем, к которому он так способен. Только не мешай ему — такого наговорит, что любо слушать... Если б Фет был немного меньше хорош и наивен, он бы меня бесил страшно; да, ненадломленный!” (Н.А.Некрасов)¹⁴.

Богатая переписка Фета дошла до нас далеко не полностью. Многие из опубликованного рассеяно по разным изданиям. Еще больше до сих пор не увидело свет¹⁵.

В 1982 г. напечатано 93 наиболее интересных письма Фета в двухтомном собрании его сочинений, впервые включившем не только поэтическое наследие, но также прозу и письма (составитель А.Е.Тархов). Еще 32 письма Фета (16 писем к С.В.Энгельгардт и 16 писем к А.В.Олсуфьеву) впервые опубликованы в кн.: А.Фет. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988 (вступит. статья А.Е.Тархова, сост. и примеч. Г.Д.Аслановой, Н.Г.Охотина и А.Е.Тархова).

В Литературном музее в составе архива Я.П.Полонского хранится 9 писем Фета 1890-1891 гг. к А.Я.Полонскому, сыну поэта. (ГЛМ, ф. 148, роф. 3549/1-8, 10). Они носят

сугубо деловой характер и, разумеется, не могут идти ни в какое сравнение с письмами Фета к самому Я.П.Полонскому (см. упомянутые издания), которые, наряду с письмами к Л.Толстому и Тургеневу, представляют особую ценность в эпистолярном наследии поэта и даже имеют перед ними преимущество, ибо в отношении Фета к Полонскому, другу молодости, нет того пиетета, как в его отношении к Тургеневу и Л.Толстому.

Дружба Фета с Полонским ведет свое начало со времен Московского университета: в доме Ап.Григорьева, где Фет провел годы учения, собирался самый цвет тогдашнего студенчества. На Полонского Фет “с университетской скамьи привык смотреть, как на брата”. В 1875 г. в отношениях друзей наступает длительный перерыв (Полонский оказался косвенно замешанным в скоре Фета с Тургеневым). В 1887 г. отношения возобновились и уже больше не омрачались ничем.

Эта дружба отмечена, пожалуй, наибольшей творческой близостью. Фет был, по его словам, одним из первых “почувявших несомненный и оригинальный талант Полонского”¹⁶, которого он всегда считал “настоящим прирожденным, кровью сердца бьющим поэтом”. Фету казалось, что редко кто, как он, способен “чувствовать всю непосредственную целебную струю...освежающего и опьяняющего вдохновения” Полонского¹⁷. Он решительно предпочитает его “прямолинейному” А.К.Толстому и “трудолюбивому, широко образованному и искусному” А.П.Майкову, творчество которых слишком сознательно и лишено “безумства и чепухи”¹⁸, неотъемлемых от всякой истинной поэзии.

Возобновляя после многолетнего перерыва дружбу с Полонским, Фет в нескольких словах охарактеризовал ее в письме к нему: “Напрасно напоминать тебе наши постоянные дружеские, или, лучше сказать, братские отношения в течение сорока лет; напрасно говорить, что ты один из четырех человек, которым я в жизни говорил “ты”; напрасно говорить, что я никогда ни на минуту не переставал ценить тебя как человека и ставить в излюбленных мною стихотворениях рядом с Лермонтовым и Тютчевым”¹⁹.

Что же касается Полонского, то именно он в одном из своих писем в прекрасной поэтической форме определил психологическую загадку Фета — разительный контраст между одухотворенным, возвышенно-чистым, погруженным в мир красоты поэтом и трезвым, практичным, скептически настроенным и во всем разочаровавшимся человеком: “Что ты за существо — не постигаю; ну скажи, ради Бога и всех ангелов его, и всех чертей его, откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношественно-благоговейные стихотворения...?”

Какой Шопенгауэр, да и вообще какая философия объяснит тебе происхождение или психический процесс такого лирического настроения? Если ты мне этого не объяснишь, то я заподозрю, что внутри тебя сидит другой, никому не ведомый, и нам, грешным, невидимый, человек, окруженный сиянием, с глазами из лазури и звезд, и окрыленный. Ты состарился, а он молод! Ты все отрицаешь, а он верит!.. Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклоненный, зарыдать готов перед одним из ее воплощений...”²⁰

В начале 1889 г., посетив в Петербурге Полонского, Фет “был очень рад возобновить знакомство с милейшей Жозефиной Антоновной и познакомиться” с его “милыми детьми”²¹.

14 марта 1889 г. Н.С.Лесков сообщал И.Е.Репину о предстоящем посещении Фетом “пятницы” Полонского: “В пятницу, 17 марта, у Полонского будет старец Афанасий Фет. Любопытно. — Полонский просил, не зазову ль я Вас? Очень зову. Не придете ли посмотреть на это “чудище обло, озорно, стозевно?””²²

Две недели спустя в письме к Я.П.Полонскому, где он вспоминает о своем посещении его “пятницы”, экономный Фет не может сдержать удивления по поводу расходов на такие приемы, сравнивая их с собственными тратами (весьма типичное для него рассуждение): “Когда я здоров, то обычно я три раза в неделю не обедаю дома. Зато от четырех и редко до восьми человек обедают у нас каждую среду и воскресенье. Это, конечно, увеличивает стоимость нашего обеда в два раза, от десяти до двенадцати рублей в

неделю. Говорю это для того, чтобы сравнить расход с твоею пятницей, на которой разные блага земные улетают пятьдесят человек, и, считая фрукты, освещение, мясоторты, чай, варенье, — подобное угощение при всем мастерстве невозможно устроить менее двадцати пяти рублей, что в месяц составляет сто рублей лишнего расхода. Если это народ нужный, то я умолкаю. Но что я сам чувствую потребность в живой беседе, в этом чистосердечно сознаюсь, хотя бессодержательной беседой скоро утомляюсь”²³.

Летом 1890 г. Полонские гостили у Фета в Воробьевке, с которой связан новый расцвет творчества поэта. Это живописное старинное имение (в Щигровском уезде Курской губернии) было приобретено Фетом в 1878 г. и здесь до конца жизни (до 1892 г.) он проводил большую часть времени, с начала марта до октября.

“Деревня Воробьевка стоит на левом, луговом берегу реки, а господская усадьба на правом берегу, очень высоко. Каменный дом окружен с востока каменными же службами, а с юга и запада огромным парком на 18-ти десятинах, состоящим большею частью из вековых дубов. Место так высоко, что из парка ясно видны церкви Коренной пустыни. Множество соловьев, грачи и цапли, гнездящиеся в саду, цветники, разбитые по скату к реке, фонтан, устроенный в самом низу против балкона, — все это отразилось в стихах владельца, писанных в этот последний период его жизни”²⁴.

О своем пребывании в имении друга Полонский делится впечатлениями в письме к Ап.Майкову:

“Вот уже две недели, как я у нашего Фета. Истины нет, говорит Фет, мы ничего не значим, поэзия есть не что иное как безумие, а потому она ближе к истине... Если поэт не сумасшедший — то какой же он поэт! Чепуха в стихах — это лучшая похвала стихам и тому подобное... Если бы Фет (или Шеншин Аф.Аф.) не был оригиналом и притом не был бы чем-то цельным и единым, несмотря на сотни противоречий и софизмов, трудно было бы с ним ужиться, — но я его понимаю, и живем мы, слава Богу, по-приятельски.

Нас здесь балуют, и скупой, расчетливый Фет не скупится на всякого рода угощения...”²⁵

Во время пребывания Полонских в Воробьевке туда из Ясной Поляны заехал и Н.Н.Страхов, упоминание о котором в письме к А.Я.Полонскому отличается свойственной Фету колоритностью и точностью: “Легкость изложения и популярность я считаю в числе достоинств пера Страхова. Нужно быть Кантом, чтобы иметь право ковырять людям мозги”²⁶.

Фет вообще был высокого мнения о “тончайшем критике” Страхове, который долгое время был его “литературным советником”.

В одном из писем к нему, еще в начале их общения, Фет отмечает в характерной для него манере ценное качество Страхова, которое в нем “едва ли не дороже мыслителя”: “Я открыл в Вас кусок круглого, душистого мыла, которое не способно никому резать руки и своим мягким прикосновением только способствует растворению внешней грязи, нисколько не принимая ее в себя и оставаясь все тем же круглым и душистым, плотным телом”²⁷.

В конце 1880 — начале 1890-х гг. между поэтом и критиком уже не существовало былой близости, и, гостя в Воробьевке летом 1890 г., Страхов с возмущением пишет Л.Толстому об “удивительной уродливости... умственного настроения” Фета:

“Ну, можно ли дожить до старости с этим исповеданием эгоизма, дворянства, распутства, стихотворства и всякого язычества! А посмотрите, как он верно держится за известные стороны древних, Гете, Шопенгауэра. В сущности он всеми силами старается оправдать себя, то есть ту жизнь, которую вел и до сих пор ведет”²⁸.

Однако, невзирая на свое разочарование в Фете, Страхов вместе с Вл.Соловьевым принимал ближайшее участие в подготовке к печати всех четырех выпусков “Вечерних огней”.

Летом 1890 г., готовя IV выпуск, Фет, “несмотря на обуявшую Страхова лень”, “принудил его рассмотреть пятьдесят... стихотворений, предназначенных” в это издание, и критик “не оставил ни одного почти стихотворения без исправления”²⁹.

С лета 1890 г. у Фета завязывается переписка и со старшим сыном Полонского — “любезным” и “милейшим” Александром Яковлевичем.

Письмо от 28 августа 1890 г. написано Фетом в ответ на письмо А.Я.Полонского от 24 августа, полное изъявлений восторга и благодарности по поводу проведенного в Воробьевке времени. Фет охлаждает молодой пыл своего корреспондента неожиданным в устах “певца природы” признанием, сравнивая себя со стариком, “который с некоторым удовольствием на фигуры танцев смотрит, хотя лично принять в них участие не помышляет. На воздух я ни в какое время года выходить терпеть не могу; не купаюсь, фруктов не ем и предпочитаю жизнь в городской богадельне жизни владетельного принца в деревне, особливо среди русской неурядицы”³⁰.

Здесь сказывается, конечно, возраст (письма написаны за год — за два до смерти), старческие немощи и болезни, постоянно упоминаемые в письмах.

Образ жизни Фета в его последнее десятилетие резко меняется. Он оставляет хозяйство, которым был поглощен, и всецело предается творчеству — поэзии и переводам.

Полный и решительный отход Фета от практической деятельности, казалось бы составлявшей глубинное влечение его существа, весьма симптоматичен. Это лишнее свидетельство того, что неутомимая энергия Фета в хозяйственных делах, все его житейские цели были в значительной мере лишь суррогатом, подменой творческих устремлений, не находивших выхода. В частности, так и воспринял страстное увлечение Фета хозяйством его друг И.П.Борисов, связав уход поэта из литературы с бранной и глумливой статьей “Шекспир в переводе г. Фета” Д.Л.Михаловского (1859), как полагают, отредактированной Добролюбовым: “... все это наделала с т а т ь я “Современника”. С того дня, как прочел — он бросился из литературы в фермерство, — это истина верная”³¹.

Достижение Фетом материального благополучия и обретение твердого социального положения (после мучительных перипетий он добился возвращения себе дворянского звания и превратился в Шеншина) почти совпало с

изменениями в литературной жизни: в 80-е гг. наступает наконец его пора — возрождается надолго угасший интерес к поэзии вообще и к лирике Фета в особенности, наряду с лирикой Ап.Майкова и Полонского.

В 1889 г. отмечается 50-летний юбилей поэтической деятельности Фета, в 1883, 85, 89 и 1891 гг. один за другим выходят последние прижизненные сборники его стихов под общим названием “Вечерние огни”, в 1890 г. — два тома мемуаров “Мои воспоминания” (третий том напечатан посмертно — в 1893 г.), в течение последних семи лет ежегодно издаются его переводы.

Два предсмертных года, 1890-91, к которым относятся публикуемые письма, — пик творческой продуктивности Фета последнего периода.

На первом плане в письмах чисто творческие заботы и волнения: хлопоты в связи с предстоящим печатанием Марциала, споры по этому поводу с графом Олсуфьевым, редактировавшим фетовские переводы, ожидание выхода в свет IV книги “Вечерних огней”, посредничество в деле печатания лермонтовского “Демона”.

Переводческой деятельностью Фет упорно и регулярно занимается с конца 70-х гг. Он переводит своего кумира Шопенгауэра (“Мир как воля и представление” и другие его труды), “Фауста” Гете, множество мелких произведений и главное — римскую поэзию: в 1883 г. выходит его стихотворный перевод всех сочинений Горация, над которым он начал работать еще в студенческие годы; затем в его переводах издаются “Сатиры” Ювенала (1885), “Стихотворения” Катулла (1886), “Элегии” Тибулла (1886), “Превращения” Овидия (1887), “Энеида” Вергилия (1888), “Элегии” Проперция (1888), “Сатиры” Персия (1889), “Горшок” Плавта (1891), “Эпиграммы” Марциала (1891).

В этой сфере творчества Фет был бескомпромиссным сторонником “возможной близости... перевода к подлиннику” — порой в ущерб художественности и ясности. “В своих переводах, — говорит он Я.П.Полонскому, — я постоянно смотрю на себя, как на ковер, по которому у

новый язык въезжает триумфальная колесница оригинала, которого я улучшать — ни-ни”³².

В своих мемуарах Фет с “глубокой признательностью” называет имена людей, “бескорыстно жертвовавших” в его пользу “своими досугами”, помогая ему в переводах: Ф.Е.Корша, Н.Н.Страхова, В.С.Соловьева и, наконец, графа А.В.Олсуфьева, с которым они “просматривали 2-ю часть Проперция” и “усердно” трудились “над переводом такого талантливом капризника, как Марциал”³³.

В письмах Фета к сыну Полонского отражены особенности эпистолярного стиля поэта, изначально ему присущие: динамика изложения, насыщенность разнохарактерными сведениями, широта диапазона вместившихся в них мыслей и фактов, склонность к образности, подчеркнутая любезность.

Хотя это деловые письма, по ним можно реконструировать образ жизни и привычки Фета, основные его занятия и интересы, получить представление о его характере и душевной настроенности.

Адресат Фета Александр Яковлевич Полонский (1868-1934) в пору переписки с поэтом был студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, и “владея хорошо русским стихом”, по словам Фета, помогал ему “проверять и поправлять” “заметки” Олсуфьева.

8 писем А.Я.Полонского к Фету 1890-1891 гг. находятся в ГБЛ (ф. 315, к. 10, ед. хр. 41), черновик письма от 24 августа 1890 г. — в ГЛМ.

Таким образом, до нас дошла полностью переписка Фета с А.Я.Полонским.

Публикуемые письма Фета, взятые изолированно, — это письма старого, больного человека, отягощенного заботами и хлопотами, спешащего подвести жизненные итоги перед близящимся концом. Из писем же А.Я.Полонского встает совсем другой образ — вырисовывается личность маститого поэта, перед которым благоговевает юный корреспондент, выступающий в данном случае не от себя только, а в качестве представителя определенной части молодого поколения — восторженных почитателей великого масте-

ра. Разумеется, в этих письмах и отзыв отношения к Фету родителей Александра Яковлевича.

Наибольшее внимание среди университетских новостей уделено в письмах Александра Яковлевича римской литературе, входившей в учебную программу. А так как работа над переводами из римских авторов — основной предмет забот Фета в то время, А.Я.Полонский сообщает ему интересные его сведения.

Александр Яковлевич сам пробовал себя в стихотворстве, что чувствуется в стиле его изложения.

Откровенный и доверительный тон его писем, раскрывающих человека положительного, необычайно исполнительного и деликатного, с твердыми нравственными принципами и высокими духовными запросами, — не менее красноречиво, чем о нем самом, свидетельствует о Фете, в частности об одном немалоценном его качестве. При всем пресловутом эгоцентризме, в котором обвиняли Фета, в нем было нечто, что — без всяких на то усилий с его стороны — вызывало на откровенность, на искренние душевные излияния, на желание показать себя в лучшем свете.

Судьба Александра Яковлевича сложилась не очень счастливо, что было сопряжено не с внешними обстоятельствами — Полонские располагали достаточными связями, — а с его характером, оказавшимся отнюдь не таким простым и открытым, каким он представляется по переписке молодого человека с Фетом.

В ГЛМ хранятся письма Александра Яковлевича к отцу 1885-1898 гг. и переписка его с матерью (1890-1901), дающие довольно полное представление и о нем и об его образе жизни в эти годы (ГЛМ, ф. 148).

Ранние письма А.Я.Полонского к родителям — подробные и педантичные отчеты юноши-гимназиста — принадлежат благонавному и заботливому сыну.

Позднее начинает сказываться натура, о сложности которой можно судить больше не по собственным его письмам, а по письмам матери, анализирующим его поведение.

Намерение Александра Яковлевича (отнюдь не вызвавшее восторга у родителей) отправиться служить податным

инспектором в уездный город Корочу Курской губернии было сознательным и глубоко продуманным.

“Быть директором в каком бы то ни было училище, — объяснял он матери свой шаг, — для меня невысказано. Моя невращение при работе в кабинете или в классной совсем разгуляется и особенно будет скверно от того, что отношения с сослуживцами скоро окажутся ужасающими. Когда я нездоров — я чрезвычайно капризен и тяжел...” (ГЛМ, ф. 148).

Назначение в Корочу состоялось летом 1898 г. (год смерти отца), и переписка Александра Яковлевича с матерью длится регулярно до 1910 г.

Поначалу А.Я.Полонский полон энергии и надежд и всячески пытается рассеять опасения матери, что он опустится в провинции: “...если воля моя не очень сильна, — рассуждает он, — то чтобы закалить ее, нужна обстановка посерьезнее, чем та, в которой я до сего времени пребывал. Только бы здоровье...”

Он “очень доволен Корочей”, “квартирой, обстановкой, прекрасным состоянием дел”. Настроение его, правда, вскоре переменялось, и постепенно он впадает в глубокую хандру:

“И рад бы из Корочи, — пишет он 1 января 1901 г., — но на какое свежее дело я пригоден? Здесь я хоть ценен знанием уезда от 2-летней работы, по первоначально горячей и плодотворной”.

Среди интереснейших писем Жозефины Антоновны, женщины не только талантливой, но и удивительно тонкой, умной, способной к глубокому и верному анализу, заслуживает специального внимания письмо ее к сыну, где она дает ему подробную и точную характеристику — своеобразный психологический этюд, — пытаюсь объяснить его неудачливость и внутренние метания.

“У тебя в характере, — обращается Ж.А.Полонская к сыну 18 января 1901 г., — много общего с отцом, та же мнительность и та же способность киснуть и хандрить, но его спасал талант, ты же, к сожалению, не признаешь в себе способности, а если они у тебя в чем-нибудь прорываются, то ты их тщательно заглушаешь и не даешь им развиваться.

Отец не мог жить без общества и без людей, они его наталкивали на разные мысли и давали ему пищу и материал для его таланта. В тебе это желание видеть людей также сильно развито, но ты боишься общества и избегаешь его из-за какого-то ложного самолюбия, считая себя недостаточно умным или талантливым, а поэтому ты подвергаешь себя и свои устремления какой-то преждевременной критике и тут же охлаждаешь себя. Ты, по-моему, слишком строг к себе и к своим способностям, которых у тебя немало, но ты не находишь в себе и в окружающих твоих поддержки. Поэтому ты гибнешь и хандришь, а характера у тебя не хватает, чтобы поставить себе какую-нибудь цель в жизни, для того чтобы добиться ее. Без цели в жизни нет того подъема духа, а без этого подъема жизнь кажется бесцветною и тогда человек впадает под влияние своих телесных недугов, которых он не чувствует, пока он поглощен всецело любимым делом.

Твой отец верил в твои критические способности и мечтал увидеть в тебе достойного критика, но ты, кажется, свои способности применяешь только на себя” (ГЛМ, ф. 148)³⁴.

Эта характеристика, бесспорно, является самым правдивым и выразительным портретом человека, которого на короткое время судьба счастливо свела с великим поэтом, и одновременно письмо Жозефины Антоновны бросает свет на характер, взаимоотношения и атмосферу в семье одного из самых близких друзей Фета — замечательного поэта Якова Полонского.

О дальнейшей жизни А.Я.Полонского мало что известно. Он оставил наконец Корочу, но поселился не в Петербурге, где жили мать и родственники, а в Москве...

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. *И.С.Тургенев — А.А.Фету*. 5/17 ноября 1860. — Переписка И.С.Тургенева в 2-х тт. — М., 1986, т. 1, с. 420.

2. *И.С.Тургенев — А.А.Фету*. 15/27 февраля 1860. — Там же, с. 418.

3. *А.А.Фет — С.А.Толстой-Миллер*. (10) февраля 1880. — По кн.: Фет А.А. Соч. в 2-х тт., т. 2. — М., 1982, с. 431.

4. *Страхов Н.Н.* А.А.Фет. Биографический очерк. — Фет А.А. Полн. собр. стих., т. 1. — Спб., 1912, с. 9.

5. С.А.Толстая. Автобиография. — Цит. по кн.: Фет А.А. Соч. в 2-х тт. — М., 1982, т. 2, с. 432.

6. А.А.Фет — И.С.Тургеневу. 18/30 января 1858. Переписка И.С.Тургенева, т. 1, с. 407.

7. См. наст. изд., письмо 4.

8. См. наст. изд., письмо 12.

9. Дарский Д. Радость земли. Исследование лирики Фета. — М., 1916, с. 42, 43.

10. Друг молодости Фета Ап. Григорьев “не видал человека, которого бы так душила тоска”, за которого бы он “более боялся самоубийства”. Он часто проводил ночи у его постели, “стараясь чем бы то ни было рассеять это страшное хаотическое брожение стихий его души” (Григорьев Ап. Воспоминания. — Л.: Наука, 1980, с. 153).

По наблюдению Тургенева, с ним невозможно было сравниться “в умении хандрить”. Как замечает близкий друг и родственник Фета И.П.Борисов, “чем плач его слышится сильнее, тем лучше для него. Без этого нет ему и жизни. Окружите его всевозможными довольствами и со всех сторон безмятежным покоем — и он тотчас умрет и морально и физически”. “Он до того привык исчислять будущие бедствия, что решительно не может остановиться на хорошей минуте настоящего”.

Его приступы хандры были невыносимы для близких. “Еще когда проявляет злость с яростью, можно сносить, но когда перейдет в едва живые звуки умирающего — не советую Вам оставаться с ним под одной кровлей...” (Письма И.П.Борисова к И.С.Тургеневу. — Тургеневский сборник. III. — Л.: Наука, 1967, с. 355; V. — Л., 1969, с. 490, 500).

Рекие перепады настроения у Фета — от неумной энергии до полной апатии и удушающей тоски — связывают с проявлением психического недуга, унаследованного от матери.

11. Оболенская-Толстая Е.В. Моя мать и Лев Николаевич. — Октябрь, 1928, № 9-10, с. 232.

12. Толстой С.Л. Очерки былого. — М., 1949, с. 343.

13. Т.А.Кузминская об А.А.Фете. — Русская литература, 1968, № 2, с. 171.

14. Переписка И.С.Тургенева в 2-х тт. — М., 1986, т. I, с. 118, 158; т. II, с. 10, 90, 93.

15. Подробно см. об этом в обзоре Б.Я.Бухштаба “Судьба литературного наследства А.А.Фета”. — Литературное наследство, т. 22-24. М., 1935.

16. Фет А.А. Воспоминания. — М., 1983, с. 467, 139.

17. Фет А.А. Соч. в 2-х тт. — М., 1982, т. 2, с. 344, 345.

18. Из писем А.А.Фета к Я.П.Полонскому от 31 марта 1890 и от 22 июня 1888. — Цит. по кн.: Бухштаб Б.Я. А.А.Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974, с. 64-65.

19. А.А.Фет — Я.П.Полонскому. 26 декабря 1887. — Фет А.А. Соч. в 2-х тт., т. 2, с. 334.

20. Там же, с. 454.

21. Там же, с. 347.

Жозефина Антоновна Полонская (урожд. Рюльман, 1844-1920) — вторая жена Я.П.Полонского (с 1866), талантливый скульптор, ее дарование ценил и поощрял Тургенев; автор портретов Тургенева (1885), Полонского (1887), Пушкина (1889), Фета (1890) и др.

Дети Полонских: Александр Яковлевич Полонский (1868-1934), адресат публикуемых писем А.А.Фета; Наталья Яковлевна Полонская (в замужестве Елачич, 1870-?);

Борис Яковлевич Полонский (1875-1923), банковский служащий, после смерти отца руководил литературно-музыкальным кружком его имени.

22. Лесков Н.С. Собр. соч. в 11-ти тт. — М., 1958, т. 11, с. 420.

23. А.А.Фет — Я.П.Полонскому. 28 марта 1889. — Фет А.А. Соч. в 2-х тт., т. 2, с. 337.

24. Страхов Н.Н. Указ. соч., с. 7-8.

25. Письмо конца июня 1890. — Цит. по кн.: Тхоржевский С. Высокая лестница. Л., 1978, с. 242-243.

26. См. наст. изд., письмо 4.

27. А.А.Фет — Н.Н.Страхову, ноябрь 1877. — Фет А.А. Соч. в 2-х тт., т. 2, с. 315.

28. Там же, с. 442.

29. Цит. по кн.: Фет А.А. Вечерние огни. М., 1971, с. 636.

30. См. наст. изд., письмо 2.

31. Тургеневский сборник, III. — Л., 1967, с. 352.

32. А.А.Фет — Я.П.Полонскому. 23 января 1888. — Фет А.А. Соч. в 2-х тт., т. 2, с. 337.

33. Фет А.А. Воспоминания. — М., 1983, с. 464.

34. Замечая, что А.Я.Полонский был далек от истинного понимания поэзии, С.С.Тхоржевский, автор документальной повести о Я.П.Полонском ("Высокая лестница", Л., 1978, с. 255), приводит такой пример. Летом 1895 г., уехав с женой в Швейцарию, Полонский поручил сыну в свое отсутствие держать корректуру издания собрания своих стихотворений, предпринятого А.Ф.Марксом. В стихотворениях отца Александру не нравились как раз наиболее своеобразные строки, и особенно поэма "Свежее предание". В посланных Полонскому корректурных листах он вычеркнул карандашом все то, что казалось ему неуместным. Рассерженный поэт в ответном письме потребовал восстановить все вычеркнутое Александром.

№ 1

Полонский — Фету

24 августа <18>90. <Петербург>

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Я так долго прожил у Вас в Воробьевке¹, что память о ней не изглаживается — и я пишу Вам — и еще раз благодарю за все...

Трубят пастух... гонят стадо по Знаменской...² и рожок напоминает о Вашей деревне. — Идем, папа, обедать, слышишь, — трубят. — И папа машинально отвечает: слышу, слышу... сейчас... — и торопится дописать до точки, чтобы, должно быть, не заставить ждать милых хозяина и хозяйку.

Как Вашему Сергею, снявшему со щеки повязку, все чудилось, будто она еще не снята, так чудится и нам, покинувшим Воробьевку,

будто мы с ней совсем не расстались. А Ваши стихотворения еще более напоминают нам Воробьевку.

Сад весь в цвету,
 Вечер в огне
 Так упоительно, сладостно мне...
 Вот я стою,
 Вот я иду —

Словно таинственной речи я жду...³

Память о Воробьевке заставляет сильнее прислушиваться к Вашей таинственной речи, а таинственная речь — вновь напоминает о деревне, о Вас и обо всем с Вами и с Воробьевкой связанном.

Я⁴ спрашивал в Университете о причинах, заставивших Веселовского покинуть место секретаря в Академии. Мне сказали, будто с назначением Конст. Конст.⁵ в президенты, восторжествовала русская партия, а⁶ Веселовский был сторонником немецкой... и его место занял Штраух — немец!! Веселовский, между прочим, действит [ельный] тайный советник — Ваше Высокопревосходительство...

Об Андреевском⁷, о котором с такой иронией отзывается Олсуфьев⁸, непременно справлюсь и отпишу — действительно ли он не профессор Римск [ой] литературы... Если окажется, что он именно ее и читает, тогда заключение графа будет уж слишком ядовито. Олсуфьев, как Вам известно, в примечании к своему предисловию разбирает статью о Марциале Тейфеля, помещенную в Реальной Энциклопедии Паули⁹. Ввиду того, что Тейфель в своей Истории Римской Литературы¹⁰ смягчил и изменил взгляды свои на Марциала, на что указывает и сам Олсуфьев, — надо ли столь подробно останавливаться на разборе статьи, от которой сам автор отрекся?.. В сочинении Благовещенского “Гораций и его время”¹¹ — я вычитал, что Тейфель сперва свысока отнесся также и к Горацию, написав в той же Энциклопедии Паули, что у Горация был Kammerdienerliche Lebensansicht (лакейский взгляд на жизнь — ред.). Но от этой статьи Тейфель позднее отрекается, благодаря своих критиков за уяснение вопроса о значении этого поэта — и Благовещенский не критикует промахов Тейфеля, что делает относительно других ученых, а ограничивается указанием, что он от своих прежних взглядов отказался. Реальную Энциклопедию Паули я, переправляя Олсуфьева, называл то Энциклопедич [еским] Лексиконом, то Реальным Лексиконом, — правильное, как пишет и Благовещенский, называть ее именно: “Реальной Энциклопедией”. Ол-

суфьев, помнится, приводил в скобках полное его немецкое название, что мешало гладкости чтения...

Как прежние Ваши переводы, так и этот¹², с нетерпением ожидается всеми высоко Вас ценящими людьми, которым Вы столь облегчаете трудное дело истинно высокого и прекрасного, завещанного нам древним Римом... В осенний семестр мне придется ближе познакомиться с Пиндаром (изд. Mommsen'a¹³ есть и у Вас) и с Софоклом. По-латыни читаю Цицерона, Овидия, Лукреция... на весенний семестр Помяловский¹⁴ назначит Катутла: не обойдется и без Вашего перевода...

Мой усердный поклон Марье Петровне¹⁵. Кланяйтесь Екатерине Владимировне¹⁶, Ивану Константиновичу, — благодарю его за присылку "билета".

Весь Ваш А.Полонский.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Семья Полонских гостила у Фета в Воробьевке с начала июня (не ранее 8) примерно до середины августа.

А.Я.Полонский в письме от 12 авг. (ГЛМ, ф. 148) сообщал отцу, уехавшему раньше, что он уезжает 14 и будет в Петербурге 16 августа.

2. Петербург. Знаменская, 26 — адрес Полонских.

3. Стихотворение Фета 1884 г., впервые напечатанное во II выпуске "Вечерних огней". Цитируется неточно:

вместо: "Так уповательно, сладостно мне...",

надо: "Так освежительно-радостно мне!"

4. *Александр Николаевич Веселовский* (1838-1906) — филолог, историк литературы, выдающийся представитель сравнительно-исторического метода в литературоведении. С 1872 — профессор Петербургского университета. С 1880 — академик. Руководил Отделением русского языка и словесности Академии наук.

5. *Константин Константинович Романов* (1858-1915), великий князь, поэт (псевдоним К.Р.). С 1889 — президент Академии наук.

6. *Александр Александрович Штраух* (1832-1893) — ученый-зоолог, академик. С 1890 — неперменный секретарь Академии наук.

7. Неясно, о каком Андреевском идет речь: профессор Иван Ефимович Андреевский (1831-1891) — юрист, занимался историей государственного права, в частности историей древнего Новгорода.

8. *Алексей Васильевич Олсуфьев* (1831-1915) — граф, кавалерийский генерал, филолог, знаток римской литературы.

9. Энциклопедия классической древности: August Pauli. Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft... Stuttgart, Metzeler, 1837-1858 (в 6 томах).

10. *Тейфель* (Вильгельм-Сигизмунд Teufel, 1820-1878) — немецкий филолог, наиболее авторитетный в то время специалист по истории римской литературы. Главное

его сочинение: "Geschichte der röm Litteratur". Лейпциг, 1868-70; 5 изд. обраб. Шаабе, 1890).

11. *Николай Михайлович Благовещенский* — профессор римской словесности. Главные труды: "Гораций и его время" (Спб., 1864; 2-е изд., Варшава, 1878); брошюра "Ювенал" (2 публичные лекции, читанные в 1859); перевод сатир Персия с подробными объяснениями (отд. изд.: Спб., 1873); перевод 3 сатир Ювенала и исследования из области античной скульптуры.

12. Имеется в виду перевод Марциала.

13. *Теодор Моэмзен* (1817-1903) — немецкий историк и филолог, автор работ по истории древнего Рима и римскому праву.

14. Профессор Петербургского университета. См. о нем примечание 3 к письму № 2 (А.А.Фет — А.Я.Полонскому. 28 авг. 1890).

15. *Мария Петровна Фет* (урожд. Боткина, 1828-1894) - жена А.А.Фета (с 1857), дочь крупнейшего чаепроводца и сестра критика В.П.Боткина.

16. *Екатерина Владимировна Федорова* — секретарша Фета в 1886-1892 гг.

№ 2

Фет — Полонскому*

<штемпель>

28 августа 1890 <Воробьевка>

Мос<ква> Кур<ская> ж.д.

станция Коренная пустынь.

Любезнейший Александр Яковлевич,

Сердечно благодарю Вас за любезное и интересное письмо от 24 августа и прошу принять усердное поздравление со днем Вашего Ангела, хотя, имея в обычае посылать письма на станцию при оказии, не знаю наверное, получите ли Вы мое поздравление вовремя. Душевно радуюсь, что деревня произвела на Вас хорошее впечатление, хотя в этом случае совершенно подобен старику, который с некоторым удовольствием на фигуры танцев смотрит, хотя лично принять в них участие не помышляет. На воздух я ни в какое время года выходить терпеть не могу; не купаюсь, фруктов не ем и предпочитаю жизнь в городской богадельне жизни владетельного принца в деревне, особенно среди русской неурядицы.

* Письма Фета написаны под его диктовку. В конце почти каждого из них — приписка рукой поэта и его подпись.

Олсуфьев¹, которому я объявил, что приступаю в октябре к печатанию Марциала², выскочил из оглобель вон и отказывается от своей работы. Припасаю Ваше письмо, чтобы показать ему в случае нашего примирения. Не откажите когда-нибудь черкнуть мне в Москву титул, имя, отчество и адрес Помяловского³, перед которым я оказался совершенным неуком и невеждой, не поблагодаривши его за критическую работу над моим Горацием⁴, вследствие которой я и получил Пушкинскую премию.

Все любезные Ваши поклоны я передам по принадлежности, а теперь разом передаю обратно общее поздравление*.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. А.В.Олсуфьев прекрасно владел латинским языком и помогал Фету в переводах римских классиков. Главные его работы: рецензия "Ювенал в переводе г. Фета" (Журнал министерства народного просвещения", 1886, №№ 2, 3, 5, 8), написанная на выход переводов Фета в 1885 г., и биография Марциала (там же, 1890, №№ 1-4, также отд. изд.: Марциал. Биографический очерк графа Олсуфьева. М., 1891). Письма Фета к Олсуфьеву (1886-1891) хранятся в ГБЛ (в копиях) и 2 письма (подлинники) — в ЦГАОР. О взаимоотношениях Фета с Олсуфьевым см. в кн.: Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1988, с. 444-447, где впервые напечатаны 16 писем Фета к Олсуфьеву (публикация и примечания Н.Г.Охотина).

2. *Марциал, Марк Валерий*. Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А.Фета, ч. 1-2. М., тип. А.И.Мамонтова и К°, 1891.

Своим переводам Фет предпосылает следующее вступление:

"Пользуясь для нашей книжки предисловием и ученым исследованием жизни Марциала, заимствованным в сокращении из отдельного издания графа А.В.Олсуфьева, было бы недобросовестно умолчать о критической проверке графом нашего перевода из стиха в стих. Без этой твердой руки на руле легкая лодка переводчика могла бы появиться с многочисленными пробоинами, выйдя из опасных шхер Марциала".

3. *Иван Васильевич Помяловский* (1845-1906) — филолог, археолог, профессор Петербургского университета, собиратель книг и писательских автографов. Автор критического разбора фетовского перевода Горация: Помяловский И.В. К.Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А.Фета. М., 1883. — Сборник отд. русского языка и словесности имп. АН. 1884, т. XXXVI, № 4, с. 2-62; также отд. оттиск под заглавием: Отчет о присуждении Пушкинской премии в 1884 году. Пб., 1884.

Лишь несколько лет спустя после появления критического разбора И.В.Помяловского (в 1891) Фет сумел отблагодарить исследователя: "Только совершенным невежеством моим в области научной иерархии возможно объяснить, что по получении в 1883 г. от Я.К.Грота в деревне критического и подробного разбора Вашего моего Горация я за

* Больше половины последнего листа отрезано — видимо, с припиской и подписью Фета.

все лето не сумел сообразить надлежащего адреса Вашего и потому не собрался благодарить Вас за Ваш почтенный труд. Впоследствии мне было совестно являться с запоздалою признательностью и я выжидал подходящего случая. Случай этот наконец представился мне при появлении в свет эпиграмм Марциала, над которыми я провел три года усидчивого ежедневного труда, но в данную минуту мой Марциал радуется появившейся возможности выразить Вам то искреннее и глубочайшее уважение, с которым имею честь быть Ваш [ему] Прев[осходительству] сердечно признательным". (Черновик под диктовку карандашом. ГБЛ, ф. 315, к. 4, ед. хр. 20).

В ответном письме Фету от 24 апреля 1891, принося ему "глубокую благодарность за любезное сообщение" перевода Марциала, И.В.Помяловский пишет: "Переводом этим Вы оказали истинную услугу нашей, не владеющей латинским языком, но интересующейся древней литературой публике и вплели новую ветвь в венок, украшающий Вас как переводчика латинских поэтов. На летних каникулах займусь внимательным штудированием труда Вашего" (ГБЛ, ф. 315, к. 10, ед. хр. 46).

4. Переводами из Горация Фет начал заниматься еще в студенческие годы. В 1850-е гг. эту работу горячо поощряет Тургенев. После многолетнего перерыва, в 1882 г., Фет "усердно задался мыслью завершить полный перевод Горация и представить его на общий суд" (Фет А.А. Воспоминания. М., 1983, с. 461). Перевод полного собрания стихотворений Горация вышел в 1883 г., а в следующем Академия наук присудила за него Фету Пушкинскую премию и он был избран членом-корреспондентом.

Подробно о работе Фета над Горацием см. комментарий Б.Бухштаба в кн.: Фет А.А. Полное собрание стихотворений. Л., 1937 (Библиотека поэта), с. 758-760; а также: Фет А.А. Воспоминания. М., 1983, с. 461-464.

№ 3

Полонский — Фету
8 окт<ября> 1890 <Петербург>
Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасьевич!

Сердечно благодарю Вас за письмо, за поздравления и за поклон... Прошло уже более месяца, как получил я его... Воробьевка теперь уже совсем опустела... и вот я теперь имею возможность Вам снова писать, ибо Вы теперь в Москве, а в Москву писать Вы мне дали разрешение, изъявив желание, чтобы я сообщил Вам адрес Помяловского.

Иван Васильевич Помяловский (превосходительный, а по отзывам, и превосходный человек), жительствуя на Сергиевской улице, проводит большее количество времени в нашем Университете, состоя в нем Исполняющим должность ректора. Поэтому-то для писем самый простой и короткий адрес: Петербургский Университет. Простите за ту нелаконичность, с которой я подходил к такому лаконичному адресу.

Я с большим нетерпением ждал Вашего последнего письма к папе, так как надеялся в нем узнать о судьбе Вашего Марциала. Но Вы ничего об этом не написали... Очень мне грустно было бы узнать, что Ваше молчание — знак того, что с Олсуфьевым у Вас не склеилось... тем более грустно, что я теперь с своим любопытством (но, Вы верите — не с праздным) затрагиваю тяжелую и неприятную для Вас тему.

Препровождаемое стихотворение одного из моих товарищей по Университету Вам должно показать, как все же Вас любят и ценят и что любопытство о судьбе Ваших новых произведений имеет законное основание быть удовлетворенным...

Автор прилагаемого послания скромно умалчивает свое имя, быть может предполагая, и не без оснований, что это одно из менее удачных и менее отделанных его стихотворений... Страстный обожатель Ваших стихов и знающий Вас почти всего наизусть, он рад, что представилась возможность переслать Вам свои строки... Фамилия его Никольский¹, да простит он мне мою нескромность, но его скромность тут излишня.

Время летит невообразимо быстро... Пиндар, Софокл, лекции по анатомии, философия — все это взбудораживает, подбодряет, возбуждает, энергия крепнет, хочется учиться — и вдруг сознание бессилия, слабости, ничтожества... — в такое время бывает нехорошо.

Прочел “Мир как целое” Страхова². Если бы не фельетонный характер изложения (в особенности в [1-ой] части), книга мне пришлось бы вполне по вкусу... Впрочем... с каким бы удовольствием я поговорил бы с Ник. Николаевичем по поводу наиболее для меня странных мест, но я совсем говорить не могу с людьми, которых глубоко уважаю и мало знаю, так как почему-то, стараюсь выказать себя непременно умным, я начинаю говорить преглупо, — и смолкаю с тяжелым чувством неудовлетворенности и бессилия...

Мои усердные поклоны Марье Петровне и Екатерине Владимировне.
Искренно уважающий Вас

А.Полонский.

Стихотворение Б.В.Никольского, вложенное в письмо А.Я.Полонского к А.А.Фету от 8 октября 1890. Автограф

Афанасию Афанасьевичу
Фету

Как солнце ярче звезд пылает
Лишь оттого, что ближе к нам,
Как солнце звезды затмевает
Лишь человеческим очам,
Так в этой жизни повседневной,
В его тревожной суетне,
Напев не слышен задушевный
Рожденный в сердца глубине.

Кто миру с высоты зовет,
Тем отклик поздно прозвучит:
Покуда голос долетает,
Покуда отзвук долетит...
Чем выше зов — тем позже эхо,
Тем шире отзвук давший круг —
И гул сплошной похвал и смеха
На твой припев раздастся вдруг.

Скала недвижимая в гоненьи,
Хвала, возвышенный поэт!
Тебе в четвертом поколеньи
Лишь зарождается ответ.
Толпа, глумясь, не рассудила:
Не луч последний песнь Твоя,
И будут новые светила,
И будут новые друзья!

К тебе, непризнанный, забытый,
Не все сердца обращены:
Доступен всем Твой мир открытый,
Но крылья всем не суждены.
Зато в Тобою вдохновенном
Души высокой виден строй:
Так мы на слитке несомненном
Поверим пробный камень свой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Борис Владимирович Никольский* (1870-1919) — юрист, политический деятель, литературовед. В 1899 г. издал сборник своих стихов, — весьма подражательных (Никольский Б.В. Сборник стихотворений. Спб., тип. А.С.Суворина, 1899), один из разделов которого составляют переводы из Гете, Гейне, Катулла, Горация. В них он отталкивался от переводов Фета, беря их в качестве “черновики”: “... не отрицая недостатков и слабостей в переводах Фета, я считаю последние крупной и ценною заслугою покойного поэта перед нашей словесностью. Он не побоялся сделать первый шаг, самый трудный и скучный, и, сделав его начерно, тем самым завлек других, более слабых, на заманчиво-легкое состязание с собою. По готовому легче работать, особенно когда в этом готовом поминутно встречается где меткое слово, где счастливый оборот, где смелая точность перевода, где неподражаемая верность тона. Переводы Фета — наши национальные черновики: отсюда их слабости; но в этом и их достоинства”. Далее следует простодушно-самоуверенное заявление: “Если моему переводу суждено заслужить успех и долговечность, то я желал бы, чтобы каждый из моих ценителей отдал должное благородному почину Фета, даже если бы признавал превосходство за моею работой. Я не нуждаюсь ни в долговечном успехе, ни вообще в успехе, если его не разделит со мною память того, в ком я с благодарностью и любовью видел и вижу своего заслуженного предшественника” (Никольский Б.В. Сборник стихотворений. Спб., 1899. Примечания к переводам из Катулла, с. 307-308).

В 1901 г. под редакцией и со статьей Б.В.Никольского вышло трехтомное “Полное собрание стихотворений А.А.Фета”. Спб., изд. А.Ф.Маркса, 1901, которое, по мнению Б.Бухштаба, может выдержать критику только со стороны полноты издания и о котором уничтожающе отозвался В.Брюсов: “Еще убил Маркс Фета... через благосклонное участие Никольского, обратившего собрание сочинений Фета в собственную статью: рубрики над отделами — этот текст статьи Никольского, а стихи Фета — его цитаты”. (Подробный анализ этого издания см. в статье Б.Бухштаба “Судьба литературного наследия А.А.Фета”. — Литературное наследство. М., 1935, тт. 22-24, с. 584-592). Собрание под редакцией Никольского переиздавалось 2 раза: в 1910 — без всяких изменений — и в 1912 — в приложении к “Ниве” (Фет А.А. Полное собрание стихотворений. 2-е издание, Спб.: Изд. т-ва А.Ф.Маркс. 1910. Фет А.А. Полное собрание стихотворений. С вступительными статьями Н.Н.Страхова и Б.В.Никольского. Приложение к журналу “Нива” за 1912 г. Спб.: Изд. т-ва А.Ф.Маркс. 1912).

2. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Спб., 1872. О Страхове см. примечание 1 к письму № 4.

№ 4

Фет — Полонскому

<штемпель>

Москва, Плющиха,

соб<ственный>

дом,

10 октября 1890

Дорогой и любезнейший
Александр Яковлевич.

Благодарю Вас за любезные строки и приветствия, розданные мною по назначению. Просил я Вас направить адрес Помяловского в Москву, в надежде скорой возможности представить ему мой перевод Марциала; но увы! — капризам и причудам графа Олсуфьева нет конца, и я, впадая в совершенную атонию, вяну, по выражению Капуллы:

“Словно цветок на окраине поля,
Срезанный плугом”.

Вчера, когда я надписал кому-то свою книжку, Екатерина Владимировна, взглянув на надпись, сказала с улыбочкой: “Ошибка и поправка, пропущено р в слове Александр”. Не значит ли это, что, переставши пять уже лет писать, я отодвинулся на степень малограмотного? Во мне уже нет надлежащего навыка; то же самое я вынужден сказать о лестных для меня стихах Вашего приятеля Никольского. Стихотворение исполнено значительных мыслей и верных образов, но имеет вид прекрасного платья, примеряемого на живую нитку. Чем более Вы будете заняты, тем более я буду Вам завидовать.

Легкость изложения и популярность я считаю в числе достоинств пера Страхова. Нужно быть Кантом, чтобы иметь право ковырять людям мозги.

Примите нашу общую признательность и поклоны и передайте их всем Вашим, начиная с мамыши*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николай Николаевич Страхов (1828-1896) — критик, философ и публицист. Познакомился с Фетом в 1875 г. в Ясной Поляне. Впервые посетил Воробьевку в 1878 г. Период их наибольшей духовной близости продолжался 5 лет. С 1881 г. начинается постепенное охлаждение Страхова к Фету из-за выявившихся расхождений в их нравственной и идейной позиции. Критическое отношение Страхова к поэту особенно усиливается в 1889-1890 гг. после юбилея поэта. Однако, наряду с Вл. Соловьевым, он продолжает оставаться литературным советчиком, критиком и редактором стихотворений Фета во время создания “Вечерних огней”. В 1894 г. Страхов и К.Р. выпускают “Лирические стихотворения А.Фета” (ч. I и II. Спб., 1894) — издание, задуманное самим поэтом в конце жизни, одновременно с подготовкой 5 выпуска “Вечерних огней”, который был включен в издание 1894 г.

Страхову принадлежат рецензии на выпуски “Вечерних огней” (“Русь”, 1883, № 24; “Новое время”, 1889, № 4633) и биографические очерки (в кн. А.А.Фет, изд. 1894;

* Середина (треть) последнего листа вырезана.

Фет А.А. Полное собрание стихотворений, т. 1, Спб., изд. А.Ф.Маркса, 1901). Об участии Страхова в подготовке к печати стихотворений Фета. См.: Фет А.А. Вечерние огни. М., 1971, с. 636 (М.А.Соколова. Принципы издания).

Письма Фета к Страхову хранятся в ГБЛ. Из 26 писем 12 опубликовано в "Русском обозрении", 1901, вып. 1, с. 71-101. 4 письма из числа опубликованных вошли в двухтомное собрание сочинений Фета 1982 г. (т. II, с. 315-321; там же см. примечания А.Е.Тархова о взаимоотношениях Фета и Страхова, с. 440-444).

№ 5

Полонский — Фету
2 ноября <18>90 <Петербург>

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

Папа болен — оттого он и не отвечает на Ваше последнее письмо. Вчера, после колики в желудке и рвоты желчью, его стала бить лихорадка. Жар дошел до 39,8. Приемы антифибрина восстановили нормальную температуру, но сегодня к 5-ти часам температура вновь очень высока (39,3). К счастью, еще вчера явился пот, а сегодня он и горел в испарине, чего при тифе не бывает. Вероятно, простудился. Лечит Бертенсон. Сегодня у нас "Пятница"¹, но гостей не велено принимать; понятно, многие, несмотря на это, поднимаются наверх, чтобы справиться о здоровье... 1 час ночи. Ушли последние гости. Было человек пять, остальные посовестились... Каразин² прочел несколько отрывков из своей еще не выпущенной, роскошно изданной книжки "Журавли", предназначенной для детей... (Все прочтенное в высшей степени изящно и художественно). Был Берг³. Предупрежденный швейцаром, не решился звонить, а подергал ручкой у входной двери... С каждым из гостей папа виделся не более минуты. Он лежал на диване в своем кабинете, но раздетый и под одеялом... Прошедшую ночь он и ночевал там, только теперь, когда все ушли, перебрался в спальню; в настоящую минуту температура: 38,5. Вчера в это время была нормальная. Сейчас спрашивал, не слышали ли мы колокольчиков пожарных, но это он, вероятно, слышал едва доносившуюся до него игру на рояле Blumenфельда, учителя музыки Наташи, игравшего нам отрывки из "Игоря". Соединение звуков, полных мощи и силы — с слабым биением пульса и учащенным лихорадочным дыханием... Тут гости — суета — шум и разговоры — и папе казалось, что сегодня особенно интересной должна была выйти пятница... Теперь, кажется, уснул. Мы надеемся, что скоро пройдет все, да папа и сам не думает долго

хворать... В Петербурге, между прочим, бродят оспа и тиф, выглядывающая себе жертвы. Слава Богу, ни того, ни другого в этом случае быть не может... Книжки для пересылки Вам я сдам в магазин Боткиных, вероятно, завтра.

Остаюсь искренне уважающий Вас и готовый к Вашим услугам
А.Полонский.

Мои поклоны уважаемой Марье Петровне и Екатерине Владимировне

Сегодня суббота: тем. 37,7. Тяжела голова

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Многолюдные "пятницы" Полонского, собиравшие писателей, художников, артистов, музыкантов, делались, по его собственному признанию, "как-то сами собой". Из числа тех, кто его посещал, не было ни одного приглашенного. Приходили кто и когда вздумается — нередко незнакомые, которых рекомендовали Полонскому. Пятницы Полонского просуществовали до 1 октября 1898 г. (до болезни — умер поэт 18/30 октября 1898). С октября пятницы были перенесены на квартиру возглавившего их К.К.Случевского и существовали еще 6 лет как "пятницы" Случевского и 18 лет как "кружок имени Полонского". (См. Смиренский В. "Пятницы" Полонского. — "Прометей", № 9, М., 1972).

2. *Николай Николаевич Каразин* (1842-1908) — русский писатель и художник, академик живописи. Чрезвычайно популярный в свое время рисовальщик, график, гравер, много работавший в книжной и особенно в журнальной иллюстрации; сотрудник журнала "Нива", один из основателей Общества русских акварелистов. Расцвет его творчества приходится на конец XIX века, однако по своим эстетическим принципам он всецело принадлежит 2-й половине XIX века. Литературную деятельность начал в 1871 г. Автор 6 романов, многих повестей, рассказов, очерков, военных корреспонденций; сам иллюстрировал свои произведения.

3. *Федор Николаевич Берг* (1840-1909) — поэт, журналист. С 1887 — петербургский издатель "Русского вестника".

4. *Боткины* — родственники жены Фета, владельцы торгового дома "П.К.Боткин и сыновья" в Москве и Петербурге.

№ 6

Фет — Полонскому

<штемпель>

5 ноября 1890

Москва, Плющиха,
собственный дом,

Дорогой Александр Яковлевич,

Сердечно благодарю Вас за память об нас, хотя содержание Вашего письма подействовало на всех нас самым тяжелым образом. Единст-

венною при этом утешительною мыслию было, что сильно заболевший Яков Петрович окружен тем вниманием и уходом, которого ничто, кроме кровной семьи, доставить не может. Явно, что письмо Ваше совпадает с переходом больного к выздоровлению, и надеюсь, что эти строки застанут его уже в нормальном состоянии. Поцелуйте руку Вашей мамаша за собрание сочинений Якова Петровича¹, которые несомненно придут ко мне через контору Боткиных. В настоящую минуту я тоже никуда не выезжаю по поводу простуды и кашля. И всякий день собираюсь благодарить Якова Петровича за драгоценный подарок — прекрасные карты, которые три или четыре раза в день обязательно бывают у меня в руках и которые я берегу, подобно Колхидскому или Гесперийскому дракону² от чужих прикосновений³.

На днях ожидаю выпуска в свет 4-й книги Вечерних огней⁴, которая поступит в продажу после 15 ноября, так как три стихотворения будут помещены в ноябрьской книжке Русского Обозрения.

По милости ежеминутно новых измышлений графа Олсуфьева, не имею никакого понятия о начале печатания моего перевода Марциала.

Мария Петровна и Екатерина Владимировна благодарят Вас за любезное приветствие и просят передать всем, начиная с выздоравливающего, их усердные поклоны*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полонский Я.П. Полное собрание сочинений в 10-ти т. Изд. Ж.А.Полонской. Спб., 1885-1886 (стихотворения, тт. I и II) <?>

2. В греческой мифологии — дракон, охранявший золотое руно, за которым отправились в Колхиду аргонавты.

В греческой мифологии — стоголовый дракон, охранявший сад дочерей Атланта — гесперид. Похищение золотых яблок из этого сада — один из подвигов Геракла.

3. IV выпуск "Вечерних огней" вышел в свет в 1891 г. (цензурное разрешение 31 октября 1890 г.).

4. В "Русском обозрении" (1890, ноябрь) опубликованы следующие стихи Фета:

I. Их императорским высочествам Великому князю Константину Константиновичу и Великой княгине Елизавете Маврикиевне.

"Давно познав, как ранят больно
Иные тернии венков..."

Москва. 30 янв. 1889

* Третий последнего листа отрезана.

II. "Не нужно, не нужно мне проблесков счастья..."

Москва. 4 нояб. 1887.

III. "В полуночной тиши бессоницы моей..."

Москва. 3 янв. 1888.

№ 7

Фет — Полонскому

<штемпель>

16 декабря 1890

Москва, Плющиха,

соб<ственный> дом,

Любезнейший и дорогой

Александр Яковлевич

Прилагая при сем пробу пера над переводом Плавта¹, пробу, которую в облегчение совести я наконец вытащил из портфеля на свет Божий, прошу Вас прежде всего о следующем. Сначала передайте всем Вашим, начиная с мамы, наши общие усердные поклоны, а равно и поклоны Дункеров² и Боткиных, у которых мы вчера обедали и которые в первых числах января явятся к Вам с поклонами на Знаменскую. Как странно по письму Якова Петровича о нездоровье Страхова; я запросил последнего и вчера вечером получил ответ, что я-де Страхов совершенно здоровый молодец, а болен-де Полонский. Зная мнительность Якова Петровича, не желаю спрашивать его о состоянии его здоровья и прошу только Вас черкнуть мне по этому вопросу пару слов.

Преданный Вам

А.Шеншин

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Перевод комедии Плавта "Горшок" вышел в 1891 г.: Плавт, Тит Макций. Горшок. Пер. А.Фета. М., тип. А.И.Мамонтова и К°, 1891.

2. Дункеры — родственники жены Фета: инженер К.Г.Дункер и его жена Елизавета Дмитриевна Дункер (урожд. Боткина), племянница М.П.Фет, дочь Дмитрия Петровича Боткина (владелец коллекции картин, заведовал делами чайной торговли Боткиных).

№ 8

Полонский — Фету

18 дек<абря> <18>90. Ночь.

<Петербург>

Глубокоуважаемый

Афанасий Афанасьевич!

Премного Вам благодарен за присланного Плавта, которого я получил всего несколько часов назад и потому еще не успел в него впитаться...

Папа, относительно, чувствует себя хорошо, а о нездоровье Страхова он заключил по записке Страхова к одним нашим знакомым, в которой тот отказывался приехать к обеду, мотивируя отказ нездоровьем.

Отсутствие саней заставляет папу сидеть дома, а сидя дома и перебирая старые тетради, папа находит материал для новых стихов, образчик которых он Вам собирался прислать...

.....

Часы бьют два часа... На дворе и на улице все тихо. Из кухни доносится звяканье перемываемой посуды... Уши отдыхают от Наташиной игры, которую она только что прекратила...

Папа сидит у себя и пишет, — пишет, вероятно, Вам. Боря спит. Он вернулся третьего дня из лазарета училища, где две недели пролежал от болезни горла, по желанию начальства признанной дифтеритом. Злые языки утверждают, что училищный доктор пожелал награды к праздникам за энергичные меры, прекратившие эпидемию, и за блистательное излечение мнимобольных... Училище было распущено с начала декабря... А для пущей убедительности Борины пленки из горла были старательно привиты к морским свинкам, которые к полному торжеству доктора преблагополучно издохли. К злым языкам в данном случае принадлежит язык Д-ра Рюльмана, брата мамы... Язык довольно авторитетный, ибо его обладатель считается специалистом именно по болезням горла. Продолжаю описывать, что происходит в данную минуту, с тем, чтобы сейчас же опять уклониться в сторону.

Мама ложится спать... и, вероятно, думает о своей работе. Она, т.е., мама, усердно лепит Вас, папу и Майкова, причем до сих пор не облачает никого в платье, а только, когда не работает, от любопытных взоров прикрывает фигурки передником; причем не надо представлять, что этот передник на ней, так как тогда бы получилось, хоть комичное, но не верное представление¹.

Наташа теперь, вероятно, уже в постели, ибо я это письмо пишу что-то очень медленно... Завтра к 10-ти часам ей надо быть у Абазы, жены бывшего министра, дающей уроки дарового пенья.

Теперь чем заняться?.. В настоящую минуту пишу, — в последнее время ничем особенно путным занят не был. Пришлось участвовать в одном домашнем спектакле, устраивать музыкальные вторники у нас,

принимать горячее участие в переписи... и при этом усерднее посещать товарищей, чем профессоров. Чувствую сильное угрызение совести. Стараюсь подтянуться... и по временам сильно скучаю... Не достаточно у меня руки железные, чтобы справиться с собой. В квартире все стихло. Слышно теликанье часов... Пора спать. — Прощайте, еще раз благодарю за Плавта... Мои усердные поклоны и Марье Петровне и Екатерине Владимировне и Боткиным и Дункерам...

Весь Ваш

А.Полонский

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Работу над скульптурным портретом Фета Ж.А.Полонская начала летом 1890 г., когда семья Полонских гостила у поэта в имении. О самом начале работы есть свидетельство А.Я.Полонского в его письме к отцу (который к тому времени уже уехал) от 12 августа 1890 г.: "Мама начала лепить из воска Аф.Аф., по фотографии, на которой он снят вместе с тобой". (ГЛМ, ф. 148, роф. 3525/4).

В Петербург Полонская привезла с собой слепок правой руки Фета, его голову, вылепленную из воска, и маленькую фигурку (поэт, сидящий в парке на скамье) — эти подготовительные этюды послужили материалом для создания бюста. (Хранятся в Литературном музее ИРЛИ АН СССР. — Фонякова Н.Н. Скульптор Ж.А.Полонская. — Тургеневский сборник. III, Л., 1967, с. 289).

№ 9*

Фет — Полонскому

<штемпель>

21 декабря 1890

Москва, Плющиха, соб<ственный> дом.

Любезнейший

Александр Яковлевич,

Пользуюсь этим испытанным мною качеством Вашим, — решаю еще раз обеспокоить Вас моею просьбою. Узнайте у книгопродавца Глазунова¹, имел ли он при издании Лермонтова в виду поэму последнего Демон, напечатанную в Карлсруэ² с рукописи поэта³. Потрудитесь только узнать положительный ответ на этот вопрос: да или нет, — и не оставьте меня о том без уведомления. Извините, что так

* Комментарий к письмам 9—14 составлен З.В.Гротской.

бесцеремонно обращаюсь к Вам, как к представителю юной интеллигенции. Мы все, т.е. Марья Петровна и Екатерина Владимировна приветствуем Вас и поздравляем с праздниками

Искренне Вам признательный
А.Шеншин

Передайте папе, что у нас в доме менее 16 градусов не бывает, а в кабинете даже 18.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Илья Иванович Глазунов* (1856-1913) — издатель и книготорговец, возглавлял фирму Глазуновых (1790-е-1917) с 1890 г. В течение многих лет фирма имела привилегию издавать сочинения М.Ю.Лермонтова, т.к. прижизненные издания — “Герой нашего времени” 1840, 1841 (тираж 1000 экз.) и “Стихотворения Лермонтова” 1840 (тираж 1000 экз.) — были напечатаны в типографии Ильи Ивановича Глазунова (1786-1849), руководившего фирмой с 1831 по 1849 г. (Имена Ильи и Иван повторялись из поколения в поколение).

2. Впервые поэма “Демон” была напечатана в 1856 г. в Карлсруэ (Германия) на русском языке, в количестве 28 экземпляров. Хлопоты по изданию взял на себя Алексей Илларионович Философов, близкий родственник Лермонтова, занимавший высокие государственные посты. Издание сразу же сделалось библиографической редкостью. Два экземпляра было передано в Публичную библиотеку Петербурга, остальные — разосланы важным государственным лицам и родственному окружению.

3. Ко времени напечатания поэмы автограф т.н. “придворной” рукописи “Демона” был утрачен. По свидетельству Философова, набор производился по копии, сделанной им самим в 1841 г. “с оригинальной собственной рукописи со всеми перемарками и изменениями, которые даровитый мой племянник делал по мере того, как эта повесть вылилась из-под пера его. Моя рукопись тщательно сверена с нею, даже правописание автора, не всегда правильное, соблюдалось с точностью”. (См.: Найдич Э.Э. Последняя редакция “Демона”. — “Русская литература”, 1971, № 1, с. 75). Копия эта до 1856 г. хранилась в личной библиотеке великого князя (Философов был воспитателем младших сыновей Николая I, чтение “Демона” членами царской семьи в 1841 г. состоялось при его посредничестве).

№ 10

Полонский — Фету
24 дек<абр> <18>90 <Петербург>

Глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич!

В магазине Глазунова мне сказали, что дать сведения по поводу издания сочинений Лермонтова может один только П.Ефремов. Я записал его адрес и буду у него; но в первые дни праздников это сделать

неудобно... поэтому и положительный ответ на Ваш вопрос не может Вам прислан быть тотчас.

Папа Ефремова знал, но давно они друг друга не видели. Говорят, Ефремов большой чудак, боится общества и с большим недоверием ко всем относится. Живет холостяком, один одинешенек, окруженный ценными, редкостными всевозможными изданиями, которые он повсюду разыскивает и скупает².

Пользуюсь случаем, чтобы еще раз пожелать вам всего хорошего и поздравить с праздником. Готовый к Вашим услугам

А.Полонский

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. *Петр Александрович Ефремов* (1830-1907) — библиограф, литературовед, страстный собиратель книг по русской литературе.

Редактировал и издавал русских писателей XVIII-XIX вв. Сочинения М.Ю.Лермонтова под редакцией Ефремова выходили в Петербурге в 1873, 1880, 1882, 1887, 1889 гг.

2. Огромная библиотека и иконографическая коллекция Ефремова — одно из крупнейших собраний в России XIX в. Он сам не мог точно определить количество своих книг, заметив однажды, что при переезде из Москвы в Петербург узнал: библиотека весит 953 пуда (т.е. более 15 тонн). После смерти Ефремова его вдова предложила коллекцию в библиотеку Пушкинского Дома за весьма умеренную сумму. Пушкинский Дом смог приобрести лишь незначительную ее часть (24 тыс. томов), большая же часть была распродана букинистам и разошлась по частным владельцам.

№ 11

Фет — Полонскому

<штемпель>

6 января 1891

Москва, Плющиха,
соб<ственный> дом.

Любезный и дорогой Александр Яковлевич,

Поздравляя Вас с Новым годом, мне вдвойне приятно благодарить Вас за любезное исполнение моей просьбы. В день получения Вашего письма я вместо всяких объяснений послал его целиком родственнику Лермонтова Столыпину¹, который и печатал чрез сторонние руки в Карлсруэ автографический экземпляр "Демона". Я порадовался, что остановился на Вас касательно исполнения этой просьбы. Во-первых, как на человеке любезном и не боящемся хлопот, а во-вторых как на филологе, умеющем толково взяться за дело.

Еще раз пожимаю Вашу руку и прошу передать наши общие поклоны всем Вашим, начиная с мамы.

Искренне признательный
Ваш А. Шеншин

Сию минуту получил письмо от Столыпина в ответ на препровожденное ему Ваше.

Во избежание неверной передачи библиографических данных, позволяю себе переслать Вам подлинный ответ, прося о простой пересылке его г. Ефремову по городской почте, так как адрес последнего Вам известен.

П Р И М Е Ч А Н И Е

¹ *Дмитрий Аркадьевич Столыпин* (1818-1893) — брат Е.А.Арсеньевой (бабушка М.Ю.Лермонтова). К нему перешел автограф поэмы "Демон" после смерти Е.А.Арсеньевой, которая, в свою очередь, получила его от А.П.Шан-Гирея, взявшего рукопись на хранение перед отъездом Лермонтова в ссылку. К Д.А.Столыпину прежде всего обратился Философов в 1856 г., собираясь печатать поэму, и тогда же узнал об отсутствии оригинала.

№ 12

Фет — Полонскому

<штемпель>

9 января 1891

Москва, Плющиха,
соб<ственный> дом .

Дорогой и любезный
Александр Яковлевич,

Я желал бы, чтобы мой образ в настоящую минуту предстал в Вашем воображении над умывальником. Вы сейчас бы сообразили, что я как Пилат умываю руки. Кроме шуток, из прилагаемого письма Вы, быть может, по юркости молодого ума, яснее сообразите, в чем дело. Что касается до меня, то я понял предположение Столыпина, что Глазунову, буде он придержится Столыпинского, т.е. издания "Демона" в Карлсруэ, то он, Глазунов, постарается в предисловии опереться на сведение, заключающееся в письме ко мне, пересланном к Вам. На это я отвечаю соображением, что Глазунов в этом деле ограничивается простою ролью издателя, предоставив редакторство Ефремову. И вот почему, считая всякие новые переговоры с Глазуновым излишними, я

и не думаю Вас беспокоить какими-либо просьбами, а пересылаю новое письмо Столыпина ко мне только для очищения совести.

Крепко жму Вам руку
Преданный А.Шеншин

Стихотворение Якова Петровича будет за 25 руб. напечатано в февр. Обозрении¹.

П Р И М Е Ч А Н И Е

1. Речь идет о стихотворении Я.П.Полонского "Когда в мой темный сад вошла ты привиденьем", напечатанном в февральском номере "Русского обозрения" за 1891 (с. 524). Стихотворение вошло в Полное собрание стихотворений Я.П.Полонского в 5-ти тт. Спб., А.Ф.Маркс, 1896 (т. 3, с. 84) в измененной редакции.

Приложение к письму А.А.Фета

8 января 1891

Многоуважаемый
Афанасий Афанасьевич,

Благодарю Вас за письмо и посылку моего письма молодому Полонскому. Я желал известить Глазунова потому, что тут замешан денежный интерес: в случае что Глазунов захочет сделать отдельное издание "Демона"¹ с заявлением, что оно напечатано по последней писанной и исправленной Лермонтовым рукописи². (До сих пор одно только сомнение: никто не знает, которому списку дать предпочтение)³, в таком случае издатель мог бы в предисловии поместить мое письмо к Вам, посланное Полонскому.

Я просмотрел оставшуюся у меня диктованную черновую и в ней Философов-сын назван Николаем Николаевичем, тогда как он называется по отцу Николаем Алексеевичем⁴.

Желательно было бы знать категорический ответ Глазунова, намерен ли он воспользоваться этим случаем; если нет, то надо будет сейчас же напечатать это известие в виду готовящихся к 15-му июлю новых изданий.

Благодарю Вас еще раз за письмо и совет и прошу написать об этом Полонскому.

Примите заверение
в искреннем моем уважении
Д.Столыпин

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет, по всей вероятности, о подготовке к изданию книги: "Сочинения Лермонтова. Рублевое издание. В одном томе. 1891". Отдельного издания "Демона" у Глазунова в эти годы не было.

2. Д.А. Столыпин имел в виду карлсруйское издание 1856 г.

3. Не напечатанный при жизни Лермонтова "Демон" распространялся во множестве списков, восходящих к разным редакциям: VII, т.н. "Лопухинской" и VIII, т.н. "придворной", подготовленной поэтом для чтения при дворе и представлявшей собой текст VII редакции в смягченном варианте. Из нее, в частности, устранены строки разговора Демона с Тамарой ("Зачем мне знать твои печали"). Только в недавнее время установлено, что в рукописи Философова (копии с утраченного "придворного" автографа) зафиксированы обе редакции — VII и VIII. По исправлениям, сделанным автором и напечатанным в карлсруйском издании в примечаниях, восстанавливается текст VII редакции. (См.: "Лермонтовская энциклопедия". М.: "Советская энциклопедия", 1981, с. 131).

4. Непонятно, какая "диктованная черновая" рукопись имеется в виду. В ней, очевидно, говорится о А.И. Философове и его сыне Николае Алексеевиче.

№ 13

Полонский — Фету

11 янв<аря>

<18>91 <Петербург>

Глубокоуважаемый

Афанасий Афанасьевич!

Прежде всего благодарю Вас за поздравление с Нов[ым] Годом; для меня исполнить Ваше поручение было очень приятно и я рад всегда и впредь служить Вам...

Письмо Столыпина еще 8-го числа снес я Ефремову, живущему очень от нас близко, причем передал и объяснительное от себя письмо. (Ефремова дома не было).

Дело до сих пор я понимаю так: ввиду готовящихся новых изданий Лермонтова Столыпин, не знакомый с библиографической стороной дела, хотел выяснить вопрос, — пользовался ли Глазунов, лучший издатель Лермонтова, изданием Лермонтова, которое он, Столыпин, имеет основание считать заслуживающим особенного внимания. И едва ли Столыпин ошибся, думая, что сообщенные им сведения небезынтересны Ефремову...

Вчера я получил Ваше письмо от 9-го янв[аря]. Прочитав его, я тщательно оглядел конверт и убедился, что кроме Вашего письма в нем ничего не содержалось... А Вы между тем пишете, что "из прилагаемого письма" я могу сообразить в чем дело... и далее, что Вы пересы-

лаете мне “новое письмо Столыпина только для очищения совести”. Повидимому содержание Вашего письма должно было дополняться письмом, которое позабыли вложить в конверт... Вы пишете, что считаете излишними новые переговоры с Глазуновым, но, кажется, с ним никаких переговоров и не было, а был только один разговор с самим Ефремовым. И очень вероятно, если бы Ефремов, взвесив теперь шансы, убедился, что издание в Карлсруэ заслуживает большего внимания, чем издание по набору, сохранившемуся в ред [акции] Отеч [ественных] записок, он издал бы “Демона”, придерживаясь этого заграничного издания и в предисловии, вероятно, должен был бы опереться на сведения, заключающиеся в пересланном ему письме. И мне кажется, что Ефремову оставалось бы только благодарить, как и автора письма, так и Вас, не отказавшихся исполнить просьбу Столыпина...

Я, правда, не понимаю, в чем Вы умываете руки, отчего не хотите меня беспокоить какими-либо просьбами и чего я, понятно, не могу уже понять, почему “новое пересылаемое письмо Столыпина” (которое я не получил) служит Вам только для очищения совести...

Я передал папе о помещении его стихотворения в Русск [ом] Обзор [ении]. Он очень Вам благодарен... Говорит, что сам скоро будет Вам писать, но теперь так занят, что ночи не спит. Он пишет большое стихотворение (стихов 150) под заглавием “Хитана”¹ — испанская цыганка. Работает над ней страшно и сегодня ночью, лежа в постели, сочинил 2 новых куплета, которые старался запомнить на память и только теперь утром с трудом заносит их на бумагу.

Наши общие поклоны Вам, Марье Петровне, Екат [ерине] Владимировне...

Весь Ваш А.Полонский

PS. Два раза заезжали Дункеры, никого не заставали.

С.Боткин² застал только меня одного. Ждем их всех сегодня вечером...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стихотворение “Хитана” опубликовано в Полном собрании стихотворений Я.П.Полонского (т. 3, с. 45). В советских изданиях не печаталось.

2. Сергей Сергеевич Боткин (1859-1909) — племянник жены Фета Марии Петровны, сын знаменитого врача Сергея Петровича Боткина. Врач, профессор медицины.

№ 14

Полонский — Фету
12 янв<аря> <1891>¹ <Петербург>

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасьевич,

Получил дополнение к Вашему письму от 9-го янв.

Категорический ответ Глазунова Столыпину не трудно угадать. Наверное предложением Столыпина не воспользуются и вот по каким причинам:

1. Глазунов выпускает свое новое издание в непродолжительном времени и к изданию, вероятно, все подготовлено.

2. У Ефремова нет никакого сомнения, что Демон, сохранившийся в наборе типографии Отецествен [ных] Записок, доставлен в типографию самим Лермонтовым².

3. Столыпин едва ли может доказать, что его рукопись есть последняя, что после нее Лермонтов Демона не переписывал и не делал новых исправлений...

Столыпин пишет, что до сих пор никто не знал, какому списку дать предпочтение...

Ефремов не колебался...³

Я думаю, что больше не приходится вести переговоры с Ефремовым...

Не понимаю, при чем тут денежный интерес... Если бы издания в Карлсруэ не было и у Столыпина сохранилась бы неизвестная исправленная Лермонтовым рукопись и по некоторым данным одна из последних, тогда имело бы смысл печатать известие об этом и могла быть речь и о денежном интересе...

Перед обедом захворал (было) папа, теперь (3 часа ночи) жар — выше 39. Папа надеется, что это короткий припадок и думает завтра встать...

Вечером были оба Боткины... Дункеры будут в воскресенье.

Искренно уважающий
Вас А.Полонский.

Сегодня утром папе действительно гораздо лучше... Жара нет...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В оригинале ошибочно поставлена дата 1890.

2. Напомним, что первоначально Лермонтов сам передал редактору журнала "Отечественные записки" А.А.Краевскому автограф VIII редакции "Демона", но, убедившись в невозможности публикации поэмы, забрал рукопись (потом оказавшуюся у А.П.Шан-Гирея — Е.А.Арсеньевой — Д.А.Столыпина). Напечатанные в журнале (1842, № 6) отрывки из поэмы к печати готовил В.Г.Белинский. Как известно, критик очень высоко ценил предпоследнюю, VII, редакцию произведения и потому при подготовке публикации пользовался списками с нее, хотя не мог игнорировать и последнюю, VIII. Ни Белинский, ни Краевский не оставили упоминаний, по каким спискам проводился набор, отрывки представляют собой контаминацию двух последних редакций.

3. П.А.Ефремов при редактировании "Демона" в ряде своих изданий предпочел отказаться от наборной рукописи "Отечественных записок", воспользовавшись более надежным текстом (очевидно, безошибочное чутье коллекционера подсказало ему правильное решение). Источник восстанавливается по отзыву П.А.Висковатова. Стремясь дискредитировать Ефремова, Висковатов упрекнул его в 1889 г. за публикацию по несовершенному с его точки зрения списку Квиста, полученному последним от своего товарища Обухова, которому, в свою очередь, он достался от брата, близкого знакомого Лермонтова. Однако в 1890 г. в печати появились воспоминания А.П.Шан-Гирея, написанные еще в 1860 г., где именно этот список назван наиболее авторитетным. Приводим текст воспоминаний: "Один из членов царской фамилии пожелал прочесть "Демона", ходившего в то время по рукам, в списках более или менее искаженных. Лермонтов принялся за поэму в четвертый раз, обделал ее окончательно, отдал переписать каллиграфически и, по одобрении к печати цензурой, препроводил по назначению. Через несколько дней он получил ее обратно, и это единственный экземпляр полный и после которого "Демон" не переделывался. Экземпляр этот должен находиться у г.Алопеуса, к которому перешел от меня через Обухова, товарища моего по Артиллерийскому училищу. Есть еще один экземпляр "Демона", писанный весь рукой Лермонтова и переданный мною Дмитрию Аркадьевичу Столыпину". (Шан-Гирей А.П. М.Ю.Лермонтов. В кн.: М.Ю.Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: "Художественная литература", 1964, с. 64).

Следовательно, ефремовский экземпляр поэмы восходил к тому же источнику, что и столыпинский и философский.

Не будучи посвященными в тонкости лермонтовской текстологии, участники переписки, конечно, не подозревали об этом.

Современными исследователями сверены копии Философова и Квиста, коллекционера, племянника декабриста И.И.Горбачевского, они имеют незначительные расхождения, объясняемые ошибками переписчиков. Эпизод разговора Демона с Тamarой введен Ефремовым, очевидно, по одному из многочисленных неподцензурных списков.

№ 15

Полонский — Фету

20.IV. <18>91 <Петербург>

Глубокоуважаемый
Афанасий Афанасьевич!

Очень Вас благодарю за книжки Марциала¹. Какое прекрасное издание! Вообще все Ваши книжки и по внешности всегда хороши.

Со дня выхода Вашего Марциала — русским открыт более свободный и приятный путь для уразумения поэта, на первый взгляд не заслуживающего бессмертия — открыт путь для проверки этого первого взгляда, который должен быть оставлен, так как уже с одним фактом бессмертия приходится считаться.

Как ни метки вообще изречения Марциала, они, видно, устарели. Читая Вас я, положительно, не могу согласиться, что

“Не хорошо пахнет тот — пахнет кто век хорошо”...

Вы — век пахнете хорошо — и все-таки продолжаете хорошо пахнуть.

Передайте мои поклоны и поздравления многоуважаемой Марье Петровне и Екатерине Владимировне.

Искренно уважающий Вас

А.Полонский.

П Р И М Е Ч А Н И Е

1. *Марциал. Марк Валерий*. Эпиграммы. В пер. и с объясн. А.Фета, ч. 1-2. М., тип. А.И.Мамонтова и К°, 1891.

№ 16

Фет — Полонскому

<штемпель>

14 <ноября> <18>91

Москва, Плющиха,

соб<ственный> дом.

Дорогой Александр Яковлевич,

Обращаюсь к Вам с весьма деликатною или скорее неделикатною просьбою. Добрый мой Воронежский приятель, в своей провинциальной уверенности насчет моих петербургских знакомств, умоляет меня навести справку об одном петербургском жителе, уверившем его, что он, Поликарп Васильевич Иванов-Белошитский, проживающий по Литейному пр., д.49, кв. 3, до последнего времени, т.е. до половины октября был юнкером, прикомандированным к л[ейб]-гв[ардии] гусарскому полку на счет Государя Императора, будучи притом поме-

щиком Волынской губернии, 1500 десят [ин] земли, что от роду ему 21 год; но что ныне он вышел в отставку, но по причине отсутствия Государя из Петербурга документов своих получить не может. Признаюсь откровенно, что лично мне все эти сведения кажутся неправдоподобными и неверными и Вы, дорогой Александр Яковлевич, бесконечно обязали бы меня, поручив благонадежному дворнику или другому какому человеку проверить все эти показания за известное с моей стороны вознаграждение. Устроивши это дело, Вы бесконечно обязали бы меня, и я с первой отходящею почтой не приминул бы уплатить Вам мой долг по получении от Вас ответа.

Передайте мой усердный поклон всем Вашим и поцелуйте за меня руки мамыши и сестрицы.

Простите великодушно за беспокойство, но мне кажется, Вам нетрудно будет найти толкового соглядатая.

Всегда готовый к услугам Ваш А.Шеншин

Пожалуйста, не стесняйтесь отказом, если исполнение просьбы будет для Вас затруднительно.

№ 17

Фет — Полонскому

<штемпель>

18 <ноября> <18>91

Москва, Плющиха,
соб<ственный> дом.

Любезнейший и дорогой
Александр Яковлевич,

Вы так быстро и толково исполнили мою покорнейшую просьбу, что мне даже совестно благодарить Вас. Сведения, доставленные Вами, драгоценны для моего знакомого, которому наш субъект наплел все то, о чем я писал Вам в предшествующем письме. Но Вы, дорогой Александр Яковлевич, умолчали о Ваших расходах по случаю подмазки дворника. Через главу Боткинской фирмы я имею возможность тотчас же по разъяснении Вами моего долга доставить Вам следующее в Петербурге из магазина Боткиных. Сердечно радуюсь, что мои стихи заслужили Ваше одобрение. Что же касается до моих кабинетных работ, то я, к крайнему сожалению, в настоящее время вошел в тот тупик, который называется ни тпру — ни ну. Вчера я в первый раз выехал после трехнедельного простудного карантина.

Из молчания Вашего о здоровье Якова Петровича заключаю, что он слава Богу в должном порядке.

Жена и Екатерина Владимировна благодарят Вас за любезное приветствие, а я, прося Вас повергнуть меня к стопам Ваших дам, признательно пожимаю Вашу руку.

Сердечно преданный

Ваш

А.Шеншин

Е.Н.Пенская

“КРИСТАЛЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО”
(Автор Козьмы Пруткова в переписке с Львом Толстым)

“Тихо удаляются старческие тени, / Душу облакавшие в звонкие кристаллы...” Эти строки В.С.Соловьева предпосланы переписке А.М.Жемчужникова и Л.Н.Толстого, подготовленной и блестяще прокомментированной известным ученым-филологом С.К.Шамбинаго. Девять писем (9 октября 1890 — 23 августа 1908 г.) вместе со вступительной статьей (“Кристалл литературного прошлого”) и примечаниями С.К.Шамбинаго предназначались для сборника “Звенья”; к этим документам приложена записка В.Д.Бонч-Бруевича: “Звенья”, № 10, ВББ, I/III 47 Н.И. немедленно внесите в оглавление и сейчас же отдайте в переписку 2 экз. ВББ” (ф. 327, оп. 1, д. 135).

Как известно, “Звенья” — сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли (преимущественно XIX в.) издавались музеем в 1932-1951 гг. В них публиковались мемуары, дневники, письма, записки, отрывки и главы из неопубликованных произведений русской литературы, а также исследования по указанным вопросам. В истории русской мысли еще много неизвестного. “Звенья” видели свою основную задачу в том, чтобы расширить ту сумму фактов и документов, на которых базируют свои выводы историографы и литературоведы. Комментарий к публикациям обычно ограничивался лишь необходимым минимумом, главным образом справочного характера. Сборники выходили не периодически, а по мере накопления материалов, со значительными перерывами (т. 1-6, 8, 9; т. 7, 10 не выпущены). Среди ответственных редакторов — В.Д.Бонч-Бруевич, А.В.Луначарский, привлекавшие к собирательской и изда-

тельской работе виднейших филологов и историков того времени. Среди последних особое место занимал С.К.Шамбинаго (1871-1948).

Самый краткий перечень его трудов, детали научной биографии свидетельствуют о широте его профессиональных увлечений. Изучение народного эпоса и письменности русского средневековья было подытожено в первых опубликованных трудах: магистерской диссертации “Повести о Мамаевом побоище” (1906) и в докторской диссертации “Песни времен царя Ивана Грозного” (1914). В 1911 г. вышла книга о Гоголе “Трилогия романтизма” — художественное изложение драматической судьбы писателя. Но все же главный интерес С.Шамбинаго сосредоточен вокруг проблем, связанных с народным эпосом и древней литературой. В 1912 г. он издал “Слово о полку Игореве”, в 1934 г., совместно с В.Ф.Ржигой, осуществил полное научное издание памятника. Участвовал в подготовке выставки “Слова” в ГЛМ. В 1938 г. составил серию альбомов, напечатанных и экспонировавшихся на выставке, руководил экскурсиями, выступал перед многими аудиториями. В 1900-1914 гг. С.К.Шамбинаго читал курсы древнерусской литературы и народной словесности в Московском университете, одновременно работая над первоисточниками в Архиве Министерства юстиции в Отделе литературных метрик.

С.К.Шамбинаго — автор многих статей, посвященных творчеству А.Н.Островского, собранных в 1937 г. в отдельной книге. Уже после смерти ученого вышла последняя его работа “Социальный смысл комедии Островского “Бедность не порок” (М.-Л., 1948). В конце 1930-х гг. он принимал участие в работе над 2-м томом “Истории русской литературы”. Во время войны читал лекции в Московском городском педагогическом институте им. В.П.Потемкина, в Литинституте, в ГИТИСе.

Материал о переписке А.М.Жемчужникова и Л.Н.Толстого, подготовленный для невышедшего 10 выпуска “Звеньев” — одна из последних работ ученого. Для нее характерны подробный историко-литературный комментарий, художественное и точное изложение фактов, отно-

сящихся к одному из острейших моментов русской культурной жизни конца XIX — начала XX вв.: бытовое общение двух современников, двух личностей, пусть и несоизмеримых по своим масштабам, но участвовавших в становлении русской литературной традиции. “Человек-эпистола” — это выражение П.А.Вяземского очень точно определяет творческую доминанту Л.Н.Толстого и А.М.Жемчужникова. Опубликованные дневники и переписка Л.Н.Толстого и неизвестные читателю многолетние записки А.М.Жемчужникова, хранящиеся в РГАЛИ и ОР РГБ, — зерно многих толстовских произведений, а также образа Козьмы Пруткова — этой пародии на всю литературу разом.

Ученый начинает свой комментарий следующей характеристикой двух литераторов:

“Л.Н.Толстой и поэт Алексей Михайлович Жемчужников, принадлежа к поколению 1840-х гг., дожили до начала XX в., сохранив удивительную жизнеспособность, бодрость духа, целеустремленность. Много событий прошло перед их пытливим взором, включая первую русскую революцию. Оба они не отозвались на нее, будучи заняты каждый по-своему религиозно-моральной общественной пропагандой. Аристократы по происхождению, по положению в обществе, примыкавшие, по старой терминологии, к либеральному дворянству, получившие одинаковую первоначальную подготовку в идеологическом смысле, оба они должны были быть как-то связанными между собою”.

Затем ученый постепенно раскрывает процесс предположений и доказательств. Ниже статья С.К.Шамбинаго приводится в сокращении.

“Действительно, между ними была какая-то внутренняя близость, несмотря на то, что писатели чрезвычайно редко, почти совсем не виделись. По крайней мере, Софья Андреевна Толстая в своих дневниках нигде не отметила, чтобы ее посетил соавтор знаменитого Козьмы Пруткова. Однако, Л.Н.Толстой не забывал последнего и, по воспоминаниям его сына, Ильи Львовича, прекрасно декламировал, бывало, прутковское стихотворение “Вянет лист, проходит лето...” Дети часто приставали к отцу прочесть его, приставали до тех пор, пока отец не расхохочется и не прочтет нам с начала и до конца. “Юнкер Шмит,

честное слово, лето возвратится!” — кончал он с ударением и непременно на последнем слове, улыбался и говорил: ха, ха, ха!..

Толстой был с Жемчужниковым на “ты”, — близость, которую он позволял себе весьма с немногими. Еле-еле можно насчитать пять лиц, с которыми бы Л.Н. обходился на “ты”. Среди них, кстати сказать, был еще драматург А.Н.Островский.

Тем больше интереса должна представлять сохранившаяся переписка между ними. Она исчерпывающа, очень невелика: четыре письма с одной стороны, три — с другой. На каждое письмо существует ответ, так что переписка представляет законченное целое. Это все, что является эпистолярным наследием писателя и поэта.

Письма были извлечены дочерью А.М.Жемчужникова из отцовского архива после его смерти. Письма Л.Н.Толстого здесь перепечатаны с поправками и уточнением дат. Письма Жемчужникова целиком в печати не появлялись.

Содержание переписки в высшей степени любопытно. Создается впечатление, что перед нами два человека, связанные тесными нитями дружбы.

Переписка началась в 1890 г., однако, Толстой относил начало дружбы к пятидесятым годам XIX в. ..., ко времени близости обоих писателей к журналу “Современник”. В редакции этого журнала, представлявшей своеобразную литературную богему, и следует искать начало знакомства.

Л.Н.Толстой приехал в С.-Петербург 21 ноября 1855 и немедленно окунулся, с одной стороны, в великосветское общество, с другой, уже как известный писатель, в круг редакции “Современника”. Жемчужников бывал и в салонах, как аристократ и камер-юнкер, и в некрасовском журнале потому, что в 1-й тетради “Литературного Ералаша” — приложении к “Современнику” за 1854, впервые появилось незабвенное имя Козьмы Пруткова.

...“Все мы были молоды, — писал А.М.Жемчужников брату, — настроение кружка, при котором возникли творения Пруткова, было веселое, но с примесью иронически-критического отношения к явлениям современной литературной жизни”. В своей автобиографии (1892) поэт говорит, что после отставки в 1858 г. он сблизился с обществом писателей. “Они всегда были моими лучшими друзьями и наставниками”.

Это признание Жемчужникова многое проясняет в его общении с Толстым. Жемчужников начал писать в 1850 г., участвовал в журна-

лах “Современник”, “Отечественные записки”, “Библиотека для чтения”, “Искра”, “Русский вестник” (в 1857-1858). После выхода в отставку, он покинул столицу, несколько лет прожил в Москве, затем на долгое время уехал за границу. Вероятно, во время московской жизни Жемчужников несколько раз посетил Толстого, уже женатого (свадьба — в сентябре 1862 г.). По крайней мере, в одном из своих писем он шлет привет членам толстовской семьи “знакомым и незнакомым”, а в другом — кланяется “знакомым со мною детям”. Шутливое упоминание о “незнакомцах” свидетельствует, как редки были визиты Жемчужникова к Толстому.

В шестидесятые годы Жемчужников надолго умолк; свою литературную деятельность он возобновил лишь по возвращении из-за границы.

...Наступил 1890 год. Поэт подходил к 70-летию своей жизни. Страшил призрак близкой смерти, именно страшил, потому что ни физические силы, ни, главное, интерес к жизни в нем отнюдь не ослабевали. Сомненье, что вдруг он не весь умрет, а за гробом останется воспоминание о земной жизни при невозможности принять в ней участие — мучило поэта. В этом настроении и написана небольшая поэма “Загробная тоска”, посвященная Л.Толстому. (Интересно, что тогда же Козьма Прутков “возобновляет” свою деятельность “с того света”, публикуя свои “загробные впечатления”: “Спирит мне держит речь у гробового входа...”). Такова была побудительная причина для начала переписки. Толстого уже в 1886 г. занимают вопросы жизни и смерти: первый вариант его статьи о жизни был напечатан в “Русских ведомостях” в 1887 г. Не случайно он был выбран объектом посвящения поэмы.

Переписка оборвалась на целых 10 лет. Возобновилась она по инициативе на этот раз Л.Н.Толстого. В 1900 г. Жемчужников праздновал в С.-Петербурге свой 50-летний юбилей литературной деятельности. Толстой послал короткое приветствие, в котором поздравлял поэта с юбилеем, а себя с полувековой с ним дружбой. Письмо было прочитано А.Н.Веселовским, преподавателем Московского университета, известным ученым, списано тут же корреспондентами, облетело все газеты. В ответ Жемчужников послал двухтомник своих стихотворений для тостовской библиотеки.

С этого времени Жемчужников начинает особенно пристально следить за своим другом. В 1902 г. Толстой тяжело заболел. Всю зиму Жемчужников, сам больной, трепетно следит за ходом болезни. При

первой возможности, узнав из газет, что больному стало легче, он шлет горячее приветствие. “Мы почти вовсе не переписывались между собою в продолжении нашей жизни, но я уверен, что ты не сомневался в правоте и искренности моих чувств”. Толстой ответил дружелюбно, весело, просветленно. Переписка не возобновилась, но не кончились внутренние отношения.

За двадцать дней до смерти (25 марта 1908) Жемчужников набросал карандашом стихотворение, посвященное юбилею Толстого 28 августа 1908 г. Стихотворение и завершает эту переписку. Вот и тексты самих посланий, за которыми стоит множество событий личной биографии и судьбы, эпизоды русской культурной жизни.

1

Жемчужников — Толстому

1890 г. 5 октября. Павловка.

Милый друг, я написал небольшую поэму “Загробная тоска” и посвятил ее тебе. Посвящение также написано стихами. Посылаю их тебе с этою же почтою заказным письмом. Прошу тебя прочесть и то и другое, не откладывая надолго исполнение этой моей просьбы. Поэма, повторяю, небольшая и много времени у тебя не возьмет. По прочтении потрудись мне написать: разрешаешь ли ты мне напечатать ее вместе с посвящением? Я хочу напечатать ее в январской книге “Вестника Европы”, если Стасюлевич ее примет. Отвечай мне в Павловку, откуда я не намереваюсь уехать прежде второй половины ноября. Отсюда поеду, может быть, в Москву на короткое время, а может быть, и прямо в деревню к моей племяннице, где хочу провести всю зиму (близ Рязани). Мне очень хотелось бы получить твой ответ еще в Павловке. — Я знаю, что ты был болен, и прочел в газете, что ты поправился. Напиши мне несколько строк о самом себе. Очень буду тебе за это благодарен. Жалею о том, что мы давно не видались и вообще видимся так редко. Передай мой усердный поклон Софье Андреевне и всем членам твоей семьи, знакомым мне и незнакомым. Дружески жму твою руку. Твой Алексей Жемчужников.

Елец, Орловской губ. Для доставления в с. Павловку.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Михаил Максимович Стасюлевич* (1826-1911) — публицист, с 1866—1908 гг. редактор “Вестника Европы”. Он взял на себя выпуск первого издания сочинений Козьмы Пруткова в 1884 г., а также двухтомника стихотворений А.М.Жемчужникова.

2

Толстой — Жемчужникову

1890 г. 9-10 октября,

Очень рад был получить твое письмо, потому что всегда рад узнать и вспомнить о тебе, любезный друг Алексей Михайлович. Вчера прочел твою поэму и прочел ее сначала про себя, а потом вслух — домашним.

Картина семейной жизни очень милая и описание прекрасное, но мысль поэмы для меня почти непонятна: как мысль о смерти, стоящей так уже близко от нас с тобой по нашим годам, не вызывает в тебе мыслей другого порядка? Впрочем, то хорошо, что все люди разны по своему взгляду на мир — каждый смотрит со своей особенной точки зрения. Я, разумеется, совершенно согласен на посвящение поэмы мне.

А ведь ты едешь в столицы мимо нас, почему же ты не заедешь? Мы были бы очень рады и тебе не стоило бы большого труда. Я всегда дома. Можно поехать из Тулы, из Ясеньков и из Козловки. Если из Козловки, то надо написать или телеграфировать, потому что там нет лошадей. Надеюсь, до свидания.

Любящий тебя

Л.Толстой.

3

Толстой — Жемчужникову

1900 г. 11 февраля. Москва.

Любезный и дорогой друг Алексей Михайлович. Очень радуюсь случаю напомнить о себе сердечным поздравлением с твердой и благородной 50-летней литературной деятельностью. Поздравляю себя с тоже почти 50-летней с тобой дружбой, которая никогда ничем не нарушалась.

Любящий тебя друг

Л.Толстой.

4

Жемчужников — Толстому

1900 г. 11 февраля. Петербург.

Любезный, дорогой друг Лев Николаевич,

Твое письмо, прочтенное мне на моем юбилее Алексеем Николаевичем Веселовским и мне им переданное, меня осчастливило. От всего сердца благодарю тебя за него. Бог даст, я еще повидаюсь с тобою и буду иметь радость тебя обнять и еще раз лично поблагодарить тебя за твою ко мне дружбу. Прошу тебя передать Софье Андреевне, что я целую ее руку и шлю привет всем знакомым со мною Вашим детям. Горячо желаю тебе и всем Вам здоровья и всего лучшего. Надеюсь выслать тебе в непродолжительном времени мои стихотворения с просьбою поместить их в твою библиотеку. Признаюсь, что я принял это решение только после твоего письма, придавшего мне смелости. Сердечно тебя приветствую.

Любящий и глубоко уважающий тебя друг
Алексей Жемчужников.

Этот текст публиковался в "Материалах "Русской мысли" 1900, № 10, но по сравнению с оригиналом напечатанный вариант включает пропуск слов и перестановки.

5

Жемчужников — Толстому

1902 г. 7 апреля. Тамбов.

Милый, дорогой друг Лев Николаевич, я всю зиму следил за состоянием твоего здоровья, то со страхом, то с надеждою, но в обоих случаях не решался писать ни тебе, ни Софье Андреевне. Было совестно вас беспокоить; и бывало страшно заговорить с вами невпопад. О ходе твоей болезни я знал из газет и из сведений, доставляемых Марией Леонидовной Маклаковой. А вчера вместе с нею посетила меня и княгиня Оболенская. Я обеим сердечно благодарен за это посещение. Сам я еще не выхожу из дому. Я также долго хворал воспалением в левом легком; но форма моей болезни была не тяжелая, и я поправляюсь. Жду теплой погоды, чтобы выйти на воздух. Сегодня я прочел в "Русских Ведомостях" от 6 апреля, что тебе лучше, но что ты много работаешь и в течение дня встаешь несколько раз с постели, несмотря

на запрещение врачей. Меня это известие так встревожило и огорчило, что я решился послать тебе немедленно телеграмму, в которой умоляю тебя, милый друг, себя не утомлять и беречь. И эту же просьбу повторяю тебе в этом письме. Ты желаешь и чувствуешь необходимость многое высказать; но чтобы успеть это исполнить, не истощай своих сил, а делай все, что следует для восстановления их. Бог даст, твоя природа пересилит недуг. Помогай своей природе в ее борьбе и не удаляй наступления ее победы. Из хода твоей болезни очевидно, что твоя природа стойкая, сильная, что тебе жить надо и можно. Боюсь, что ты примешь мои слова за “благоразумные наставления”, а не за выражение моего убеждения. Мы почти вовсе не переписывались между собою в продолжение нашей жизни, но я уверен, что ты не сомневаешься в правоте и искренности моих чувств. Я думаю, что ты меня любишь; и если это так, то, пожалуйста, друг мой, исполни мою просьбу. Передай Софье Андреевне, что я целую ее руку, и мой привет всем твоим. Тебя обнимаю. Дай Бог тебе здоровья.

Твой

Алексей Жемчужников.

6

Толстой — Жемчужникову

1902 г. 14 апреля. Гаспра.

Благодарю тебя, милый друг Алексей Михайлович, за твои заботы обо мне, вызванные твоими добрыми чувствами. Я, к сожалению, не так непокорен докторам, как пишут, а так слаб, что повинуюсь, делая все те очевидные глупости, какие они предписывают. Не знаю, как на тебя, а на меня болезнь всегда действует особенно благотворно. И я, за исключением редких минут физических страданий, доволен своим положением. Ты пишешь, что хочется высказать то, что считаешь нужным. Это есть, но есть и рассуждение о том, что то, что нужно высказать, выскажут и без меня; мое же дело: жить наилучшим образом до самого конца. И об этом я стараюсь. Надеюсь, что твое здоровье теперь хорошо, а если нет, то ты также сможешь извлечь из него полезное для себя и других. Пишешь ли? Прощай, обнимаю тебя.

Любящий тебя друг старый

Л. Толстой.

Р.С. Воскрес ли Христос в теле — я не знаю и даже знаю, что нет, но что его учение воскресло во мне и живет во мне — это я знаю и этим очень счастлив.

7

Жемчужников — Толстому

1902 г. Апреля 22. Тамбов.

Милый друг мой, я получил твое письмо от 14 апреля и читал его со слезами благодарности к тебе. Возобновляю мою горячую просьбу, чтобы ты себя берег. Ты теперь так настроен, что следовало бы высказать все, что происходит в твоём уме и в твоём сердце; а чтобы иметь возможность это сделать, необходимы не только духовные, но и физические силы, иначе ты с земным языком не сладишь. Хотелось бы мне с тобою поговорить и еще больше послушать; но я тебя утомлять не буду. Отвечу только в двух словах на твои вопросы. Я всю зиму ничего не писал. Несколько лет тому назад, когда я был серьезно болен, мне казалось, что я во время болезни многое уразумел (и кажется это мне до сих пор). Я думаю, что болезнь особенно стариков, может родить способность ясновидения; но так как больной все еще жив и с телесной своей природой не расстался, то его душа находится в зависимости от того или другого состояния тела. С слабостью тела бывает совместна сила духа и ясность мысли; но болезнь может принять и такое свойство, что мысль сменяется бредом. Наблюдай, милый друг, за температурой своего тела; и в этом отношении продолжай подчиняться докторам. Они с этим делом сладить могут. Как ты был добр и спокоен, и ясен, когда мне писал свое доброе письмо! Еще раз тебя сердечно благодарю и обнимаю. Твой старый друг

Алексей Жемчужников.

8

Жемчужникова — Толстому

1908 г. Августа 23.

Глубокоуважаемый Лев Николаевич!

Покойный отец наш оставил стихотворение, посвященное Вам, которое он хотел послать Вам ко дню Вашего юбилея.

Посылаю Вам его теперь, хотя, к сожалению, начисто переписанного стихотворения в его бумагах не оказалось.

В нем выразились те чувства любви и глубокого уважения, с которыми он всегда говорил о Вас. Он хотел также напечатать это стихотворение в "Вестнике Европы". Надеюсь, что Вы ничего не будете иметь против, если мы это сделаем.

Прошу Вас принять мои искренние и горячие поздравления и пожелания.

С глубоким уважением преданная Вам
Н.Жемчужникова.

Льву Николаевичу Толстому

Твой разум — зеркало. Безмерное оно,
Склоненное к земле, природу отражает;
И ширь, и глубь, и высь, и травку, и зерно...
Весь быт земной оно в себе переживает.

Работа зеркала без усталости идет.
Оно глядит в миры духовный и телесный;
И повествует нам всей жизни пестрый ход
То с мудрой строгостью, то с нежностью прелестной.

В нем отразился мир с подробностями весь;
Ему препоны нет ни сумрака, ни дали;
И видим там черты, которых люди здесь
В духовной слепоте, пока не замечали.

Но люди есть еще (и между ними — я),
Чьи убеждения сложились иначе;
Иные чтут красы земного бытия;
Насущны для других политики задачи...

Но все же ты для нас светильник на горе.
О, продолжай учить на старости прекрасной,
О царстве Божиим, о мире, о добре!
Тебе все ведомо, осмыслено и ясно.

Туманно лишь одно прозренью твоему.
Все сущее твой ум и познает, и судит;
Но грань воздвигнута и гению. Ему
Все ведомо, что есть; но темно то, что будет.

Алексей Жемчужников
5 марта 1908.

Стихотворение было напечатано в сентябрьской книжке “Вестника Европы” за 1908 г., с редакционной заметкой: “Покойный Алексей Михайлович, можно подумать, как бы в предчувствии близкой смерти (скончался 25 марта 1908) и как бы желая, чтобы его голос раздался, во всяком случае, среди приветствий Льву Николаевичу в день достижения им 80 лет своей жизни, весьма заблаговременно написал свой привет юбиляру”. Так заканчивает свою работу С.К.Шамбинаго.

Некоторая однотонность переписки двух “старцев”, погруженность в самих себя, созерцательность, уживающаяся с теплой заботой и интересом друг к другу, к окружающему, — это как бы последние слова, эпилог уходящей старой культуры.

Документы, собранные и прокомментированные ученым — одновременно уникальный историко-литературный материал и неизвестная страница филологической науки.

Письма Л.Н.Толстого хранятся в “кабинете Толстого” в Государственном музее Л.Н.Толстого, письма А.М.Жемчужникова — в Пушкинском Доме.

Три письма Толстого и пять писем Жемчужникова 1890-1900 гг. опубликованы: “Л.Н.Толстой в переписке с русскими писателями”. — М., 1978. — Т. 2.

В.Г.Смолицкий

ДВА ГОДА ИЗ ЖИЗНИ Б.ПАСТЕРНАКА (1905 и 1906)

Первая русская революция для Б.Л.Пастернака совпала с возрастным рубежом: до 1905 г. он еще мальчик, гимназист четырех младших классов, в 1907 г. — уже юноша, который готовится к выпуску, последовавшему в 1908 г.

На рождественские каникулы в конце декабря 1904 г. или в самом начале января 1905 г. (точнее установить не удалось) он едет в Петербург. Это было первое самостоятельное без “взрослого” сопровождения путешествие. Оно произвело большое впечатление на будущего поэта. Впоследствии в автобиографическом очерке “Люди и положения” он расскажет о своей первой встрече со столицей на Неве. “Целые дни я бродил по улицам бессмертного города, точно ногами и глазами пожирая какую-то гениальную каменную книгу, а по вечерам пропадал в театре Комиссаржевской”¹. Поэт относил эту поездку к периоду, когда он учился в 3 или 4 классе. Но в 1902/1903 гг. В.Ф.Комиссаржевская находилась в Москве, а в 1903/1904 гг. гастролировала на Кавказе². Созданный ею Драматический театр открылся в Петербурге 15 сентября 1904 г. Очевидно, прав А.Л.Пастернак, младший брат поэта, который считал, что Б.Пастернак впервые попал в Петербург гимназистом пятого класса на Рождество 1904/1905 гг.

В Драматическом театре в эти дни шли “Дядя Ваня” А.П.Чехова (Комиссаржевская — Соня), “Кукольный дом” Г.Ибсена (Комиссаржевская — Нора), “Дачники” М.Горького (Комиссаржевская — Варвара), “Таланты и поклонники” А.Н.Островского (Комиссаржевская — Негина), “Авдотьяна жизнь” С.Найденова (Комиссаржевская — Авдотья)³. Спектакли произвели на подростка огромное

впечатление. Пастернак не раз вспоминал о них и, анализируя виденное, обращал особое внимание на то, как эти спектакли влияли на формирование его эстетических вкусов, подчеркивал роль воображения в эстетике Чехова и Комиссаржевской и называл себя их “неоплатным должником”⁴. Ведь взаимодействие воображения автора и читателя — краеугольный камень его собственной поэтики.

Вероятно, Б.Пастернак вернулся в Москву незадолго до событий 9 января. Но петербургскую зиму 1905 г. он успел увидеть:

Петербуржская ночь.
Воздух пучится черною льдиной
От иглистых шагов...
Луна холодеет полтиной... (1, 214)

В дальнейшем у него так поведется: все важные переломные моменты в жизни, как правило, связаны с какой-либо поездкой. Биографию Пастернака можно поделить на отрезки, в которых движение во времени будет ознаменовано перемещением в пространстве. Не потому ли такое большое значение в его творчестве имеет мотив путешествия? Да и что как не путевые дневники его этапные поэтические сборники “Сестра моя жизнь” и “Второе рождение”. Велика роль путешествия и в композиции романа “Доктор Живаго”.

Он вернулся из Петербурга домой к своим книгам, играм, занятиям музыкой. Но все вокруг начало круто меняться. В городе участились забастовки, террористами-эсерами был убит великий князь Сергей Александрович, Московский генерал-губернатор, попечитель Училища живописи, ваяния и зодчества, где преподавал отец. Об этих первых месяцах 1905 г. Пастернак впоследствии напишет: “Я грозу полюбил в эти первые дни февраля” (1, 216).

Беспорядки в городе отзывались беспорядками в гимназии, Московской 5 мужской, что на углу Поварской и Молчановки (теперь на этом месте проезжая часть Калининского проспекта). На стенах шинельной и ватерклозета появились “Требования”, чтобы не было обысков, чтобы служители не шпионили, чтобы дежурные не были ответст-

венны за товарищей, чтоб были дозволены депутации. К требованиям приписали: “Долой инспектора!” Кто-то из учеников вышиб железной гайкой стекло в окне.

Обстановку удалось разрядить, в беседе со старшеклассниками директор заявил, что “распускаемые сплетни об обысках и шпионаже не имеют в действительности никакого основания”⁵; старшеклассники были возмущены битьем стекол учениками младших классов и обещали сами навести в гимназии порядок. После этих инцидентов учебный год закончился почти благополучно. Б.Пастернак перешел в 6-й класс.

На лето семья уехала в Сафонтьево (ныне Истринский район Московской области), где второй сезон снимала дачу. Хозяин дома, боясь крестьянских “беспорядков”, вскоре уехал в Москву, убедив Леонида Осиповича принять от него револьвер “на всякий случай”. Но взаимоотношения Пастернаков с местными крестьянами сложились довольно миролюбиво и были даже дружественными. Женщины приходили к матери, Розалии Исидоровне, за лекарствами, советом или просто поделиться своими горестями.

Однако применение хозяйскому оружию все-таки нашлись. Нарисовали мишень, прикрепили ее к дереву, и Леонид Осипович, отслуживший вольноопределяющимся в артиллерийских войсках, стал обучать сыновей, Бориса и Александра, стрельбе. “Отец стрелял метко, твердой рукой наводя револьвер, с ухваткой бывшего военного. Нам за ним было не угнаться”, — вспоминал впоследствии Александр Леонидович⁶. Впрочем, когда в 1941 г. Б.Пастернак проходил всеобуч, он с гордостью писал жене Зинаиде Николаевне о своих успехах: “стрелял лучше всех в роте (все заряды в цель) и получил “Отлично” (4.09.1941).

Естественно, разговоры шли в основном о политике. Газеты в Сафонтьево приходили нерегулярно, и отрезанность от города, от известий о быстро меняющихся событиях в стране остро переживалась Леонидом Осиповичем и Борисом. Из письма Л.О.Пастернака другу, искусствоведу П.Д.Эттингеру, мы узнаем об их настроениях этого времени: “Я гляжу на Борю, как и у него прорываются естественные реагирования на современные события, повышен-

ный интерес. Я вполне понимаю это нормальное увлечение и часто приходится задумываться над своим поведением, и страшно пропускать и невозможно воздержаться самому от высказывания своих взглядов. Надежда, что он будет иметь более свободную эпоху и что лучшие времена ожидают их, — меня успокаивает”⁷.

В конце лета к началу занятий в гимназии и училище они вернулись в город. Москва была накануне всероссийской стачки. Их казенная квартира при училище находилась на Мясницкой улице, и многие события первой русской революции разворачивались в непосредственной близости от них. Они слышали артиллерийские выстрелы по реальному училищу Фидлера в Мошковом переулке, где обосновался штаб боевой дружины, мимо их балкона проходила похоронная процессия:

Бауман!
Траурным маршем
Ряды колыхавшие имя!
Шагом,
Кланяясь флагам,
Над полной голов мостовой
Волочились балконы,
По мере того
Как под ними
Шло без шапок:
“Вы жертвою пали
В борьбе роковой” (1, 224).

Это — виденное воочию, это автор описал все именно в том ракурсе, как видел: сверху. Отсюда и “полная голов мостовая”, и похоронный марш под балконами.

В гимназии было беспокойно. Время заявляло о себе принесенной каким-то гимназистом листовкой, вывешиванием политических прокламаций, отказом отвечать уроки, мотивируя это состоянием “особой напряженности под впечатлением последних событий в Москве”, как сообщал директор гимназии попечителю Московского учебного округа⁸.

В поведении гимназистов было много мальчишеского, легкомысленного, незрелого, на что впоследствии обращал внимание сам поэт:

Те, что в партии,
Смотрят орлами.

Это в старших.

А мы:

Безнаказанно греку дерзим... (1, 216).

Наиболее накаленная обстановка сложилась к началу всеобщей стачки в Москве. 27 и 28 сентября ученики 6, 7 и 8 классов не пошли на уроки и обратились к исполняющему должность директора, инспектору Тарасову с просьбой “разрешить им поговорить между собой о гимназических делах в рекреационном зале”⁹. Разговор с Тарасовым получился хотя и в вежливой форме, но долгий; занятия в этот день были сорваны.

С приходом нового директора, казалось, страсти в гимназии поулеглись, но в начале октября ходить по улицам города стало небезопасно и, по решению педагогического совета, с 15 октября по 10 ноября занятия были отменены. 11 ноября они возобновились, но в первый же день старшие классы самовольно устроили собрание в часы уроков, “начиная с 9 и проявляя тенденцию продолжать свое собрание без определенного срока”¹⁰. (Вспомним — “На уроках играем в парламент”). Собрания вместо занятий проходили и в следующие дни, и педагогический совет снова распустил учеников с 17 ноября до 5 декабря. Третья приостановка учебы была произведена с 8 декабря до окончания рождественских каникул, т.е. до середины января 1906 г. в связи с декабрьским вооруженным восстанием в Москве.

Однажды Борис, выйдя из дому и направившись в сторону Лубянки, столкнулся с толпой, убегавшей от патруля драгун, и был увлечен ею в обратную сторону, к Почтамту. В толпе было много женщин и детей, но драгуны на неполной рыси гнали всех, усиленно работая нагайками. Свалка произошла у решетки почтамтского двора, к которой Борис оказался прижат. Он получил несколько ударов плетью по голове и по плечам, вернее по фуражке и шинели. Не этот ли случай разгона толпы нашел отражение в рапорте

командующего войсками Московского военного округа Н.Н.Малахова военному министру А.Ф.Родигеру: “отряды, преодолев сравнительно легко препятствия на пути, достигли: по Пречистенке — до Зубовского бульвара, по Мясницкой — до Красных ворот (подчеркнуто мною — В.С.), по Покровке — до Земляного Вала”¹¹. Впоследствии эпизод расправы конных войск с мирной толпой будет воспроизведен в романе “Доктор Живаго”.

Были приостановлены занятия и в Училище живописи, ваяния и зодчества. В классах и аудиториях непрерывно проходили митинги, тоже нашедшие свое отражение в романе. В нижнем этаже училища находился штаб боевой дружины. Вооруженные студенты и рабочие рассказывали по учебным комнатам.

Сослуживцы Леонида Осиповича, жившие во дворе того же здания, поспешили покинуть свои квартиры. Семья Пастернаков осталась одна, продолжая жить на четвертом этаже училища. В дни лютой декабрьской зимы в доме лопнули трубы. Крупозным воспалением легких заболела младшая сестра Бориса, трехлетняя Лида.

В это время директор училища сообщил Леониду Осиповичу, что он получил “ультиматум” генерал-губернатора с требованием очистить здание от дружинников и оставших солдат, распустить студентов. Генерал-губернатор предупреждал: если к определенному сроку бунтовщики не покинут дом на Мясницкой, то по его распоряжению училище подвергнется артиллерийскому обстрелу, как это было сделано с училищем Фидлера.

Но куда было деваться в страшный мороз с больным ребенком на руках? Подыскать подходящие меблированные комнаты на семью с четырьмя детьми оказалось непросто.

Но все устроилось: дружинники, узнав, что расположение их штаб-квартиры раскрыто, перенесли ее в другое место. Лида стала поправляться. И тогда вспомнились давние мечты отца уехать на некоторое время за границу, чтобы там поработать вдали от преподавательской и иной суеты. Воспользовавшись временным закрытием училища и гимназии, было решено отправиться до начала занятий в

Германию. Так 1906 г. начинался, подобно 1905-му, с путешествия, на этот раз более длительного и дальнего.

Они выехали из Москвы 19 декабря по старому стилю — 1 января — по новому, к тому времени давно уже принятому в Европе (далее все даты по новому стилю). Остановились в Берлине, в Шарлоттенбурге. Этот в прошлом самостоятельный город в начале XX века слился с западными предместьями столицы и позже, в 1920 г. вошел в ее состав как один из районов.

Поселились в пансионе фрейлин Гебхарди на Курфюрстенштрассе, в двух шагах от парка Тиргартена и зоологического сада. Пансион представлял собой многокомнатную квартиру, где жили приезжие из разных стран.

Сначала Пастернаки сняли три комнаты рядом, но вскоре стало ясно, что для семьи русского художника это слишком дорого. И тогда по совету самой Гебхарди мальчикам, Боре и Шуре, сняли более дешевую маленькую комнату в том же доме, на первом этаже со входом с переулка, позади небольшого фруктового магазина, хозяйка которого являлась и хозяйкой комнаты. Здесь братья прожили весь первый “берлинский” период своей жизни, что дало повод Борису называть себя в письмах “узником, заточенным в берлинской овощной лавке”.

В городе оказалось много соотечественников. В то время в Берлине гастролировал Московский Художественный театр, с большим успехом дававший “На дне”. Приехал сюда и А.М.Горький, с которым Л.О.Пастернак познакомился еще в Москве в 1905 г. (вероятно, тогда же произошла первая встреча писателя и будущего поэта).

А.М.Горький остановился в предместье Берлина, в пансионе-санатории в Целендорфе. Здесь и навестил его Л.О.Пастернак и подарил ему свой офорт — портрет Л.Н.Толстого. В Целендорфе художник сделал еще два наброска для задуманного им офорта. Горький понравился художнику в этот раз больше, чем в Москве. “Он в душе и в основе, так сказать, очень симпатичный и настоящий русский малый”¹², — сообщал Леонид Осипович Эттингеру.

Пребывание за границей для Л.О.Пастернака было плодотворным: он написал несколько портретов, сделал много

офортов. В выставочном зале Шульте (Берлин) с финским художником А.Галленом-Каллела им была устроена совместная выставка.

Еще большее значение время пребывания в Берлине имело в жизни Бориса. Его младший брат, товарищ и постоянный участник всех игр, впоследствии рассказывал: "... тут, в Берлине, брат мой впервые стал "старшим" и совсем не по возрастному трехлетию, а по какой-то новой, и скорее моральной, координации; по-новому, еще никак не высказанному, не обозначенному качеству: вернее степенью своей возмужалости"¹³.

О повзрослении старшего сына своеобразно, с юмором, отозвался отец в письме к П.Д.Эттингеру: "Боря верзила (вырос, возмужал, развился)"¹⁴.

Облик шестнадцатилетнего Бориса Пастернака, его внутренний мир, интересы, взаимоотношения с товарищами ярко предстают перед нами в его письмах Леонтию Ригу (1889-1918). Эти письма, хранящиеся в Государственном Литературном музее (ф. 143, роф. 7399/1-9) — самые ранние из пока известных в обширном эпистолярном наследии поэта. Они адресованы приятелю по Московской 5-й мужской гимназии, однокласснику, сыну известного тогда невропатолога-психиатра Ефима Борисовича Рига. Риги и Пастернаки дружили семьями. Леонтий после окончания гимназии получил медицинское образование, прошел всю Первую мировую войну в качестве военврача, служил врачом в Красной Армии и погиб на Южном фронте в 1918 г. Письма Б.Л.Пастернака Л.Е.Ригу передала в музей Ирина Абрамовна Полякова, дочь старшей сестры Леонтия Софии. Она помнит проводы дяди на фронт с Курского вокзала весной 1918 г., когда он на несколько дней приезжал в Москву. Вскоре всякая связь с ним потерялась. По ее рассказам и после смерти Леонтия Ефимовича Борис Леонидович иногда перезванивался по телефону с членами их семьи. И.А.Полякова, кроме писем, передала в дар музею фотографии Леонтия-гимназиста и других членов семьи, а также его карикатуры на гимназических учителей.

Известно девять писем Б.Пастернака Л.Ригу. Они охватывают весь период пребывания семьи в Германии.

Первое письмо было отправлено с оказией и опущено в почтовый ящик в Москве¹⁵. В первых строках — тревога о друге.

№ 1

<январь, середина, 1906 г. Берлин>
Дорогой Лелька!

Что это от тебя ни слуху ни духу. Когда мы были еще в Москве, то читали в газетах, что на Тверской разгромлены, между прочими домами, д. Коровина и Гиршмана. Правда ли это. В день нашего отъезда (19-й Дек.) к нам заходил один наш знакомый, который живет рядом с вами в д. Гиршмана, и говорил, что у них особенного ничего не было, и газеты по обыкновению (особенно еще “Нов [ое] время”) немного преувеличивают. Надеюсь, что и у вас все здоровы и все благополучно.

Тревога Б.Пастернака обоснована. Семья доктора Е.Б.Рига жила на Тверской улице, угол Пименовского переулка. Этот дом, называвшийся раньше по домовладельцу домом Коровина, сохранился (нынешний его адрес: ул. Горького, д. 26). В квартире Рига бывало весело, зачастую после спектаклей собирались актеры Художественного и Большого театров, с которыми он дружил и которых врачевал. Приходил сюда и гимназист Пастернак. Но в декабрьские дни 1905 г. здесь стояла баррикада и велись особо ожесточенные бои между правительственными войсками и революционными рабочими. Дом Коровина подвергнулся артиллерийскому обстрелу, о чем писала газета “Новое время” и о чем Пастернак успел прочитать перед отъездом. В разделе “Московская хроника” сообщалось, что этот дом “был объектом расстрела”, что в нем “разбит... один балкон”, что в обстреленных домах “по две, по три бреши”, что “разгромлены отдельные квартиры”¹⁶. Таким образом, квартира Ригов оказалась “в полосе восстания”, как и квартиры Гишар в романе “Доктор Живаго”, и из ее окон можно было увидеть все описанное (гл. 18, ч. 2, кн. 1).

Продолжаем чтение первого письма.

Начались ли занятия в гимназии? Если да, то не забудь передать от меня Володьке, что если он мне будет присылать уроки, то я ему в благодарность привезу отсюда... бутылку настоящего немецкого пива (единственно, что здесь немцы боготворят)".

Покидая Москву, Б.Пастернак договорился с одним из товарищей-одноклассников о том, что тот будет регулярно присылать ему сведения о прохождении материала по предметам и заданиях на дом. Шестикласснику Пастернаку предстояло все это изучить самостоятельно, тогда как младшему брату Шуре был нанят репетитор. Возникает вопрос, кто этот одноклассник Володька. Нам удалось найти в Центральном Государственном историческом архиве г. Москвы список учеников класса, в котором учился Б.Пастернак. По этому списку числилось три Владимира: Ананьин, мещанин, Жданов, сын статского советника, и Миловидов, сын врача. Среди фотографий, подаренных И.А.Поляковой музею, есть, в частности, фото Леонтия Рига и Владимира Миловидова. Нетрудно было создать гипотезу, исходя из восточной мудрости: друг моего друга — мой друг. Автор настоящей публикации разыскал следы этого Миловидова, побывал на его последней квартире, узнал о его трагической гибели во время бомбежки Москвы в Великую Отечественную войну и... отказался от своей версии. Он стал рассуждать следующим образом. Почему присылать "уроки" не мог Риг, к которому Пастернак (это видно из последующих писем) не стеснялся обращаться с самыми различными просьбами. Наверное, здесь сыграли роль те особенности его характера, которые отразились в характеристике, данной своему другу ниже в письмах самим Пастернаком, и характеристике, полученной Леонтием от педагогического совета вместе с аттестатом зрелости: "исправность в приготовлении к урокам удовлетворительная, в исполнении письменных работ удовлетворительная, относительно внимания в классе — был довольно внимательным"¹⁷. Перевести на сегодняшшний школьный язык, и получится "исправность" у Рига — всего навсего посредственная.

Вероятно, Пастернак хотел договориться о регулярной присылке уроков с гимназистом, более ответственным в отношении школьных занятий. Но Миловидов учился не

лучше. Мало чем отличался от них Ананьин. Жданов получил аттестат зрелости с золотой медалью. У него исправность в приготовлении к урокам и в исполнении письменных работ — “вполне хорошая”. Но, судя по дальнейшим письмам, “Володька” был небогат, и Ригу приходилось снабжать его деньгами. Вряд ли это соответствовало положению сына статского советника. Так вызывали сомнения все три Владимира. Но в классе был еще гимназист по фамилии Владимиров Александр, сын крестьянина, окончивший гимназию с золотой медалью. В его характеристике указывалась исправность — “образцовая”, “всегда весьма внимателен”. За его “кандидатуру” на имя Володьки говорило и то, что ниже, в письмах Пастернака, он будет упоминаться как один из близких его товарищей. Косвенное подкрепление нашему предположению — воспоминания А.Л.Пастернака, учившегося в той же самой гимназии: “В классе мы обращались друг к другу по фамилиям, или по придуманным и утвердившимся кличкам”¹⁸. Возможно, что “Володька” — кличка Александра Владимирова. Как видно из писем, между Володькой и Борисом шла оживленная переписка, пока невыявленная. Вообще сведения о сыне крестьянина собрать гораздо труднее, чем о сыне врача, адрес которого нетрудно найти в справочной книге “Вся Москва”. Поиски осложняются тем, что нам неизвестно отчество Александра.

Упоминаемый ниже Викентий Горшанов — одноклассник Пастернака и Рига — сын одного из владельцев пивоваренного завода “Карнеев, Горшанов и К”.

Вся вторая половина письма направлена против немецкого филистерства:

Немецкий Бахус — это пивной котел. Хорошо, что Горшанов за границей, а то бы, ей Богу, обиделся. Нет, серьезно, Германия возбуждает во мне ужасную ненависть. Хотя здесь в Берлине и превосходные музеи, восхитительные театры и концерты, и вообще довольно высокая культура, начиная с искусства вообще и кончая чисто матерьяльными удобствами, как “Stadt, — Ring, — Hoch und Untergrundstrassenbahn” (городская, окружная, надземная и подземная дорога, нем. — В.С.) (язык сломается это выгово-

рять) да, так что бишь (я уже начало фразы забыл), но сами немцы такой мелочный, мещанский и глупый народ, что вся иллюзия их культуры обращается в прах, как только вспомнишь об этих идиотах. Хотя ты и любишь немножко “гипербулу”, но все-таки ты был отчасти прав, когда в день нашего расставания изображал мне “обитателей священной Римской империи”. А бюрократия у них иии! Не приведи Господь, хуже нашей в тысячу раз. Здесь за один “воп” (частица “фон”, которая ставится перед фамилией дворянина. — В.С.) немец готов в огонь и в воду полезть. Одним словом, я бы уже давно был в Москве, если бы,.. не “папаша-с”. Русских здесь масса, но тем не менее всякий немецкий мальчишка смотрит на нас, как на нечто, дотоле не виданное. А эти Schutzmann'ы! (полицейские, нем. — В.С.). Один раз, когда я у Schuzmann'a спросил, как попасть в “Пергамон” (ты наверное видел музей такой), он, во-первых, не знал, где это и что это такое, а затем спросил у меня: “Was ist da drinnen” (а что там такое, нем. — В.С.), опасаясь вероятно, не бомбы ли там выставлены. Да! Одно слово — немец-перец. Я очень тороплюсь, т[ак] к[ак] через 1/4 часа уезжает в Москву один знакомый, который передаст тебе это письмо.

Ради бога пиши, что в гимназии и вообще в Москве. Володька!!
Глас мой, вопиющий в пустыне, молит о присылке уроков.

Ну всего хорошего!

Поклон всем товарищам от узника, заточенного в Берлинской овощной лавке.

Ну чмок, чмок, чмок

Твой Б.Пастернак

Сердечный привет твоей маме, папе и сестрам¹⁹.

БП.

Жду письма и уроков

Адрес наш: Berlin W.Kurfürstenstrasse, 113/III Pensionat
Gebhardi Herrn L.Pasternak.

Второе письмо раскрывает нам ту огромную интеллектуальную работу, которой был занят гимназист 6 класса. К шестнадцати годам ежедневный систематический труд у него уже вошел в привычку. Он умел заниматься, самостоятельно распределяя свое время для разнообразных дел:

№ 2

20 февраля 1906 г. <Берлин>

Дорогой Лелька!

Пожалуйста, не сердись на мою медлительность; если бы ты знал, как мало у меня времени, ты бы наверное извинил меня за мое молчание. Я занимаюсь ежедневно “науками” по шести или семи часов, кроме того музыкой и читаю много. Тысячу раз благодарю тебя за уроки и письмо.

Это были годы, когда он готовился к музыкальной деятельности, видя себя в будущем композитором. Еще в Москве, года за два до поездки, он стал брать уроки теории музыки и гармонии у знаменитого музыкального критика, теоретика и композитора Ю.Д.Энгеля (1868-1927). В Берлине эти занятия продолжались заочно. Учитель и ученик регулярно обменивались письмами, в которых один давал задания и анализировал их выполнение, а другой их добросовестно исполнял. Проблема музыкального инструмента решилась следующим образом. Б.Пастернак договорился бесплатно заниматься музыкой с дочерью хозяйки квартиры за право самому пользоваться пианино. Так к многочисленным занятиям, когда он учился, прибавились занятия, когда он учил.

По воспоминаниям жившего вместе с ним брата, Борис мало заботился о развитии техники игры и плохо владел ею. За инструментом он больше импровизировал и сочинял свое, чем играл чужое. Невысокое исполнительское мастерство впоследствии сыграло роковую роль в его отказе от музыкальной деятельности.

“Много читаю”, — пишет он. В это время, по воспоминаниям брата, он увлекался немецкой и русской поэзией, Э.Т.А.Гофманом, Жан-Полем.

Несмотря на то что школьные предметы и музыка занимали основное время, Пастернак основательно знакомился с новым для него городом. В автобиографическом очерке поэт вспоминал, как “слонялся он по... бесчисленным улицам и беспредельному парку... дышал смесью паровозного

дыма, светильного газа и пивного чада, слушал Вагнера". (2, 241).

Рассказывая Ригу, на что уходит у него время, он пишет, где он уже успел побывать:

Как ты уже видишь по спокойному тону моей эпистолии, я понемногу "остепенился", т.е. другими словами свыкся с "немцой" и мой антигерманизм поостыл. Я уже перебивал здесь почти во всех музеях и вообще очень близко ознакомился с Берлином. Насколько здесь легко попасть на выставку, в музей и концерты, настолько трудно достать билет в оперу. Для всего Берлина есть только I Opernhaus! У кассы стоят уже в 6 ч. утра, и для того, чтобы достать какое-нибудь место, надо встать в 5 ч., и за отсутствием конок в такой ранний час идти пешком из Шарлоттенбурга в Берлин.

Такой утренний моцион я проделывал уже 4 раза. (Число без "возведения в степень").

Opernhaus — это Берлинский оперный театр. В эти годы (1903-1906) в нем шли оперы Р.Вагнера ("Тристан и Изольда", "Лоэнгрин", "Риенци — последний трибун", "Валькирия"), Д.Верди ("Трубадур", "Риголетто"), В.-А.Моцарта ("Так поступают все женщины"), К.В.Глюка ("Орфей и Эвридика"), Ф.Обера ("Черное домино"), Д.Россини ("Севильский цирюльник"), Ж.Бизе ("Кармен"), Ш.Гуно ("Фауст"), Р.Леонкавалло ("Паяцы"). В Берлине, когда там жили Пастернаки, выступали дирижеры К.Мук, Р.Штраус, Э.Штраус, Л.Блех, гастролировал Э.Карузо.

Дальше в этом же письме Борис описывает соседей по пансиону Гебхарди:

Живем мы в очень хорошем пансионе, который представляет своего рода "конференцию" т.к. кроме нас, русских, здесь живет американка, француженка, 2 немки и 2 шведки (финляндки — ни шиша по-русски не понимают). Знакомых и особенно "родственников" ку-у-уча! Из последних особенного внимания достойна одна моя троюродная сестра, курсистка, с которой я очень близко сошелся. Зато другие и другие... о боги, боги, спустите Ваши ноги (что значит "хорошая привычка", даже и для Deis immortalibus

(Богов бессмертных, лат. — В.С., “ваши” с большой буквы написал!).

Знакомых и родственников оказалось действительно много. Особенно из Одессы — родни Леонида Осиповича. Поэтому на день рождения Бориса — 10 февраля — собралось гостей, родных, детей не менее, чем бывало дома: “Куда тебе Москва!”²⁰ — восклицал по этому поводу отец в письме Эттингеру.

Кто упоминаемая в письме Бориса троюродная сестра — не установлено. В Государственном Русском музее хранится рисунок Л.Пастернака “Курсистка”. Не с ней ли подружился шестнадцатилетний юноша?

Конец письма посвящен гимназии:

К сожалению, в письме нельзя написать всего того, что так легко передается в разговоре и поэтому я пока расстанусь с тобой, но! когда приеду к вам, то не раз придется Кану восклицать: Pasternac не болтайте! Рих к стенке! Владимиров сидите смирна! А Фортяга! Тот только будет дико вращать глазами, косясь на нас, и вертя “центром тяжести”.

Ну до свиданья!

Поклон всем товарищам и твоим папе, маме и сестрам.

Передай Володьке, что я получил от него сегодня третье письмо и не нахожу уже новых слов для выражения ему моей благодарности. Ему я завтра тоже напишу. Желаю ему успеха в шахматной игре, а тебе всяких благ земных и надземных... и подземных.

Тыфу заговорился.

Твой Б.Пастернак. Берлин 7/20 февр. 1906.

Итак, изображены три товарища-гимназиста, болтающих на уроке: Борис Пастернак — автор письма, Леонтий Риг и Александр Владимиров.

В следующем абзаце снова появляется “Володька”; контекст дает все основания отождествить его с Владимиром.

Арвид Евгеньевич Кан, кандидат богословия — учитель немецкого языка, “знающий, добросовестный и весьма полезный преподаватель”²¹, по характеристике директора гимназии Андрея Викентьевича Адольфа. “Фортяга” —

учитель латинского языка Петр Николаевич Фортинский, по характеристике А.В.Адольфа, “весьма трудолюбивый и добросовестный преподаватель”²². В тех основательных знаниях античности, которые обнаруживаются в произведениях Пастернака, вероятно, есть определенная доля и его труда. Но взаимоотношения с классом у него, видимо, складывались неудачно, т.к. в выпускном, восьмом, классе его заменил новый директор П.И.Касицын.

В письме отчетливо виден “переломный возраст” его автора; с одной стороны, — это уже серьезный, умеющий самостоятельно работать, человек очень широких интересов, а с другой — мальчишка, мечтающий поболтать на уроках, называющий преподавателей ироническими прозвищами и т.д. “Образ нерадивого ученика”, возникающий в этой переписке, появится впоследствии в очерке “Люди и положения”: “...на уроках греческого или математики меня накрывали за решением задач по фуге и контрапункту в разложенной на парте нотной тетради и, спрошенный с места, я стоял, как пень, и не знал, что ответить” (2, 233). Надо сказать, этот образ, вероятно, не соответствовал действительности. Во всяком случае в ведомости экзаменов на аттестат зрелости записано: “исправность в приготовлении уроков — похвальная, исправность в исполнении письменных работ — исполнял тщательно, исправность относительно внимания в классе — был всегда и весьма внимателен”²³.

Третье письмо — почтовая открытка.

№ 3

9/22 фев<раля> 1906 г. <Берлин>

Дорогой Лелька!

Только что послал тебе письмо и снова принужден обратиться к тебе с большой просьбой. У меня нет Русской истор[ической] хрестоматии Галахова²⁴, которую необходимо иметь. Поэтому будь так добр, купи ее (я деньги по приезде в Москву тебе отдам) и отнеси ее сейчас же по след[ующему] адресу: Арбат уг[ол] Сивцева Вражка и Николо-Плотниковского переулка, прис[ажному] пов[еренному] Владимиру Осиповичу Гаркави, свой дом. Этот

господин едет за границу и привезет мне купл [евнью] тобою хрестоматию. Постарайся купить книгу и отнести ее в тот же день, как получишь открытку, а то ты рискуешь не застать его уже в Москве. Заранее большое спасибо за услугу. Твой Б.Пастернак.

Владимир Осипович Гаркави — московский адвокат; близкий знакомый Леонида Осиповича, занимавшегося рисунком с его дочерью в своей частной студии. Его дом, очевидно, послужил прототипом дому братьев Громеко, который “стоял на углу Сивцева Вражка и другого переул-ка” и в котором прошли детство и юность главного героя романа “Доктор Живаго”. Двухэтажный особняк В.О.Гаркави сохранился до настоящего времени. Это дом по Сивцеву Вражку № 38 и по Плотникову переулку № 19.

Между третьей и четвертой открыткой Б.Пастернак послал Л.Ригу еще одно письмо. Но оно, вероятно, было уничтожено адресатом, как о том просил корреспондент. Юноша переживает какую-то душевную драму, вероятно, одну из тех, что так характерны для этого возраста. И ему необходимо с кем-то поделиться, и он не хочет выглядеть “нюнею”. В чем суть драмы? Публикуемое ниже письмо не дает ответа; оно только констатирует, что наряду с огромной умственной работой идет интенсивная душевная жизнь.

№ 4

<15 марта 1906 (дата по штемпелю)>²⁵

Дорогой Лелька!

Вчера получил хрестоматию. Спасибо! Извини, что не сейчас же поблагодарил, т.к. не имел времени. С ужасом думаю, что ты теперь читаешь мое “объемистое” питьецо, и ругаешься... и может быть и смеешься (что еще хуже для меня). То, что я там тебе говорю, я пережил, передумал и перестрадал за эти 2-3 месяца сам, и поэтому сказанное тебе — не фразы! Рассказать пережитого за это время я не могу, не в состоянии. Авось, когда увидимся, поговорим. Пока же: “пребываю в совершенном благополучии” (т.е. ем, пью, сплю). Читаю много, работаю, занимаюсь музыкой, но на последнюю не имею столько времени, сколько бы хотел иметь.

Берлин остался тем же, что и был. Немецкая весна наступила. Родственники разъехались домой, в Россию. Когда я ворочусь, не знаю. Пока же всего лучшего. Это письмо, так же, как и предыдущее — порви. Рви все мои письма, т.к. не хочу казаться себе нюнею, а в другом “тоне” писать теперь не могу. Твой БП. Поклон родителям. Еще раз спасибо. Пиши. Твой Б.”

Пятое письмо пасхальное, жизнерадостное, шуточное, первоапрельское.

№ 5

Берлин, 1/14 Апр<еля> 1906

Дорогой Лелька!

Во-первых, с праздниками тебя, с еврейскими и с русскими! Ты, наверное, очень весело провел это время, которое тебе должно было показаться тем приятнее, что за последний месяц вас, бедных, в гимназии чертовски гнали. Куда это вы так лыжи навестили? Я едва, едва за вашими педагогами плетусь, и не думаю, чтобы они мне даром пропустили мою поездку за границу. Вкатят, наверное, мерзавцы, такой экзамен, что де-е-ержись. Можешь себе потому представить, как у меня поджилки трясутся. Особенно часто в виде черта мне являлся во сне Ник [олай] Григ [орьевич]. Подойдет к кровати, потрясет рогами, хлопнет Елпатьевским²⁶ по голове и исчезнет. Я даже на ночь начал себе под голову Шапошникова и Вальцева²⁷ класть, думал полегчает, и представь, угадал-таки. Благочестивая алгебра рассеяла эти ночные посещения Тунгуса, но... взамен его стал являться Ив [ан] Ив [анович]. Станет среди комнаты и поплевывает, а тем временем из шкафа лезет сам Фортяга в виде надутой вербной свинки и пи-и-ищит родимый, даже жалко его становится. Дело обыкновенно кончалось тем, что из стакана вылезал директор и разгонял “публику на тротуар”. Как видишь, у меня ночью фантазия не дремлет и витает на углу Мерзляковского пер. и Поварской. Впрочем, не всегда, а только... 1 апреля. Ну да все равно, люди умеют надувать и в декабре. Помнишь, когда ты обещал, что будешь писать, а теперь последний раз ограничился лишь открыткой, в ответ на мое объемистое письмо, после довольно продолжительной silenti’и (молчания, лат. — В.С.). А я, таки, ей-богу болван, что написал тебе тогда “так”, — в письме никогда нельзя сказать того, что можно лично передать,

— выходит как-то глупо. Для того, чтобы тот, кто читает письмо, понял его как следует, необходимо, чтобы он переживал те же чувства, которые руководили написавшим письмо, а это не всегда или может быть даже никогда не возможно. Одним словом, *kurz und gut* (короче говоря, одним словом, нем. — В.С.), я жду теперь от тебя “настоящего” письма, в полном смысле этого слова, а через 2 недели я выругаю тебя лично, т.е. иначе говоря Брестский вокзал удостоится моего посещения в средних числах апреля. Итак до скорого свидания, дорогой Левонтий, и помни, что я, право, не такой уж “бьяка”, как ты, может быть, думаешь.

Жду от тебя, слышишь ли ты, письма-а-а-а-а-а!!!! (прямо как дети на горшок просят). Если тебе что-нибудь известно насчет отпуска на лето и экзаменов (*hep me miserum!*) (увы мне, несчастному, лат. — В.С.), то не ленись и черкни.

Мне прямо неловко после таких “резкостей” с моей стороны обращаться к тебе с просьбой, а нужно, и вот в чем заключается эта просьба. Боги Олимпа назначили тебя моим казначеем; покоришься же их воле. Дело в том, что у Володьки вышли все марки, кот [орые] я ему оставил, и у него нет их больше. Купи, пожалуйста, штук 6 десятикопеечных марок и передай ему их, и ты будешь “душкой”.

Адю, заранее большое спасибо! Когда приеду, “сторицею воздам”. Сердечный привет тв [оим] папе, маме и сестрам.

Твой Б.Пастернак.

Обращает на себя внимание постоянное стремление юного Пастернака графически изобразить интонацию: “де-е-р-жись”, “письма-а-а-а-а-а-а” (см. в предыдущих письмах: “Куууча”, “иии”). Впоследствии, став поэтом, он будет передавать гораздо более сложные и тонкие интонационные нюансы, но уже средствами стиха.

Бориса удивляют темпы прохождения учебного материала, хотя ничего удивительного в этом нет. Ведь в первом полугодии, когда трижды приостанавливались занятия, было упущено много времени. В общей сложности учебный 1905/1906 год сократился на 61 день (без вычетов воскресений). Ускоренные темпы были необходимы, чтобы успеть пройти всю программу.

В письме упомянуты два учителя. Первый из них — Николай Григорьевич Тарасов, преподаватель истории, он же инспектор гимназии. Его высоко ценил любимец гимназистов Александр Сергеевич Барков, учитель географии и естественной истории, впоследствии действительный член Академии педагогических наук РСФСР, заслуженный деятель науки. Он называл Н.Г.Тарасова “мастером своего дела, умевшего сочетать научное содержание уроков с искусством методически правильного их проведения”²⁸. Тарасов стремился к наглядности в преподавании. Он создал первые в России альбомы по русской и мировой истории. На его уроках часто использовался волшебный фонарь с диапозитивами, картины художников. Он оборудовал, впервые в Москве, специальную аудиторию для проведения уроков по своему предмету. Вместе с учениками учитель совершил экскурсию в Смоленск, в результате которой в 5-ой гимназии была создана историко-археологическая выставка (правда, уже после окончания гимназии Б.Пастернаком). Он активный член Педагогического общества при Московском университете, один из главных организаторов Постоянного и передвижного педагогического музея, собиравшего уже готовые и составлявшего новые пособия по различным дисциплинам. Тарасов являлся председателем бюро этого музея. Казалось, такой человек должен был снискать любовь и уважение учеников. Но на самом деле отношения не сложились. “Тунгус” (таково его прозвище) бывал объектом злых ученических карикатур. Одна из них создана, очевидно, Л.Ригом, во всяком случае хранилась у него (она передана в Гослитмузей).

В 1905 г. его имя стало одиозным. На благотворительном спектакле еще в начале года предполагалась некая “враждебная выходка” против инспектора. Ее собирались устроить студенты Университета, прошлогодние выпускники 5 гимназии. Видимо, нелюбовь была крепкая, если не забывалась и после выпуска. В связи с намечавшейся обструкцией все гимназисты разделились на две партии: “за” и “против” Тарасова; готовилась серьезная драка. Узнав об этом за день до намечавшегося события, директор отменил

спектакль. Но, как уже рассказывалось, в стенах гимназии не раз появлялись листовки и слышались выкрики: “Долой инспектора!”

Другой упоминающийся в письме учитель — Иван Иванович Липпинг — преподавал физику и математику.

Возможно появление Бориса на Брестском (ныне Белорусском) вокзале связано с тем, что его родители предполагали отправить мальчиков в Москву одних, в сопровождении знакомой дамы, с тем, чтобы они успели сдать проверочные экзамены в конце учебного года, а потом снова вернулись к семье. Но стесненность в средствах и, главное, родительские волнения, заставили отказаться от этого плана, всестороннее рассмотрение которого находится в нескольких письмах к другу семьи П.Д.Эттингеру²⁹.

Шестое письмо — сугубо деловое. Оно посвящено самостоятельным занятиям Бориса классическими языками, в которых ему помогал Леонид Осипович.

№ 6

3 мая 1906 <Берлин>

Риголия!

Во-первых, пускай тебя не смущает такое пафотическое и, поистине достойное Хераскова, героическое обращение — Россияды я, слава те Господи, писать еще не собираюсь, и не Россию от варваров свободенну буду я сейчас петь, а скорее Лазаря запою. Видишь ли, от редакции не зависящие совершенно обстоятельства заставляют мое возвращение на родину отложить ad infinitum (до бесконечности, лат. — В.С.) или даже может быть верить в него, как в “пришествие” Мессии. Итак, по всей вероятности, — мне не придется весной приехать к вам, а осенью я буду держать экзамен вместе с “райком” и вообще с депутатами от Камчатки. Но ты спросишь, где тут песнь Лазаря и вообще, Wo ist der Langen Rede Kürzer Sinn (по смыслу: к чему длинные разговоры и мало дела, нем. — В.С.). Как всегда, главную часть моих писем является просьба, навеянная гимназическими обстоятельствами. Ты сейчас увидишь, в чем дело, и пожалуй удивись тому моему нахальству, с которым я постоянно к тебе лезу. Видишь ли, Пульхерия, мне нужны те новые учебники по-гречески и по-латыни, которые вы

приобрели, наверное, начав читать Одиссею и Овидия. Пожалуй-ста, внимательно прочти следующее, касающееся этих учебников, и того способа, как их купить и доставить мне. Если греческий учебник содержит только греческий текст Одиссея, без каких-либо примечаний и словаря, то мне он не нужен, т.к. я здесь могу купить этот текст, и в таком случае мне необходим лишь отдельный словарь. Если же у вас есть издание с русскими объяснениями какого-либо рода и со словарем (как напр. Ксенофонт в издании Кремера)³⁰, то купи мне этот учебник и вышли его, кроме того мне еще нужен Овидий, который ты тоже будь так добр и купи; деньги на эти книги и их пересылку, а также за те десятикопеечные заграничные марки, которые ты, наверное, дал уже Володке вместе с тем прежним моим долгом в 3 р. 40 к. (за хрестоматию и их пересылку) ты можешь получить следующим образом. Ты пойдешь на Кузнецкий мост, в Моск [овский] Международный Торговый банк (угол Рождественки и Кузн [ецкого] Моста) и попросишь первого встречного служителя проводить тебя к Павлу Давидовичу Эттингеру, у которого ты получишь эти 3 р. 40 к. и ту сумму, кот [орая] тебе будет нужна для покупки нов [ых] учебников и их пересылки по почте заказной бандеролью. Этот господин нам хороший знакомый, он жил когда-то на Клязьме и знает тебя, кажется. До отправки этого письма я ему уже написал о том, что ты приедешь за тем-то и тем-то, и он уже ждет тебя, наверное, с распростертыми объятиями, готовый во всякое время выдать тебе требуемую сумму. Чем скорее ты сделаешь все это и вышлешь мне учебники, тем будет лучше. Во всяком случае благодарю тебя за эту крупную услугу, уже наверное двадцатую в этом году.

Признаюсь, я немного сердит на тебя за то, что ты слишком злоупотребляешь латинской поговоркой: Si tacuisses sapiens mansisses (молчи, прослынешь умным, лат. — В.С.), т.е. желая наверное дотянуть высокой степени мудрости, замкнул навеки свои драгоценные уста. Открой их, дружище, уж лучше глупости говорить, чем заставляя меня ежедневно видеть пустым почт [овый] ящик. Не “мудри” и пиши почаще. Итак, всего лучшего. Заранее спасибо за книги. Думал скоро вас всех увидеть, а теперь volens nolens (хочешь — не хочешь, лат. — В.С.) нужно будет отложить до осени это удовольствие. Бука, прощай!

Твой Б.Пастернак.

12 мая 1906.

Это письмо (предыдущее) пролежало в моем шкафу больше недели. За это время я от тебя получил 2 приписки, и, потому свои слова о твоём стремлении *Sapiens fore* беру волей-неволей назад. Прости мне эти невинные упреки и позволь сердечно поблагодарить за ту дружбу, которую ты всегда оказываешь по отношению ко мне. Вот и теперь ты пишешь, что ждешь меня, также и [неразб.].

Если бы ты знал, как меня это тронуло, да и вообще ваши приписки. Что мне ответить на них, как не пожалеть, что еще долго придется корпеть среди прусаков и не скоро еще увижу я своих дорогих друзей. Но от немцев я стараюсь выжать все те соки, которые могут быть мне полезны, т.е. учусь у них всему, чему могу. Много читаю. Все родственники разъехались, и... двоюродная сестра. Часто переписываюсь с нею. Об этом удивительном человеке я еще поговорю с тобой, когда увижусь, если ты только поймешь тот яз-ч, на котором я с тобой буду говорить на эту тему. Если ты уже не *Lolo...* с гитарой и... Нет, нет — об этом я с тобой говорить не имею права, ты ведь все тот же легкомысленный Лелька. Правда?! Ну, не сердись на меня. Еще раз прощай и не забудь пожалуйста моей просьбы. Итак, чтобы не забыть, повторю. Или, если издание *Одиссеи* без словаря, купи отдельный грекорусский словарь и затем Овидия, или, если при книжке (*Одиссее*) есть словарь, то это издание *Одиссеи* и также Овидия. *Entweder, — oder* (одно из двух, или — или, нем. — В.С.). Понимаешь? Ну, спасибо тебе за это. Прощай. Чмок. Твой Боря. Поклоны всем твоим. Передай также мой сердечный привет всем товарищам.

Павел Давидович Эттингер (1867-1948) — искусствовед и коллекционер, близкий знакомый Л.О.Пастернака. О нем уже не раз говорилось. Эттингер был кандидатом коммерческих наук и работал в Московском Международном банке.

В письме упоминается двоюродная сестра. Весьма вероятно, что речь идет об Ольге Михайловне Фрейденберг (1890-1955), впоследствии известном филологе, дружбу с которой Пастернак сохранил до ее смерти. По ее воспоминаниям, в детстве она "привыкла к Бориной любви и нежности, к преувеличенным похвалам и гиперболам чувств"³¹. Изданная их переписка начинается с более позднего времени — со студенческих лет поэта. Возможно, более ранняя переписка затерялась, а возможно, что это другая, неизвестная нам двоюродная сестра.

В Германии Б.Пастернак следит за событиями, происходящими у него на родине.

№ 7

<8 мая 1906 г. Берлин>³²

Дорогой Лелька!

Эта открытка, наверное придет к тебе, когда ты уже исполнишь мою просьбу, т.е. после покупки книг. Спасибо тебе большое, аграмотнейшее спасибо! Поздравляю тебя с открытием первого парламента. Слава Те Господи! Там все — “молодцы ребята”!

Надеюсь, что весна с ее прелестями немного растопила твое оловянное сердце и ты чаще мне будешь писать. Твой Б.П.

На лето мы наверное поедem в Швейцарию. Adieu.

Кланяйся всем товарищам, знакомым и родным.

Восьмая открытка — последняя, отправленная из Берлина. Май. Окончена программа 6 класса. И хотя еще предстоит экзамены, при всех ученических тревожениях ясно, что на второй год он не останется. С осени он будет учиться со своими старыми друзьями в предвыпускном 7 классе, и мысли о дальнейшей учебе после гимназии приходят все чаще и чаще.

№ 8

<25 мая 1906 г. Берлин>³³

Дорогой Лелька

Спасибо!!

Книги я получил. Ты все замечательно точно и хорошо исполнил. Мне прямо совестно перед тобой Saechtament (проклятие, нем. — В.С.). Ты меня наверное проклинаешь, но мне на это (между нами говоря) наплевать. Только пиши! Где мы остановимся на лето, еще не решено. Tubingen (Тюбинген — В.С.), Thüringen (Тюрингия — В.С.), Harz (Гарц — В.С.), Schweiz (дачная холмистая местность под Берлином — В.С.), Sächs ische Sweiz (Саксонская Швейцария — В.С.), Meklenburg (Мекленбург — В.С.), Prag (Прага — В.С.) — все к нашим услугам. То письмо придет наверное после окончания ученья, и я поэтому поздравляю тебя с переходом в VII кл [асс]. Сегодня иду в первый раз в Университет, где от скуки запишусь на философский факультет. Слушаю там ист [орию] музыки. Ей-Богу не вру. Только вернее я не записался, а надуваю доверчивое герм [анское] правит [ельство]. Лезу прямо в аудиторию, как “свой” человек.

Итак, спасибо. Пишу на почте. Рядом немка ругается, что нет чернил. Вот ругается. Пиши.

Твой Б.

В этой открытке впервые возникает философский факультет Университета. Может быть — полусутоливо. Когда он собирался ходить на лекции — на летнем семестре? Но ведь семейство пердполагает путешествовать. Где — пока не известно, но несомненно, что в Берлине они не останутся.

Он уже ходит в Берлинский университет на лекции и слушает там курс истории музыки. Его не смущают ни немецкий язык, которым он владеет в совершенстве, ни сложность предмета.

Последняя (девятая) открытка находится в личном архиве Е.Б.Пастернака, который любезно предложил опубликовать ее вместе со всем корпусом писем Б.Пастернака Л.Ригу. Она отправлена с острова Рюгена 14 июля 1906 г. (по штемпелю).

“Его Высокородию Леонтию Ефимовичу Ригу.

Тверская, д. Коровина. Moscau (Russland) Москва

Лелька, Лелька denke dran' Was aus dir noch werden kann! (Думаю об этом. Что из тебя еще может получиться. Игра слов: нем. и русск. дрянъ (dran' — В.С.). Ума не приложу, где искать причину твоего “пифического” молчания. Неужели у тебя нет настолько самообладания, чтобы взяться за перо и написать. Или времени нет. Ах ты лентяй, лентяй. Даю тебе благодарную тему — описывай хоть свои “приключения”, но только пиши. Что касается нас, то мы сейчас находимся на острове Рюгене. Природа восхитительная, жители и жительницы отвратительные.

Прикладывается твой Б.П. Напишешь?

Адрес наш: Göhren auf Rügen “Villa Wilhelmshöfn” An V.Pasternak.

(На обороте вид острова Рюгена и приписка Б.Пастернака: “Что, недурно?”).

Остров Рюген считался сравнительно дешевым курортом. Поселок Герен, в котором остановились Пастернаки, находился в северной части острова на острие мыса. Одна

его сторона имела замечательный пляж, где проводило время все курортное общество, другая — дико-суровая, покрытая скалами и камнями, почти всегда под ветром, была облубована братьями. Здесь они проводили время. Но вскоре на Рюген приехал Ю.Д.Энгель, и музыкальные занятия Бориса возобновились под руководством любимого учителя уже очно. Занятия, как правило, проходили на пляже, между купаниями. Энгель, словно невзначай, ставил Борису задачу. Тот увлекался, и нередко разработка темы превышала то, на что рассчитывал учитель. Тогда, по воспоминаниям Александра Леонидовича, он взволнованно “вскакивал, махал руками, захлебываясь, как ему бывало в такие минуты свойственно, и только мог выдавливать, повторяя много раз: “Ну, Боря! ах, Боря!” Он был скуп на похвалу, тем дороже для ученика всякий знак одобрения.

По впечатлениям брата, уже тогда проявилась и крепла одна из определяющих черт характера Б.Пастернака — очень высокая требовательность к себе.

В конце августа семья Пастернаков находилась уже дома, в Москве³⁴.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. *Пастернак Б.Л.* Избранное в двух томах. М., 1985, т. 2, с. 241. Далее при ссылках на это издание том и страницы указываются в тексте.
2. *Комиссаржевская В.Ф.* Письма актрисы, воспоминания о ней. Материалы. М., 1964, с. 312, 334.
3. Театр и искусство. Спб., 1904, № 52; 1905, № 1; репертуар Драматического театра (на обложке).
4. *Мейерхольд В.Э.* Переписка. М., 1976, с. 277.
5. Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГАИМ), ф. 459, оп. 3, д. 4478, л. 1 об.
6. *Пастернак А.Л.* Воспоминания. München, 1983 (далее Пастернак А.Л.), с. 155.
7. Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина (далее ГМИИ), отдел рукописей, ф. 29, оп. III (Письма П.Д.Эттингеру), д. 3286.
8. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 3, д. 4478, л. 11 об.
9. Там же, л. 11 об. — 12.
10. Там же, л. 20.

11. Революция 1905-1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905-1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь-декабрь 1905 г. М., 1955, ч. 1, с. 724-725.
12. ГМИИ, ф. 29, оп. III, д. 3341.
13. *Пастернак А.Л.*, с. 172.
14. ГМИИ, ф. 29, оп. III, д. 3338.
15. Дата на почтовом штемпеле: 2.01.06.
Надпись на конверте:
"Его высокоородию Л.Е.Ригу. Тверская. Пименовский пер., д. Коровина. Здесь".
16. "Новое время", 19 декабря 1905 (1 января 1906), № 10691, с. 2.
17. ЦГИАМ, ф. 459, оп. 3, д. 5340, л. 24 об. — 25.
18. *Пастернак А.Л.*, с. 218.
19. *Ефим Борисович Риг* (см. выше), Цецилия Максимовна, София и Виктория .
20. ГМИИ, ф. 29, оп. III, д. 3317.
21. ЦГИАМ, ф. 459, оп. 3, д. 4273, л. 7.
22. Там же, д. 3619, л. 57.
23. Там же, д. 5340, л. 24 об. — 25.
24. Точное название: "Русская хрестоматия. Пособие по истории русской литературы". Сост. А.Д.Галахов. В качестве учебного пособия выдержало 33 издания с 1842 по 1910.
25. Почтовая открытка. Датируется по штемпелю.
26. К.В.Елпатыевский. Учебник русской истории. Спб., с конца XIX в. по 1915 г. выдержал 14 изданий.
27. Н.А.Шапошников и Н.К.Вальцев. Сборник алгебраических задач. Многократно переиздавался с конца XIX до середины XX в.
28. Архив Академии педагогических наук СССР, ф. 43, оп. I, д. 31, л. 396 об.
29. ГМИИ, ф. 29, оп. III, д.д. 3327, 3329, 3338, 3340.
30. *Ксенофонт*. Анабазис (поход Кира Младшего). Текст со словарем, составлен для гимназий Я.Кремером. М., 1869. Неоднократно переиздавался.
31. *Борис Пастернак — Ольга Фрейденберг*. — Дружба народов. М., 1988, № 7, с. 208.
32. Почтовая открытка. Датируется по штемпелю.
33. Почтовая открытка. Датируется по штемпелю.
34. В своих воспоминаниях Александр Леонидович относит возвращение семьи в Москву к концу ноября, но в соответствии с письмом Л.О.Пастернака коллекционеру Степану Петровичу Крачковскому, отправленным им из Москвы 1 сентября 1906, дату приезда домой следует передвинуть. Письма к С.П.Крачковскому находятся в Гос. Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина: ф. 124. Собр. П.Л.Вакселя, № 3269, л. 10, 11.

П.И.Овчарова

**ОБЩЕСТВО РУССКИХ
ДРАМАТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**
Обзор рукописного фонда

Общество русских драматических писателей (ОРДП) возникло осенью 1870 г. по инициативе А.Н.Островского и В.И.Родиславского как промежуточное звено между драматургами и частными театрами. Основной задачей Общества на все время его существования стала защита юридических прав и материальных интересов писателей: уже в декабре 1870 г. было опубликовано извещение о запрете на постановки пьес без согласия авторов. ОРДП обязывалось контролировать отчисление авторских гонораров со всех сценических площадок России, кроме императорских театров; в крупных городах специальные агенты наблюдали за регулярностью и правильностью отчислений, сообщали в Комитет ОРДП о нарушениях антрепренерами правил расчетов с драматургами, а также информировали местных театральные предпринимателей о новинках драматической литературы.

30 июля 1874 г. был утвержден Устав ОРДП, написанный А.Н.Островским; через несколько месяцев, в октябре 1874 г., определились минимальные размеры оплаты: в университетских центрах — 2 руб. за акт, в остальных губернских городах — до 1 руб., в уездных — по 50 коп., в столицах — от 1—3 до 5—10 руб. за акт¹. В действительности выплаты нередко оказывались значительно выше: например, в Казани — до 4 руб. за акт, в Киеве, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Полтаве, Харькове, Одессе — по 4 руб., в Самаре и Саратове — по 2 руб., в Вильне — по 3 руб. за акт². Автор получал из этих сумм 60% за оригинальную пьесу и 40% за перевод; 10% отчислений выплачивались

агенту, остальное поступало в фонд Общества и направлялось на тиражирование текстов, выплату авансов и пр.

Упорядоченная система финансово-юридического посредничества оказалась удобной и для драматургов (в 1877 г. к ОРДП присоединились композиторы) и для провинциальных антрепренеров, получавших оперативную информацию о новых пьесах, а также — при желании — и литографированные тексты новинок. В этих целях Общество в 1875-1877 гг. заключило соответствующий договор с А.Х. Мозером, в 1877-1878 гг. — с издателем “Театральной газеты” И.И. Смирновым, а “в 1879 г., за отказом Смирнова, литографирование пьес перешло к С.Ф. Рассохину”³.

ОРДП довольно быстро завоевало популярность, к началу 1876 г. с Обществом сотрудничали 72 театра, “к 1 января 1877 г. число платящих театров достигло 111”⁴. В то же время многие театральные предприниматели отказывались выполнять принятые обязательства: к тому же к 1877 г. число судебных дел, возбужденных ОРДП против недобросовестных антрепренеров, достигло 150⁵.

Центральное правление ОРДП находилось в Москве, первым председателем Общества в течение 13 лет (1874-1886) был А.Н. Островский; в Петербурге существовал филиал, пользовавшийся некоторой самостоятельностью: петербургские члены ОРДП сами решали свои дела, высылая протоколы своих заседаний в Москву для учета в центральной канцелярии. В 1904 г. петербуржцы образовали Союз драматических и музыкальных писателей, конкурировавший с московской организацией. В 1923 г. ОРДП было переименовано в Московское общество драматических писателей и композиторов (МОДПИК), петроградский Союз получил название Драмосоюза. В 1925 г. обе группы были объединены во Всероссийское Общество драматических писателей и композиторов — оно существовало до 1930 г.

Таким образом, история Общества русских драматических писателей и оперных композиторов подразделяется на три крупных этапа: 1870-1903 гг. — функционирование единого Общества (особо следует выделить “эпоху Островского”, до 1886 г.); 1904-1917 - наличие двух однотипных

конкурирующих организаций в Москве и в Петербурге; 1918-1930 гг. — время формализованного (в какой-то мере условного) существования и многочисленных реорганизаций. Эта периодизация учтена при обработке рукописного фонда ОРДП, хранящегося в музее.

Фонд № 151 поступил в 1962 г. от Марии Ивановны Гриневой (1895-1966) — драматурга, бывшей актрисы Камерного театра. Документы, составившие фонд, принадлежали, очевидно, ее второму мужу, поэту и драматургу Александру Самойловичу Балагину (настоящая фамилия Гершанович, 1893-1939) — последнему секретарю ОРДП. Наличие в фонде материалов петербургского Союза драматических и музыкальных писателей, петроградского (и ленинградского) Драмосоюза, а также документов 1925-1930 гг. показывает, что в распоряжении А.С.Балагина находилась канцелярия объединенного Всероссийского Общества, в том числе рукописи дореволюционного периода деятельности ОРДП, не попавшие в архивы секретарей Общества — В.И. Родиславского и И.М. Кондратьева. В настоящее время большинство материалов о деятельности ОРДП и его подразделений хранится в РГАЛИ (фф. 675, 2097), куда они поступили в 1959 г. из ГЦТМ им. А.А.Бахрушина.

Фонд ГЛМ насчитывает 287 единиц хранения, охватывающих период 1876-1931 гг. Материалы распределены по следующим разделам: протоколы заседаний и выписки из них; финансовые и юридические документы; записки о передаче голосов; заявления о приеме в ОРДП (до и после 1917 г.); переписка канцелярии с членами Общества (до и после 1917 г.); немногочисленные документы из собрания владельцев (письма разных лиц к разным лицам, записки, творческие заметки).

В ряде случаев материалы ГЛМ существенно дополняют собрание РГАЛИ. Например, в последнем хранятся выписки из журналов заседаний Комитета ОРДП за 1892, 1893, 1896, 1899, 1901, 1907, 1909 годы (ф. 2097, оп. 2, д. 1741); в фонде ГЛМ имеются разрозненные протоколы и выписки из них за 1881, 1883, 1884, 1886, 1891, 1901, 1911, 1914 годы (ф. 151, оп. 1, дд. 1, 2; в дальнейшем указываются

только №№ дел и листы). Длительную историю переговоров ОРДП с Обществом французских драматических писателей и композиторов о взаимной охране авторских прав (РГАЛИ, ф. 675, оп. 3, д. 7; ф. 2097, оп. 1, д. 233, оп. 2, д. 1719; 1898-1925 гг.) уточняют документы ГЛМ: проект договора между обоими Обществами (д.3), три письма председателя ОРДП И.В.Шпажинского председателю французского Общества де Курселю (д. 120), письмо Ж.Торалье к И.В.Шпажинскому с поправками к проекту договора (д. 231) — все они датируются 1912 г. Такое дополнение тем более важно, что в собрании РГАЛИ нет материалов по этому вопросу за 1912 г.

К особо ценным рукописям фонда, несомненно, относятся письма А.Н. Островского за 1881-1886 гг. (дд. 187-207) к секретарям ОРДП Владимиру Ивановичу Родиславскому (1828-1885) и Ивану Максимовичу Кондратьеву (1841-1924), посвященные текущим делам Общества, в том числе участию в чествовании Т.Сальвини и Э.Росси, в юбилеях В.А. Жуковского, Н.В.Гоголя, В.В.Самойлова, И.А.Всеволожского, И.В. Самарина, в праздновании 50-летия Румянцевского музея и др. Эти материалы опубликованы Е.Н.Дунаевой⁷. Кроме того, в фонде имеется множество автографов А.Н.Островского — преимущественно подписей и резолюций на различных документах ОРДП. Один из автографов, по нашему мнению, заслуживает публикации и хотя бы предварительного комментария.

12 января 1882 г., в годовщину взятия Геок-Тепе — одного из победных событий русско-турецкой войны, генерал от инфантерии Михаил Дмитриевич Скобелев (1843-1882), будучи в Париже, выступил с “задорной” речью, объявившей немца — “чужеземца, пролаза, интригана” — главным врагом славянства. Оратор предсказал “неизбежную борьбу между славянами и тевтонами”, в которой “в конце концов победят славяне”. Через месяц, 17 февраля, генерал ответил на приветствие сербских студентов столь же прославянскими “пророчествами”. Эти монологи “вызвали восторг французов,

ярость немцев и смущение одних, неудовольствие других и удовлетворение третьих — в России”⁸. Скобелев был отозван из-за границы до окончания отпуска, однако ожидаемых репрессий не последовало. А через два месяца после парижского фурора, 12 марта 1882 г. в “Общее Собрание Общества Русских Драматических Писателей” поступило “Заявление”:

“Милостивые государи!

Недавно объявился на Руси человек, решившийся высказать умело, красно и сердечно такую думу и такое чувство, которые уже давно занимали умы и сердца многих миллионов русских людей. Вообще выражать красноречиво свои мысли, а тем более предугадывать и воплощать мысли своих кровных соотечественников есть доблесть гражданская, долг верноподданический по отношению к государству и обществу. Но кроме заслуги гражданской, кроме национального подвига каждый честный, благонамеренный оратор, если его речь красноречива, должен пользоваться и славою сочинителя своей речи, славою литератора. Мы, милостивые государи, как драматические писатели, составляем кружок литераторов, которых сочинения предназначены — исключительно для словесной речи. Речь свою генерал Скобелев хотя и произнес не в публичном собрании, а вдали от общества, в кругу иноземцев, но тем не менее в его задушевной, умной и меткой тираде нельзя не признать литературного достоинства. Хорошим оратором вряд ли можно сделаться без литературных способностей? В древние времена ораторское искусство почиталось наравне со всеми другими искусствами - так оно должно быть ныне. В начале нашего столетия один из Скобелевых был литератором, а в конце века явился другой Скобелев — оратор, которого мы также должны радушно, восторженно принять в нашу литературную семью. А потому, милостивые государи, имею честь заявить, не благоугодно ли будет Общему Собранию решить вопрос: о предоставлении генералу Скобелеву звания Почетного Члена нашего общества, если сие согласуется с Уставом; в противном случае поднести ему, от лица Общества Русских

Драматических Писателей адрес, по той же идее и в тех же выражениях.

Итак, господа, воздадим честь нашему задушевному оратору и примем от него честь быть нашим сочленом.

Дм. Ив. Лобанов, Член Общ. Русск. Драматич. Писателей”.

В левом верхнем углу листа наложена резолюция: “Оставить без последствий. А. Островский” (д. 169) — таким образом, Обществу собранию вряд ли довелось ознакомиться со звонко-конъюнктурным заявлением сочлена. Судя по датированным резолюциям и подписям, Островский оперативно решал организационные дела Общества; мы можем с уверенностью предположить, что решение по “Заявлению” Лобанова принято примерно в марте 1882 г. и объясняется верной оценкой его (например, как поверхностного), а не “объективными обстоятельствами” — скажем, смертью М.Д.Скобелева летом 1882 г.

Дмитрий Иванович Лобанов — бездарный драматург, автор ряда инсценировок по повестям А.С.Пушкина (“Картежник” — по “Пиковой даме”; “Смерть за смерть” — по “Дубровскому”; “Капитанская дочка”)¹⁰ в определенной мере компенсировал свою плодovitую бесталанность бурно-либеральной, но безобидной общественной деятельностью, избрав жизненным амплу восхищение заметными людьми. Ему, в частности, принадлежит книга “Русские современные деятели. Сборник портретов замечательных лиц настоящего времени с биографическими очерками” (т. 1. Спб., 1876). Среди ее героев А.Н. Островский, И.С.Тургенев, С.М.Соловьев, А.Н.Майков, И.К. Айвазовский, А.Г.Рубинштейн, И.М.Сеченов, и одновременно - колонизатор Средней Азии генерал Кауфман, канцлер А.М.Горчаков и пр. Упомянутый в “Заявлении” “литератор начала столетия” — дед М.Д.Скобелева, Иван Никитич Скобелев (1778-1849), участник Отечественной войны 1812 года, в 1830-е гг. выступил с многочисленными “беседами” и “рассказами” “русского инвалида”, а также пьесами “Кремлев - русский солдат” и “Сцены в Москве в 1812 году”¹¹.

Из автографов великих русских писателей, имеющих в фонде, следует отметить записку А.П.Чехова: “Поручаю Ивану Леонтьевичу Леонтьеву (Щеглову) мой голос на заседании Общества драматических писателей 7 апреля. Антон Чехов, 6 апреля 1897 г.” (д. 74). Текст опубликован Н.И.Гитович в Полном собрании сочинений и писем А.П.Чехова (Письма. Т. VI, с. 625), но почему-то не в основном корпусе, а среди примечаний. Из других чеховедческих материалов укажем на записку А.С.Суворина о передаче его голоса А.П.Чехову от 3 апреля 1889 г. (д. 66); эта подробность может быть полезна при уточнении летописи жизни и творчества А.П.Чехова.

А.Н.Островский мечтал превратить ОРДП в творческую организацию, и в Уставе одной из важнейших целей Общества указано “способствовать развитию драматического искусства в России”. Материалы фонда подтверждают постоянное стремление Комитета ОРДП поддерживать творческую активность как членов Общества, так и начинающих драматургов. К удавшимся попыткам такого рода относится учреждение в 1875 г. ежегодной премии (1000 руб.) за лучшее драматическое произведение года (в следующем году была внесена поправка: премия выдается за лучшую пьесу из представленных на конкурс). В 1879 г. в ознаменование 50-летия со дня смерти А.С.Грибоедова премии были увеличены и названы Грибоедовскими. До 1882 г. премия оставалась неприсужденной, первым ее лауреатом стал в сезон 1882/83 г. А.Н. Островский (“Красавец-мужчина”). В 1883/84 г. премия была присуждена Н.А. Чаеву за пьесу “Царь Василий Иванович Шуйский”, в 1884/85 г. — А.Н.Островскому (“Не от мира сего”), причем в жюри входили солидные ученые Н.С.Тихонравов и А.Н.Веселовский, а также корифей театральной критики С.В.Флеров-Васильев. Традиция сохранилась и после смерти Островского. В 1902 г. авторитетное жюри (Ф.Д.Батюшков, Н.А.Котляровский, Н.М.Минский) присудило премию С.А.Найденову (“Дети Ванюшина”), А.М.Горькому (“Мещане”), Вл.И.Немировичу-Данченко (“В мечтах”); в сезон 1910/11 г. лауреатами Грибоедовской премии стали Л.Н.Андреев (“*Gaudeamus*”) и

А.М.Горький (“Васса Железнова”) (д. 1, лл. 7, 8). В фонде имеются также редкие материалы, отражающие историю составления капитала на премию: заполненные подписные листы, сопроводительные письма 1879-1880 гг. к переводам пожертвований на учреждение премии — из Астрахани, Ташкента, Кишинева, Малой Вишеры, Торжка, Чигирина, Киева, Перми, Тобольска, Калязина, Самары, Митавы (Курляндская губ.), Иркутска, Уральской губернии (дд. 14-17). Эти документы свидетельствуют прежде всего о всероссийской заинтересованности общества в развитии театра, о широчайшей популярности сценического искусства. Некоторые сложности сопровождали организацию жюри: в ряде писем известные деятели литературы и театра отказываются от “чести быть судьями” из-за занятости, по состоянию здоровья и пр. Однако встречаются отказы и по принципиальным соображениям — так, очень интересно письмо Федора Евгеньевича Корша к И.В.Шпажинскому от 20 мая 1903 г., где подробно изложен один из вариантов восприятия “модной”, “нынешней” драматургии интеллигентом “старого закала”:

“Милостивый государь Ипполит Васильевич! Когда я прочел в газетах, что Общество русских драматических писателей и оперных композиторов удостоило меня избрания в число судей по соисканию Грибоедовской премии, я мало удивился такому известию, но только потому, что принял “Ф.Е.” за ошибку вместо “Ф.А.”, так как мой двоюродный брат Федор Адамович чуть ли не всю жизнь занимался театром, а мое знакомство со сценой почти сполна исчерпывается чтением так называемых классических произведений драматического искусства, да и то чуть ли не исключительно с литературной и отчасти филологической точки зрения. Гожусь ли я при таких условиях в ценители современной “текущей” драматургии? Едва ли, судя хотя бы уже по тому, что те авторы, которыми нынешняя театральная публика наиболее интересуется, — Ибсен, Гауптман, д’Аннунцио, Чехов, Горький, — кажутся мне совсем не художниками, по крайней мере в своих драматических произведениях. Я не скажу, чтобы отрицал в них всякое литературное

достоинство, но во всяком случае главная суть их производит на меня впечатление чего-то постороннего искусства, так как я не нахожу в них одного из двух: правильного, объективного изображения характеров на почве данного драматического события или — что особенно странно при тенденциозном направлении современной драматургии — ясной постановки и естественно-го развития основной идеи в связи с умственными и нравственными свойствами лиц, составляющих ту среду, в которой и посредством которой эта идея должна осуществляться. Всякую драматизованную публицистику, приправленную для живости мелодрамой, и всякий сценический бред, неведомо что значащий, я, в качестве судьи, браковал бы беспощадно; а много ли теперь появляется пьес, не принадлежащих к одному из этих двух разрядов?" (д. 163, лл. 1-2). Далее Ф.Е.Корш отказывается от участия в жюри, ссылаясь на занятость; однако, судя по телеграмме И.В.Шпажинского И.М.Кондратьеву (д. 243, л. 3), вскоре меняет свое решение.

Собственно, большинство документов фонда представляет собой разные по значению, но всегда неповторимые приметы времени, воплощают подробности личных писательских судеб, групповых и индивидуальных контактов. Так, немалый, хотя и частный интерес, имеют многочисленные деловые записки, официальные заявления (об авторстве, авансе, гонорарах, о вступлении в Общество или выходе из него и пр.) — автографы Н.Ф.Балиева, Ф.Д.Батюшкова, В.В. Билибина, П.Д.Боборыкина, Ф.А.Бурдина, А.Н.Веселовского, П.П. Гнедича, В.А.Гольцева, А.Е.Лазарева-Грузинского, Е.П.Карпова, О.Л.Книппер-Чеховой, А.А.Коринфского, Ф.А.Корша, В.А.Крылова, П.Д.Ленского, А.А.Майкова, С.И.Мамонтова, П.М.Невежина, Вл.И. Немировича-Данченко, А.Н.Плещеева, А.А.Потехина, М.Н.Садовского, П.Н.Сакулина, И.А.Саца, В.А.Серова, А.В.Суворина, А.И.Сумбатова-Южина, С.В.Танеева, Н.Д.Телешова, В.А.Тихонова, Г.Н.Федотовой, М.И.Чайковского, Е.Н.Чирикова, И.В.Шпажинского, Т.Л.Щепкиной-Куперник и др.

Из материалов начала XX века наибольшей (хотя и не исчерпывающей) полнотой отличается переписка правления Петербургского Союза драматических и музыкальных писателей с Надеждой Александровной Тэффи, позволяющая уточнить творческую историю ряда пьес писательницы, а также свидетельствующая о росте популярности Тэффи-драматурга.

Н.А.Тэффи-Бучинская вступила в Союз драматических и музыкальных писателей в начале 1907 г. уже будучи членом Русского Театрального общества; в ее заявлении о приеме в Союз (1 февраля 1907; д. 234, л. 1) указана лишь пьеса “Женский вопрос. Фантастическая шутка в одном действии”. Этот “остроумный шарж на тему о женском равноправии” был поставлен в феврале 1907 г. одновременно в петербургском Малом театре¹² и в театре Литературно-художественного общества¹³. Следующая пьеса — “Страшный кабачок” — появилась на сцене театра “Кривое зеркало” осенью 1909 г.¹⁴, а через полгода автор сочла нужным официально закрепить свой контакт с театром:

“Честь имею заявить, что пьеса моя “Страшный Кабачек” (орфография авторская. — П.О.) отдана мною в полное пользование исключительно З.В.Холмской до зимнего сезона. Поэтому прошу гг. антрепренеров без специального моего разрешения эту пьесу не ставить и если она объявлена или уже шла — с репертуара снять. Тэффи. 22 апреля 1910 г.” (д. 236, л.2).

Это, казалось бы, формальное заявление говорит по крайней мере о беспокойстве “хозяйки” спектакля, З.В.Холмской, т.е. свидетельствует о повышении спроса на пьесы писательницы, что, очевидно, обусловлено их сценическим успехом.

18 апреля 1911 г. канцелярия Союза запросила писательницу, принадлежит ли ей пьеса “Экзамен” (д. 125, л. 2) — Тэффи ответила: “М.Г.! Мне принадлежит рассказ “Экзамен”, много раз читаемый мною с эстрады. Пьесы “Экзамен” я не знаю. Готовая к услугам Тэффи” (д. 234,

л. 3; подчеркнуто автором; письмо зарегистрировано 22 апреля 1911 г.).

В 1912-1915 гг. несколько пьес Тэффи были поставлены в Литейном (Интимном) театре Б.Неволина: 1912 г. — “Тонкая психология”, “Сложная натура”; 1913 г. — “Царица Таир”, “Плюскепарфе”; 1914 г. — “Четвертое не”; 1915 г. — “Преступление”, “Счастливая любовь”, “Письмо”. Этот этап в фонде ГЛМ не отражен.

Со следующей поставленной пьесой оказался связан “скандал для узкого круга”, подробно представленный в материалах нашего фонда.

В феврале 1915 г. в московском театре К.Н.Незлобина с огромным успехом прошла премьера пьесы Андре Ривуара “Король Дагобер” в переводе Н.А.Тэффи и ее сестры Элио (Елены Александровны Пландовской); восторженные отклики появились в журналах “Рампа и жизнь”, “Театр”, газете “Русские ведомости”¹⁵. Этим получившим признание спектаклем театр Незлобина открыл гастроли в Петербурге. Однако шумному успеху сопутствовала и клевета — журнал “Театр и Искусство” поместил небольшую заметку с негромким обвинением переводчика в краже:

“История с переводом пьесы “Король Дагобер”, — писал анонимный автор, — какая-то запутанная. Кто автор пьесы, кто переводчик — не понять. Имя автора не указано, а переводчиками значатся две сестры — Тэффи и Элио. Оправдываясь в сокрытии имени автора, г-жа Тэффи поясняет в “Биржевых Ведомостях”: “Перевод этот, над которым работала преимущественно моя сестра Элио, сделан года три тому назад, и оригинал потерян. Как мы ни мучились, вспомнить имя автора не могли и нового экземпляра книги не достали. Мне помнится, как будто что-то вроде Дугоу, а Элио уверяет, что скорее похоже на Chambogan. Так ничего и не надумали и пришлось пьесу ставить без автора”. Итак, перевод принадлежит собственно Элио, а г-жа Тэффи, как она сознается, “только потому и занялась ею (пьесой), что она мне понравилась”. “Понравилась” пьеса, впрочем, не одной г-же Тэффи, но и переводчику г.Сперо, задержанному в Вене в качестве военнопленного, который, как нам сообщают, и доставил экземпляр пьесы

г-же Тэффи для литературной обработки, так как сам стихом не владеет. Итак, имеется еще одно “заинтересованное” лицо - г.Сперо. Вспомнила ли г-жа Тэффи о существовании г.Сперо и пыталась ли списаться с ним на счет выяснения личности автора или ввиду трудности или даже невозможности сделать это, вынуждена была ставить пьесу без автора - неизвестно. Важно и достаточно, что пьеса “понравилась” г-же Тэффи”¹⁶.

20 апреля 1915 г. правление Союза драматических и музыкальных писателей, ссылаясь на эту заметку, обратилось к Н.А.Тэффи “с покорнейшей просьбой разъяснить, не имеет ли означенный перевод г-на Сперо какого-либо отношения к переводу этой пьесы, сделанному Вами и г-жою Элио для театра Незлобина. Член Союза Е. Сперо-Мокроусов ныне находится в качестве военнопленного в г. Будапеште и т.о. лишен возможности лично выяснить обстоятельства дела. Поэтому Правление Союза — учреждения, обязанного охранять права г.Е.Сперо — и обращается к Вам за выяснением вопроса” (д. 125, л. 5).

Приводимый ниже подробный ответ Н.А.Тэффи был получен канцелярией Союза 22 апреля 1915 г.:

“По поводу обращенного ко мне запроса, не участвовал ли г.Сперо в переводе пьесы “Король Дагобер”, сделанном мною и Элио, могу сообщить следующее:

В 1911 г. Новый Драматический Театр, принадлежавший г-же Садовской, пожелал поставить пьесу “Король Дагобер”, виденную одним из членов дирекции в Париже. На сей предмет выписана была из Парижа книга, которую заведующий репертуаром Осип Дымов передал мне с просьбой как можно скорее, недели в 2—3 перевести вещь, сократив и переделав два последних акта в один. В столь короткий срок сделать это оказалось невыполнимо. Затем Новый Драматический Театр прекратил свое существование, а “Короля Дагобера” я предложила переводить с моей помощью сестре моей Элио¹⁷, Осенью перевод был готов. Я предложила его Глаголину¹⁷, но тот не дал определенного ответа. Тогда я лично отдала пьесу К.Н.Незлобину (зимой 1912 года). Он не давал о ней никакого отзыва и только в этом году экспромтом поставил.

Г-на Сперо я никогда не видала и о существовании его до сих пор не знала.

Г.Людомиров - администратор театра Незлобина говорит, что никакой другой рукописи, кроме моей "Короля Дагобера" у Незлобина не было.

Прочтя заметку о Сперо в "Театре и Искусстве", я телефонировала А.Р.Кутелю и спросила, что все это значит, и упрекнула, что он печатает неправильные, дискредитирующие меня совершенно незаслуженно, выдумки.

А.Р.Кутель отвечал, что это пустяки и что меня это ничуть не должно обижать. "Нужно же что-нибудь писать, раз есть журнал", — сострил он. Но имя сотрудника, выдумавшего все это, назвать отказался. Предложил написать опровержение письмом в редакцию его журнала.

Я решила переждать, пока, наконец, вернется г.Сперо, и предложить ему самому написать о том, что он никакого отношения к переводу "Короля Дагобера", сделанному мною и Элио, не имеет. Это было бы существеннее, а всякое заявление с моей стороны имело бы вид, что я либо вру, либо оправдываюсь.

Из всего вышеприведенного ясно: 1) Ни мне, ни Элио, знающим с детства французский язык, никакие построчные переводы каких-либо помощников не нужно (так в рукописи — П.О.).

2) Переводили мы с книги, специально для этого выпущенной дирекцией Нового Драматического Театра в 1911 году, что может и, вероятно, не откажется подтвердить г-жа Садовская, т.к. О.Дымов в Америке.

3) Перевод был вручен Незлобину три года тому назад, когда никакой войны не было и г.Сперо имел полную возможность присоединить свою подпись, если бы участвовал в переводе.

При сем прилагаю черновик перевода, написанного рукою Элио с моими правками и вставками. Перевод можно сличить с подлинником, т.к. вплоть до конца третьего акта он сделан почти дословно.

Вот все, что я могу сказать в объяснение вызванного не мною недоразумения.

В заключение не могу не выразить искреннего огорчения, что такие ничем не оправдываемые выходы журнала, считающего себя почтенным, позволяют заподозривать меня в денежно некорректном отношении к неизвестному мне господину Сперо и опрашивать меня по этому поводу” (д. 234, лл. 11-12).

На следующий день письмо было обсуждено на заседании Правления. 25 апреля 1915 г. писательнице было отправлено сообщение:

“Милостивая государыня Надежда Александровна! Правление Союза, рассмотрев в заседании 23 апреля как Ваше заявление, так и представленные Вами документальные данные по вопросу о переводе пьесы “Король Дагобер”, нашло разъяснения Ваши достаточными и вполне исчерпывающими, причем не оказалось каких-либо оснований предполагать, что перевод Ваш имеет то или иное отношение к переводу пьесы “Король Дагобер”, сделанному Членом Союза Е. Сперо-Мокроусовым” (д. 125, л. 6).

Н.А.Тэффи воспользовалась и предложением А.Р.Кугеля ответить на журнальную заметку. В № 17 “Театра и Искусства” (от 26 апреля) появилось “Письмо в редакцию”:

“М.Г.! в 14 № “Театра и Искусства” помещена заметка с указанием на то, что в нашем стихотворном переводе пьесы “Король Дагобер” Ривуара заинтересован г.Сперо, который якобы доставил г-же Тэффи экземпляр пьесы для литературной обработки, так как сам стихом не владеет. Считаю нужным заявить, что с г.Сперо мы даже не знакомы и никакими его услугами — ни прямыми, ни косвенными — при переводе “Короля Дагобера” не пользовались. Перевод этот был нами сделан более 3-х лет назад с оригинала пьесы, изданного етегге и специально для этой цели выписанного из Парижа Новым Драматическим Театром г-жи Садовской. Около 3-х лет назад перевод был нами передан театру Незлобина, так как Новый Драматический Театр к тому времени уже прекратил свое существование. Просим журналы и газеты, поместившие заметку “Театра и Искусства”, перепечатать это письмо. Тэффи. Элио”.

Таким образом, инициатором перевода “Короля Дагобера” явился Осип Дымов; перевод завершен осенью 1911 г., предложен театру А.С. Суворина (Б.С.Глаголину) и зимой 1912 г. передан в театр К.Н. Незлобина. Очевидно, что все эти материалы не только уточняют историю создания пьесы, но и характеризуют расширяющиеся театральные связи писательницы — в частности, с Новым Драматическим Театром при посредстве Осипа Дымова.

Громкий, чуть скандальный успех “Короля Дагобера” привлек внимание провинциальных антрепренеров. 5 августа 1915 г. канцелярия Союза уведомила Н.А.Тэффи о просьбе антрепренера Саратовского общедоступного театра предоставить ему “исключительное право постановки пьесы в зимний сезон 1915-1916 г.” (д. 125, л. 7); 5 сентября автору сообщены аналогичные запросы от дирекции Нового театра в Казани при авторских 2 р. 60 к. за акт, от дирекции труппы Саратовского театра фон Мевес, от “Иркутского Городского театра дирекции Малиновской” при авторских 4 р. 20 к. за акт (д. 125, лл. 8-10). Из ответов драматурга в фонде имеются лишь два: “Разрешаем постановку переведенной нами пьесы “Король Дагобер” Ривуара — Гришину-Зарайскому для Ростова на Дону на условиях уплаты нам двойных авторских. 28 августа 1915 г.Тэффи”; в заявлении, зарегистрированном в канцелярии 10 сентября 1915 г., планы авторов несколько изменились: “Разрешаем Гришину-Зарайскому для Ростова на Дону ставить пьесу “Король Дагобер” на условиях уплаты нам обычных авторских. Тэффи” (д. 234, лл. 15, 16).

Следующая крупная пьеса — “Шарманка Сатаны” — объявлена автором как новая 1 декабря 1915 г.: “Очень прошу Союз охранять мои авторские права на новую пьесу “Шарманка Сатаны” и запретить ее постановку без моего разрешения. Тэффи” (д. 234, л. 17). В заявлениях, зарегистрированных 25 января и 11 февраля 1916 г., автор сообщает о переименовании ее в “Шарманку” и разрешает “к постановке в Саратовском театре начиная со второй недели поста на условия уплаты мне единовременно 300 руб. и обычных авторских” (д. 234, лл. 18, 19); однако в после-

дующих документах пьеса именуется по-прежнему “Шарманкой Сатаны”.

В декабре 1915 г. новая пьеса Тэффи была принята к постановке в московском Малом театре¹⁸; премьера состоялась в начале февраля 1916 г. и вызвала поток отрицательных рецензий¹⁹. Неприязненно была встречена и постановка театра К.Н.Незлобина осенью 1916 г.²⁰. Однако резкие отзывы центральной прессы, очевидно, лишь раззадорили провинцию: как уже упоминалось, 11 февраля драматург разрешила постановку “Шарманки Сатаны” саратовскому театру; 18 августа 1916 г. канцелярия Союза сообщила автору о запросе дирекции фон Мевес (Саратовский городской театр) на исключительное право постановки пьесы. 16 сентября — о таком же запросе на зимний сезон 1916/17 г. при авторских 3 р. 60 к. за акт (д. 125, лл. 15, 16).

В марте 1916 г. в Союз поступили два заявления Н.А.Тэффи:

1) “Уведомляю Союз Драматических писателей, что пьеса моя “Шарманка Сатаны” разрешена к постановке А.В.Полонскому на сцене Казенного театра в Тифлисе на условии двойных авторских. Постановки разрешаю с Пасхи. 15 марта 1916 г. Тэффи” (д. 234, л. 20);

2) “Уведомляю Союз Драматических писателей, что пьесу мою “Шарманка Сатаны” я разрешила к постановке в Ростове на Дону О.П.Зарайской и А.И.Гришину на условии двойных авторских. Исключительное право постановки принадлежит им. Тэффи” (зарегистрировано 21 марта 1916 г.; д. 234, л. 21).

На исключительное право постановки “Шарманки Сатаны” претендовал и Одесский драматический театр А.И.Сибирякова, о чем канцелярия 20 июля 1916 г. уведомила автора — Тэффи ответила телеграммой из Ессентуков 6 августа 1916 г.: “Условие Шармани (так в рукописи. — П.О.) Сибирякову пятьсот единовременно двойные авторские Тэффи” (д. 125, л. 14; д. 234, л. 25).

7 октября 1916 г. канцелярия сообщила: “От дирекции Казанского Нового театра (М.А.Смоленского) поступил запрос о том, на каких условиях Вы согласились бы предо-

ставить исключительное право постановки в этом театре пьесы “Шарманка Сатаны”. Дирекция М.А.Смоленского предлагает уплату двойного авторского гонорара. Для сведения Вашего сообщаем, что обычный авторский гонорар в указанном театре определяется 4 р. 80 коп. акт” (д. 125, л. 19). Ответ Н.А.Тэффи зарегистрирован 10 октября 1916 г.: “Разрешаю Казанскому Новому театру поставить пьесу мою “Шарманка Сатаны” на условиях оплаты мне ста рублей единовременно и обычных авторских” (д. 234, л. 26).

Значительную ценность для стационарных периферийных театров, а также для гастролирующих трупп представляли и другие пьесы Н.А.Тэффи, в том числе эстрадные миниатюры. Об этом свидетельствуют следующие заявления драматурга:

1) “На основании § 11 Устава сим заявляю, что право постановки всех моих одноактных пьес в г.Архангельске (летний сезон 1916 г.) предоставляю исключительно театру Л.Л.Пальмского. 21 апреля 1916 г. Тэффи” (д. 234, л. 22).

2) “На основании параграфа одиннадцать Устава Союза, прошу Правление Союза известить тифлисского агента, что право постановки всех моих пьес в г. Тифлисе в течение года 1916/1917 предоставлено мною исключительно театру миниатюр в лице уполномоченного дирекции г.Леонида Яковлевича Мещерина. Петроград, апреля 20 дня 1916 г. Тэффи” (д. 234, л. 23).

В 1917 г. Тэффи уведомила Союз о постановке своей пьесы “Эволюция Дьявола” в театре “Кривое Зеркало” (зарегистрировано 2 января 1917 г.; д. 234, л. 28) и сообщила о двух новых миниатюрах — “Наполеон” и “Революционные дамы” (зарегистрировано 10 июня 1917 г.; д. 234, л. 30).

В фонде имеются расчетные листы Тэффи за 1912-1916 гг. (д. 125, лл. 3, 4, 11-13), а также запрос канцелярии о разрешении постановки “Короля Дагобера” в Нижегородском Николаевском театре “с благотворительной целью в пользу общества повсеместной помощи больным и ране-

ным воинам на устройство мастерской в пользу инвалидов” (д. 125, лл. 29-30).

Приведенные материалы отчетливо показывают рост конкурентоспособности драматургии Тэффи, очерчивают “географию успеха”: Петербург, Москва, Архангельск, Ростов-на-Дону, Одесса, Тифлис, Иркутск и, наконец, Поволжье — Нижний Новгород, Саратов, Казань — что само по себе характеризует репертуарную политику российской театральной провинции. Более подробное изучение этих документов, дополненное материалами прессы, несомненно, позволит установить масштабы и причины такой популярности.

Богатую информацию об отношениях драматургов с театрами содержат и письма Шолом-Алейхема в Союз драматических и музыкальных писателей (1909-1914; д. 242): автор, в частности, озабочен качеством спектаклей, оговаривает свое право запрета, уточняет недоразумения с объявлением авторства, сообщает о новых произведениях и новых постановках прежних пьес.

Документы 1910-х годов свидетельствуют о постепенной формализации деятельности ОРДП, о сосредоточении ее — в отличие от “эпохи Островского” — в основном, в сфере финансово-юридического посредничества. Так, уже на примере Н.А.Тэффи видно, что многие театральные предприниматели предпочитали договариваться непосредственно с автором, который лишь сообщал в канцелярию о результатах переговоров.

Учетно-организаторские функции остались основными для ОРДП и в первое послереволюционное десятилетие. Документы 1918-1930 гг. — преимущественно официальные бумаги: заявления о вступлении в Общество или выходе из него, запросы об авансах и гонорарах, обширное дело о наследстве Шолом-Алейхема (1922-1929, дд. 26-31) и пр. Несмотря на разрозненность, для исследователей будут интересны автографы А.В.Луначарского, А.Т.Аверченко, Н.Я.Агнивцева, М.В.Арцыбашева, В.М.Киршона, Б.Л.Лавренева, Л.Никулина, В.П.Пудовкина, Марка Криницкого (М.С.Самыгин), Л.В.Собинова, К.И.Чуковского, М.С.Шагинян, В.Б.Шкловского, композиторов Р.М.Глиэ-

ра, С.В.Василенко, А.Т.Гречанинова и др. Наиболее полно представлен массив заявлений деятелей культуры о вступлении в Общество (в основном МОДПИК) — анкеты на бланках, где указаны адреса авторов, а также краткие списки сочинений. Приводим даты заявлений и (в ряде случаев) авторскую библиографию.

Асеев Николай Николаевич — 23 октября 1926 г. Сценарии: “Похождения мистера Веста в стране большевиков”, “Красношейка” (1924), “Черный принц” (“переработка моей поэмы под тем же названием”), “Легкая дорожка” (д. 88).

Бабель Исаак Эммануилович — 17 апреля 1925 г. Сочинения: “Рассказы И.Бабеля, читаемые с эстрады А.Я.Закушняком (Одесса, Киев, Харьков, Москва, Ленинград в ближайшее время) и другими исполнителями” (д. 89).

Бедный Демьян (Придворов Ефим Алексеевич) — 16 июля 1926 г. (д. 91).

Брик Осип Максимович — 20 ноября 1926 г. Сценарий “Отец и сын” (“готовится к постановке в “Межрабпом-Русь”) (д. 92).

Голейзовский Касьян Ярославич — 20 февраля 1925 г. (д. 93).

Жаров Александр Алексеевич — 14 сентября 1926 г. Сочинения: “Ряд стихотворений, исполняющихся с эстрады, пьеса “Тимошка-гармонист” (д. 97).

Залка Матэ Михайлович — 20 марта 1928 г. (д. 98).

Караваева Анна Александровна — 5 июля 1928 г. (д. 99).

Катаев Валентин Петрович — 18 мая 1927 г. Сочинения: “Растратчики” (“написана в декабре 1926; премьера — МХАТ-1, 1 июня 1927”), “Атлантида” (“оперетта в 3-х актах, совм. с Евг. Ценским; написана в декабре 1924, поставлена в Моск. театре оперетты”) (д. 100).

Клычков Сергей Антонович — 16 июля 1926 г. Сочинения: “Чертухинский Балакин” (переделка романа). Литературно-драматическая сказка в 4 д.; “Мокрые окопы” (переделка “Сахарного немца”) (д. 101).

Мандельштам Осип Эмильевич — 28 мая 1924 г. Сочинения: “Старый Кромдейр” Жюль Ромэна. 5-актная драма в стихах. Перевод подписан фамилией” (д. 102).

Маршак Самуил Яковлевич — 1 января 1926 г. Сочинения: “Гуси-лебеди” (совм. с Н.С.Пятницкой), “Козел”, “Кошкин Дом”, “Петрушка”, “Опасная привычка”, “Зеленый-Мяч”, “Золотое колесо”, “Цветы маленькой Иды”, “Волшебная палочка”, “Сказка про лентяя”, “Горе-Злосчастье”, “Финист Ясный Сокол”, “Таир и Зоре” — “все совм. с Е.И.Васильевой”.

Принято к постановке — “Морковный король” (д. 103).

Порофьев Сергей Сергеевич — 1 августа 1924 г. (д. 107).

Сельвинский Илья Львович — 27 апреля 1928 г. Сочинения: “Улялаевщина”, “Вор”, “Мотыга-малхамувес”, “Цыганская 2-я”, “Цыганский вальс на гитаре”, “Цыганская рапсодия”, “Тройка”, “Бронза” (начиная с “Цыганской 2-й” уточнение — “Исполнялись с эстрады московскими артистами Каминской, Рубинчик, Максимовым, Ковнер и др. в Москве и провинции”), “Пушторг” (пролог), “Записки поэта” (эпиграммы, стихи и пр.) (д. 109).

Тынянов Юрий Николаевич - 21 апреля 1926 г. Среди сочинений указаны сценарии “Шинель” (“киноповесть в манере Гоголя”), “SVD” (Союз великого Дела — Декабрист Сухинов и провокатор Медокс), совместно с Ю.Оксманом (д. 111).

Чуковский Корней Иванович — 23 июля 1924 г. (д. 112).

Шостакович Дмитрий Дмитриевич — 16 февраля 1926 г. (д. 115).

В фонде имеются также анкеты В.М.Бахметьева, Эдмунда Мейзеля (на нем. яз.), С.Я.Парноха, А.И.Свирского, Эрнста Толлера, Н.К.Чуковского, А.М.Ширванзаде, композиторов А.Т.Гречанинова, А.А.Давиденко, С.О.Дунаевского, З.М.Палиашвили.

* * *

Среди документов из собрания владельцев встречаем записки А.Т.Аверченко и Л.В.Собинова, письма С.Н.Дурьлина к Н.К.Пиксанову и Б.А.Лавренева — П.Г.Антокольскому. Наиболее интересны в этом разделе: письмо Андрея Белого к В.О.Станевич (д. 277) — об условиях издания книги “Кризис сознания”; “Информация о себе” Н.Н.Евреинова (д. 281), а также публикуемая ниже заметка Сергея Митрофановича Городецкого — рассуждение об особенностях творческого процесса (д. 279):

“Современное литературное творчество слишком зависит от бумаги, чернил и пера. Творческий взлет ежеминутно оскорбляется обмыванием пера, концом страницы, перелистыванием листов. Как бы быстро ни пиши, перо не поспевает за мыслью. (Существует даже у матерых писателей болезнь, заключающаяся в том, что они вдруг пишут слова и буквы раньше, чем до этих слов и букв дойдет очередь).

Ход моей работы я располагаю так, чтобы по возможности ослабить зависимость творчества от записывания. Не раньше я беру бумагу, чем получу ощущение, что вещь, подлежащая записыванию, в своем целом готова. Если я внимателен, то все сводится к переводу с молниеносного языка мысли на медленный язык слов, довольно легкому и приятному. В силу этого я прозу пишу всегда начисто, и по большей части без поправок. Иное дело стихи. Не всегда удается уловить стихотворение в стадии полной готовности. Часто приходится записывать первоначально скелет стихов, а потом, ветошка за ветошкой, доводить их до полной воплощенности. Иногда это длится годами. Рукописи моих стихов испаутинены поправками — за исключением тех счаст-

ливых стихотворений, которые рождаются внезапно, почти без моего участия.

Но как ни трудно записыванье, я никогда его не променяю на диктовку автомату или стенографу, ибо произнести мысль еще вреднее для ее целомудренного рождения, чем записать. Я замечал, на работе других, что продиктованные вещи фальшивы, и как раз в этом смысле я понимаю стих “мысль изреченная есть ложь”. От произнесения мысль искажается, и на изучении этой абберации (так в тексте. — П.О.) построено ораторское искусство, столь чуждое литературному.

Сергей Городецкий”.

Рукопись не датирована, но, судя по подчеркнутому вниманию к писательскому “инструментарии”, по серьезно-игровой сосредоточенности на проблемах “технологии” труда поэта, ее можно предположительно отнести к концу 20-х годов. Эта гипотеза подтверждается и интонацией дружеского совета именитого мастера, обращенного к начинающим коллегам.

Почти через полвека поэт Городецкий, не зная того, отверг давнее предложение драматурга-ремесленника Лобанова о непременном признании за оратором литературного таланта! И в этой непроизвольной полемике видна закономерность: оставляя теоретические рассуждения, по завету Островского, “без последствий”, Общество русских драматических писателей и оперных композиторов за все шесть десятилетий своего существования старалось (с большим или меньшим успехом) обеспечить принадлежность “мысли изреченной” Искусству — и литературному и сценическому. Воплотить мечту могли лишь сами художники, а ОРДП старалось им помочь: освободив от затруднительных расчетов, поощряя удачи, распространяя новинки по необозримой российской провинции. Общество верно служило созданию культуры. Деятельность его, несомненно, достойна подробного изучения, в котором, надо надеяться, займут свое место документы, хранящиеся в Государственном Литературном музее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Обзор деятельности Общества русских драматургических писателей и оперных композиторов за 25-летие его существования. 1874-1899. — М., 1899, с. 9-10.
2. Там же, с. 5-6.
3. Там же, с. 10, 19.
4. Там же, с. 14, 16.
5. Там же, с. 16.
6. ЦГАЛИ СССР. Путеводитель. — М., 1975. Вып. 4. С. 379-382.
7. Литературное наследство. А.Н. Островский. Новые материалы и исследования. М., 1974. — Т. 88, книга 1. С. 206-214.
8. Апушкин В.А. Скобелев о немцах. Его заветы славянству. — М., 1914, с. 88.
9. Рукопись повреждена.
10. Сборник театральных пьес Д.И. Лобанова. — Спб., 1879.
11. Брокгауз—Ефрон. Энциклопедический словарь. — М., 1900. Т. 59, с. 215-216.
12. Новое время, 1907, № 11105, 10 февраля, с. 14.
13. Телеграф, 1907, № 20, 11 февраля, с. 5.
14. Речь, 1909, № 273, 5 октября, с. 3.
15. Рампа и жизнь, 1915, № 7, 15 февраля, с. 7-8; Русские ведомости, 1915, № 34, 12 февраля, с. 6 (рец. Н.Эфроса); Театр, 1915, № 1643, 13-14 февраля (подп. "Н.Пасмуров").
16. Театр и искусство, 1915, № 14, 5 апреля, с. 246.
17. Глаголин Борис Сергеевич (1879-1918) — ведущий актер театра А.С.Суворина.
18. См.: Театр и Искусство, 1915, № 51, с. 969.
19. Новое время, 1916, № 14369; Театр, 1916, 4-5 февраля, № 1825; Русское слово, 1916, 3 марта, № 51; Русские ведомости, 1916, 3 марта, № 51.
20. Новое время, 1916, № 14622; Обозрение театров, 1916, № 3282, 18 ноября.

Л.А.Рязанова

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ М.М.ПРИШВИНА

В фонде Н.И.Замошкина¹ хранится рукопись неопубликованной статьи М.М.Пришвина “Чистка критика” и неопубликованное письмо Пришвина к Л.А.Авербаху² (ф. 49, оп. 2, д. 75).

Этот период в жизни и творчестве Пришвина — один из самых трудных. Он связан с трагическими событиями в стране, вызванными проведением принудительной коллективизации в деревне и, одновременно, уничтожением памятников искусства, закрытием церквей, гибелью, по слову Пришвина, “живых организованных личностей”. Творчество самого писателя подверглось резкой критике со стороны представителей господствовавшей тогда литературной группировки РАПП. В конце 1930 г. в периодической печати одна за другой появились враждебные статьи, рассматривавшие творчество Пришвина с точки зрения его политической благонадежности³. Ему инкриминировался уход от классовой борьбы, воспевание старины как один из способов борьбы против советской культуры и т.п.

Критические нападки были вызваны еще и борьбой, которую вел РАПП против литературной группы “Перевал”. Среди членов этой группы значился и Пришвин.

Хотя к творческим идеям “Перевала” писатель относился сочувственно, появление его имени среди участников этой группы было случайным. Это подтверждается свидетельством старшего сына писателя Л.М.Алпатова-Пришвина⁴. 12 ноября 1930 г. Пришвин делает запись в дневнике. Видимо, она явилась черновым наброском статей, которые он в это время писал, защищаясь от нападков рапповцев.

Одна из них под названием “Нижнее чутье” была опубликована 9 января 1931 г. в “Литературной газете”. Вторая — “Чистка критика”, хранящаяся в фондах ГЛМ, ни в одном библиографическом указателе по творчеству Пришвина не значится. О том, что эти две статьи писались одновременно и даже имели одно и то же название, видно из содержания публикуемого ниже письма Пришвина к Авербаху:

<22 декабря 1930 г. Загорск>

Уважаемый тов. Авербах!

Посылаю Вам статью мою “Чистка критика”, которую прошу Вас напечатать в одном из редактируемых Вами журналов. В “Литер[атурной] газете” под таким же заглавием я по-иному отвечаю т. Григорьеву и вместе с тем отказываюсь от “Перевала”, в котором, впрочем, фактически никогда и не был⁶. Я совсем, совсем не такой, как представляет меня т. Григорьев и вот мне вздумалось (по требованию друзей-читателей) этому профессору намылить голову. Мне думается, раз ему позволяют чистить меня, то почему бы и мне тоже его не почистить.

Если встретится необходимость в поправках, то давайте о них лично переговорим. Напишите только мне о дне и часе встречи дня за два, а то почта у нас пошаливает.

С уважением

М.Пришвин

Содержание публикуемой статьи Пришвина “Чистка критика” сохраняет всю актуальность и по настоящий день и является важным литературным документом творческой биографии писателя.

В публикации сохранена орфография подлинника.

М.М.Пришвин

Чистка критика

Непониманием и ругательством встречала критика даже и Толстого с его “Анной Карениной” и Достоевского. Но в то время книга начинала свой путь в очень узком кругу и создаваемая критиком легенда не могла принести большого вреда. Теперь же состряпанная

легенда, скоро драпируясь в знание, может прямо-таки отнять всякую охоту к работе у писателя. Раньше писатель мог работать, не обращая внимания на критиков. Кто из нас теперь только писатель? Вот я каждый год несколько раз выступаю в Загорске в педтехникуме с чтением чего-нибудь нового своего, конечно, подходящего молодежи. Всегда выходило отлично и то маленькое общественное дело ходом своей этики побуждало к работе и давало своего рода барыш.

В нынешнем году я читал буквально о наших достижениях в пушном деле, свой очерк "Зооферма"⁷. И вот во время диспута выяснилось, что Пришвину верить нельзя, что Пришвин принадлежит к полуполюгальной и опасной организации — "Перевал" и т.д. Попробуй, докажи тут, что ты не верблюд! При этом цитировалась какая-то неизвестная мне статья М. Григорьева⁸. Согласитесь, что кто-то из нас двух, он или я, настоящий вредитель.

Должен сказать, что когда я писал предшествующую статью, отправляемую мной в "Литературную газету", у меня не было мысли о вредительстве, потому что статью т. Григорьева я не мог нигде достать и отвечал по рассказу о ней моего добросовестного осведомителя. А теперь я достал ее и понял, что надо зарядить свое ружье картечью, как по волкам, а не бекасинником.

Прежде всего спрашиваю, какое право имеет М. Григорьев взять в кавычки марксизм Алпатова?⁹ Ведь нет же никакого сомнения, что "Кашеева цепь" не только автобиографична, а даже есть настоящее признание. Алпатов, кстати, в Ельце это уличная кличка Пришвиных — списан и выплавлен мною по материалам жизни марксиста М. Пришвина, принадлежавшего к рижской организации "школа пролетарских вождей"¹⁰. Названная организация возглавлялась ныне здравствующим ветераном революции небезызвестным Василием Данилычем Ульрихом (мы его звали просто "Данилыч", как это и осталось в книге "Кашеева цепь"). Сын Василия Данилыча, тогда для нас Вася, ныне тоже небезызвестный Василий Васильевич Ульрих, вероятно может подтвердить, что это было нешуточное движение, не студенческое только. Нас всех тогда предал член нашего кружка Осип Долгих. Сцена предательства вплоть до обморока Софьи Федоровны, жены Василия Данилыча, воспроизводится с натурой.

Дело наше вел знаменитый прокурор Трусевич, точно описано мной. Сидели мы в Митаве в образцовой тюрьме, режим которой известен всем революционерам. Все мы были разосланы, и я после ссылки уехал за границу, в Лейпциг. Химией занимался с великой

страстью, как теперь литературой. На дуэли хотя не дрался, но близок был к тому и т.д. и т.д. — все правда, вплоть до, соглашаюсь с т. Григорьевым, невольно обиженной мной “Иной Ростовцевой”.

Юношеская моя вера во всемирную катастрофу, как у Бебеля, носила исключительно фанатический характер и не имела ничего общего с тем, что одновременно было “у меньшевиков” (в те времена не было еще разделения идейного, но психологически оно предсуществовало), в кружках Струве и Туган-Барановского. Это был у нас архаический, как бы максималистский марксизм.

Я утверждаю, что художественно труднейшая задача отобразить первоначальное “Капитала”, который, напр<имер>, я сам про себя и с рабочими прочитал семь раз и все три тома, выполнена мною очень хорошо в “Кашеевой цепи” и останется в истории литературы документальной главой. Теперь, естественно, у многих утрачивается в памяти то время, но старые большевики отлично поймут происхождение моей “романтики”. И.И.Скворцов¹¹, напр<имер>, которого я никогда не видал, вероятно, за эту органичность мою высоко ценил мою литературу и печатал такие мои вольности, каких бы он не допустил для других. Позвольте, а разве плохо изображен в противовес романтическому марксизму Алпатова другой тип аскетического марксиста Ефим Несговоров, списанный мной с друга моей юности, Николая Александровича Семашко¹², с которым мы когда-то читали тоже вместе “Капитал” в другом, еще более раннем, елецком, марксистском кружке.

Когда все это кипело и горело, создавая нынешнее время, где был тогда профессор литературы Григорьев, ныне берущий моего марксиста в кавычки? Молод он или стар? Может быть просто молод и все это было до него. Или так стар, что прошел мимо всего? Молод или стар профессор? Мне думается, он средних лет и должен все понимать, раз взялся судить.

“Кашеева цепь”, которую писал я шесть лет, теперь не моя и я могу быть сам ее критиком. Итак, в лице Алпатова и Ефима Несговорова представлены “романтический” и “аскетический” марксизм. Затаенно, как я думаю, и Ефим тоже романтик, в том смысле, как я понимаю эту еще не совсем определившуюся, скажем, силу. И не только Ефим-Семашко, а и все известные мне большевики.

Да, у всех была своя Марья Моревна¹³. Если я чуть пристегну свою память, то могу найти Марью Моревну сейчас, наблюдая рабочую среду и крестьянскую, где хотите, наверно, и в колхозе даже. Без

Марья Моревны, то-есть, без чистого отношения к женщине, вся любовь есть случка. Все мои читатели в письмах признают реальность и необходимость Марьи Моревны. Она была, наверно, и у Ивана Ивановича Степанова-Скворцова, и у Николая Александровича Семашки, у всех нравственно здоровых людей. И, воистину, надо быть профессором литературы, чтобы представить ее Блоковской мистической дамой! Когда я написал свою первую книгу “В краю непуганых : птиц” и открыл себе путь в искусство слова, Н.А.Семашко приезжал, вероятно, нелегально, из заграницы и мы с ним ночевали тайно в одной комнате: он — напряженный революционер, человек исключительно долга, я — вольноотпущенник революции: да, все революционеры, по традиции декабристов и Пушкина, когда мы, художники, уходили в искусство, смотрели на этот уход как-то снисходительно, но дружба оставалась.

Мне было все-таки тяжело молчать с Семашкой или говорить о пустяках. Я долго и так упорно и так настойчиво уверял Семашку, что писание становится моей жизнью и т.п., что добрый Николай Александрович в свою очередь стал вроде как бы оправдываться в том, что он не служит искусству. Мне осталась очень памятной его фраза: “— Да, да, но вот если бы меня разобрать с этической стороны, вот бы я тут тоже...” Он хотел сказать: “тоже, да, в этике можно быть тоже красивым”. Но он ничего не сказал.

И мы разошлись, он доканчивать взятое нами вместе когда-то на себя дело, я же делать свое искусство таким же сильным, как и всякое жизнетворчество. Но, конечно, к последнему (жизнетворчеству), к тому, что высказано в “Кашеевой цепи” (последняя глава), я пришел нескоро. Весь мой литературный путь сопровождался угрызением совести за дезертирство с революционного фронта и отсюда — моя вечная оглядка на общественность, моя коренная связь с землей, с трудящимся человеком. Связь моя с символистами была исключительно на почве моего любопытства, кружок Мережковского видел во мне прежде всего человека земли, представителя революции. Я учился у них хорошо писать, но чувствовал себя там всегда очень чужим.

Жизнь проходила из года в год, сопровождаясь литературными достижениями, с угрызением совести за дезертирство, в сгущении слов вследствие этого “до физической силы”. Наивность моя отчасти объяснялась и тем, что я вышел не из литературной семьи и, как дикарь, принимал литературу за веру... Много всего было, много ошибок...

Теперь, если смотреть на меня как на революционера, конечно, очень плохой я политик, но революционность моя в области литературного творчества очень большая, книги свои я с себя сбрасываю, как изношенное платье, и всегда в новом живу. Мало-помалу на этом пути я вовсе разошелся в своем сознании с преимуществами интеллигенции и, в частности, литературного труда. Я убедился на фактах, что если я не буду писать, то моя творческая энергия сейчас же трансформируется, и я начинаю творить новое в другой области.

Исходя из этого опыта, я и написал книги свои о жизнетворчестве, наверно, очень наивные, но и очень искренние. В них, конечно, бездна всяких ошибок, но нет на свете ни одной книги, в которой бы не было бездны ошибок. Я пишу это потому, что не хочу, чтобы к моей бездне прибавлялась другая бездна ошибок профессора Григорьева. Напр<имер>, по-моему, совсем не надо быть профессором литературы, чтобы понять “природу”, в которую уходит Алпатов: одного слова “природа” достаточно, чтобы в профессоре ассоциировалось непротivление злу, пустыня, отъединение и т.п. Для всех же других смертных понятно, что природа взята автором “Кашеевой цепи”, как среда Кашея, что Алпатов не только не пассивен в природе, а вступает в борьбу с самим Кашеем и даже побеждает его в творчестве, соединенном с весенними силами природы.

Алпатов даже ведь сделан у меня инженером и начинает свое строительство в “народе”, который взят, конечно, не в смысле национальной особи, а некоего коллектива трудящихся людей.

Когда я писал “Кашееву цепь”, то все соединял: и революционный аскетизм Несговорова и животный романтизм Алпатова, детскую свою Марью Моревну и невесту Ину Ростовцеву, — мне казалось, что я творю в настоящем из прошлого в будущее.

В заключение смешное: во время писания был я совершенно уверен, что когда я кончу, то непременно начнется общее радостное согласованное жизнетворчество. Пришлось помириться с меньшим значением книги и с колоссальным вредительством Кашея Бессмертного. Мое восприятие Кашея, самое сильное в жизни, было, несомненно, от учителя математики В.В.Клушина в Ельце, когда он, презрительно покачивая одутой, зеленой головой подагрика, спрашивал меня:

— Мать есть?

— Есть! — отвечал Курымушка.

— Несчастливая мать!

Мы звали этого учителя Коровья Смерть, и вот теперь через статью Григорьева опять я чувю тот же вопрос, как будто вся большая трудная жизнь пошла только на то, чтобы учитель сделался профессором. Ведь до какого же курьеза можно договориться профессору, совершенно не понимающему автора. Он цитирует мой рассказ “Белая собака”¹⁴, в котором изображается самосуд над ничем неповинным человеком, с тоскливым предчувствием, что “вот и до меня так дойдет”. И вот М.Григорьев подмигивает мне, что теперь дошло... Так он представляет себе жизнь писателя в советской стране.

Между прочим, рассказ этот “Белая собака” в моей литературе фатально повторяется. Во время дела Бейлиса, в Новгороде меня приняли за “жида” и обвиняли в том, что я замуровал убитого мной младенца. Был вскрыт пол и найдена мертвая крыса, от которой и шел трупный запах. Я чуть не сделался жертвой страшной легенды. Тоже, как брюнет, за “жида” стоял я в Ельце у стенки во время нашествия Мамонтова и это было так серьезно, что я до сих пор не могу превратить переживание в рассказ.

А Кашей разве не есть та же самая легенда зла и смерти, которых вовсе не существует, если только человек во всей возможности своих сил возьмется за жизнетворчество?

По мере своих сил я вечно работаю над освобождением той или другой жизненной особи от пут Кашея. Вчера, например, для издательства “Молодая гвардия” писал рассказ об осле¹⁵, который никогда не был “ослом”, а страдал из-за выдуманного кем-то “осла”. Сегодня я разрабатывал исследовательские свои материалы о пауке и буду скоро доказывать, что он вовсе не такой кровопивец, как о нем сложилась легенда, и скорее похож на бедного ткача. Мне бы хотелось тоже этой статьей освободить критику от профессора Григорьева.

Михаил Пришвин.

Загорск. 22 декабря 1930 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Николай Иванович Замоскин (1896-1960) — литературный критик, автор статей о творчестве А.М.Горького, М.М.Пришвина, А.Н.Толстого, С.Н.Сергеева-Ценского. Был членом литературной группы “Перевал”.

2. Леопольд Леонидович Авербах (1903-1939) — критик, публицист, литературно-общественный деятель. В 1926-1932 гг. был редактором журнала “На литературном посту”, генеральный секретарь РАПП.

3. В журнале "На литературном посту" (1930, № 8) была опубликована статья М.Григорьева "Бегство в Берендеево царство"; в журнале "Красная новь" (1930, № 9-10) статья А.Ефремова "Михаил Пришвин"; в "Литературной газете" (1930, № 57, 4 декабря) статья того же М.Григорьева "Пришвин, алпатовщина и "Перевал", продолжающая его журнальную статью.

4. *Алпатов-Пришвин Л.М.* Из воспоминаний о М.М.Пришвине. Дальний Восток, 1957, № 1, с. 104-113.

5. *Пришвин М.М.* Собр. соч. в 8 т. — М.: Художественная литература, 1986. — Т. 8, с. 221-222.

6. Статья была опубликована под названием "Нижнее чутье".

7. Очерк "Зооферма" впервые был опубликован: Новый мир, 1931, № 1.

8. *Михаил Степанович Григорьев* (1890-?) — литературовед, окончил Петербургский университет, с 1922 г. — профессор Высшего литературно-художественного института, организованного В.Я.Брюсовым. Автор работ по вопросам теории литературы, драматургии А.П.Чехова и А.М.Горького.

9. Алпатов — главный герой автобиографического романа "Кашеева цепь".

10. Подробнее об этом периоде в жизни писателя см. в книге: Пришвина В.Д. Путь к Слову. — М., 1984, с. 53-72.

11. *Иван Иванович Скворцов-Степанов* (1870-1928) — государственный и партийный деятель, историк, экономист. Входил в первый состав советского правительства. Переводчик и редактор русского издания "Капитала" К.Маркса (т. 1-3, 1920).

12. *Николай Александрович Семашко* (1874-1949) — партийный и государственный деятель, организатор советского здравоохранения. Друг Пришвина по Елецкой гимназии, где они вместе учились. Под влиянием Семашко будущий писатель стал членом первых подпольных марксистских кружков в Ельце.

13. *Марья Моревна* — сказочный образ "неоскорбляемой" женственности, ставший одним из центральных в творчестве Пришвина. Подробнее см.: Пришвина В.Д. Путь к Слову, с. 34-38.

14. Рассказ "Белая собака" входит в цикл "Календарь природы". Впервые опубликован: Огонек, 1929, № 2.

15. Рассказ, о котором идет речь в статье, в библиографии писателя не значится.

*Н. А. Виноградова,
Ю. Н. Иванов*

ОБРАТНЫЙ АДРЕС:

1 ул. ЖАКА ОФФЕНБАХА. ПАРИЖ...
(Письма В. Н. Муромцевой-Буниной к П. Л. Вячеславу.
1959-1961 гг.)

Отдел рукописных фондов недавно пополнился документами из архива поэта и литературоведа Павла Леонидовича Вячеслава (1911-1966), сохранившимися в коллекции Е. Ф. Никитиной.

П. Л. Вячеславов родился в г. Усть-Сысольске Вологодской губернии (ныне г. Сыктывкар) в семье учителя. Печататься начал с 1926 г., сначала в местных газетах, а затем, после переезда в Москву (1929 г.), в центральных журналах ("Красная новь", "Новый мир", "30 дней" и др.). В 1931 г. в издательстве "Федерация" увидел свет первый сборник его стихов — "Уровень". В 30-е годы поэт в основном работал над переводами произведений литераторов братских республик. В 1942 г. вышел второй сборник — "Думы о Родине".

После войны Вячеславов выступает как литературовед. При его участии в Гослитиздате уже в 1945 г. был подготовлен к печати однотомник произведений И. А. Бунина, который, к сожалению, тогда не был издан¹. Эта работа положила начало многолетней текстологической и исследовательской деятельности Вячеслава, связанной с творчеством И. А. Бунина и подготовкой его изданий.

В 1956 г. приложением к журналу "Огонек" издается пятитомное собрание сочинений И. А. Бунина. Его составителем и автором комментариев был Вячеславов.

Успешной работе при подготовке этого издания немало способствовали материалы, присланные из Франции вдо-

вой И.А.Бунина — Верой Николаевной Муромцевой-Буниной (1881-1961).

В.Н.Муромцева-Бунина в течение 46 лет была верной спутницей жизни писателя, а после его смерти сама обратилась к литературному труду, посвятив его, как и всю свою жизнь, Бунину.

В 1958 г. она выпустила в Париже книгу “Жизнь Бунина”, высоко оцененную специалистами. Книгу эту получили от Веры Николаевны многие исследователи творчества Бунина в нашей стране.

Один из экземпляров издания В.Н.Бунина прислала П.Л.Вячеславу. Павел Леонидович откликнулся горячим благодарственным письмом, в котором, между прочим, писал: “Обилие фактического материала, ценнейшие замечания, мельчайшие памятки прошлого, не умершие вместе с И.А., а сохранившиеся для нас в его записях, использованных впервые именно Вами, а не посторонним биографом — все это делает книгу в 170 страниц поистине томов премногих тяжелее, которая не будет иметь себе равных. Хороший подарок Вы сделали всей нашей литературе, почитателям таланта Бунина, исследователям его творчества. Спасибо Вам за это!”²

Ответное письмо Веры Николаевны и начало ее переписки с Вячеславовым датировано 30 января 1959 г. Переписка эта продолжалась два с небольшим года вплоть до кончины В.Н.Буниной в апреле 1961 г.

В архиве П.Л.Вячеслава имеются 25 писем Веры Николаевны и копии 29 его писем, адресованных в Париж на улицу Жака Оффенбаха.

Вера Николаевна вела переписку со многими. “Мне нужно ответить на 27 писем!”³ — замечает она в одном из посланий к П.Л.Вячеславу. Для старого большого человека это был нелегкий труд. И исполняла его Вера Николаевна до последних дней жизни.

Подготовка к изданию и публикация произведений Бунина в СССР, и все, что в те годы писалось о Буinine, глубоко волновало Веру Николаевну и встречало с ее стороны горячий отклик и готовность помочь людям, причастным к этой работе. “Мне всегда приятно оказать любез-

ность тому, кто действительно любит и понимает творчество Бунина”⁴, — писала Вера Николаевна.

Сохранить в чистоте образ Бунина-художника, его наследие, открывающееся перед новым читателем на его Родине, — таким стремлением продиктованы страницы писем В.Н.Буниной, адресованные П.Л.Вячеславу.

В свою очередь, работая над книгой воспоминаний “Беседы с памятью”⁵, Вера Николаевна охотно прибегала к помощи своего московского корреспондента в тех случаях, когда требовалось уточнить дату или какие-то обстоятельства, связанные с описываемыми ею событиями.

Мы публикуем несколько наиболее значительных писем В.Н.Буниной из архива П.Л.Вячеславова (ф. 329, оп. I, д. 96) полностью, а также отрывки из писем, в которых речь идет о Бунине и его творческом наследии.

№ 1

Париж, 30 января 1959 г.

Многоуважаемый Павел Леонидович,

Спасибо за письма. Давно хочу ответить на первое от 30.XI, но все не было времени исполнить Ваши просьбы, а вчера получила письмо от 26 января. “Жизнь Арсеньева”⁶ я вышлю Вам, — сегодня поеду в “Дом Книги”, куплю и внесу в нее поправки Ивана Алексеевича. Посылаю Вам в этом письме два стихотворения: “Только камни, пески...” и “Маргариту”. Посылаю также и “Звено” 31-32 с рассказом “Крем Леодор”⁷.

Еще не успела просмотреть “Новый Журнал”⁸ — какие произведения Бунина печатались в нем. Об этом отвечу в следующем письме.

Постараюсь найти даты стихов в книге “Митиной любви”⁹.

Вы не представляете, как мне трудно работать. Нужно писать дальше, нужно отвечать на письма по поводу “Жизни Бунина”, а тут еще пришли Праздники, Новый Год, много поздравлений, тоже нужно отвечать, а силы уже не те, — быстро устаю, должна днем отдыхать.

Спасибо, что известили о получении книги стихов¹⁰, я уже боялась, что она не дошла до Вас.

Очень рада, что сдаются в набор новые для Вас рассказы, особенно я люблю “Поздний час”, “Таню” и “В Альпах”, какое во всех них мастерство! В каждом рассказе свой ритм.

Перечитала сейчас статью Л. Крутиковой¹¹. Кто она такая? Каких лет? Сделаю пока и, конечно, только для Вас два возражения: Горький не влиял на Бунина, как на писателя¹², — слишком они разные, а поддерживал его, как и многие друзья, когда он стал печатать “Деревню”, на которую ополчились народники во главе с “Русским Богатством”, особенно старались два критика: Редько и Коробка.

Мне же Алексей Максимович говорил: — Мы все должны учиться у Ивана Алексеевича. Он должен пережить славу. Очень несправедливое отношение к нему, как к писателю.

И в то же время Горький писал в каком-то демократическом журнале: “Читайте Муйжеля”¹³. Он понимал, что Бунин и труден и не тенденциозен. Обо всем этом будет в моей книге “Беседы с памятью”.

От других возражений пока воздержусь, кроме одного: уехал Иван Алексеевич в эмиграцию не по дворянским мотивам¹⁴. Из “Жизни Бунина” Вы знаете, что с дворянским классом он не имел никаких отношений. Уехал он прежде всего потому, что душа его не выдержала ужасов революции. Ведь в эмиграцию ушли не только дворяне, а и казаки, и крестьяне, и купцы, и всякие разночинцы. Ушли и революционеры. Это очень сложный вопрос и очень тяжелый, а у вас рубят с плеча.

Желаю Вам плодотворной работы, здоровья и радостей.

В.Бунина.

№ 2

Париж, 18.II.<19>59 г.

Многоуважаемый Павел Леонидович,

Высылаю Вам “Крем Леодор”¹⁵, — это крохотный рассказ.

Простите, что задержалась с ответом.

Я так дурно чувствовала себя последнее время, что наконец решила сделать анализ крови, — это мое самое слабое место.

Оказалось, что у меня недостает красных шариков и переизбыток белых. Вот и объяснение моей невероятной усталости.

Я начала лечиться — уколы, лекарства, частый отдых. Ликвидую по-немногу свои дела, то есть отвечаю на письма и доотправляю свою книгу.

“Жизнь Арсеньева” после издания в “Чех.Изд.” Иван Алексеевич, кажется, не исправлял, и оба мои экземпляра без помарок. Может быть, когда я отсылала все его книги в Россию, то не внесла в свои

экземпляры его поправок. Посмотрите там, где хранятся у вас его книги. Мне кажется, он не перечитывал последние годы эту книгу¹⁶. Редактировал более давние. По получении Вашего письма я сразу же поехала в "Дом Книги", но там "Ж.А." не оказалось, а это далеко от нас. Собралась в более близкий магазин и там купила. Сегодня отошло вместе с письмом и "Кремем Леодор".

Последние дни стоял туман, от которого многие страдали, участились бронхиальные заболевания.

Сегодня ясно и холодно. Это приятно.

Желаю Вам здоровья, хорошей работы и успехов.

С сердечным приветом

В.Бунина

По почерку видно, что я нездорова.

№ 3

29 июня 1959 г.

Париж,

Дорогой Павел Леонидович,

Спасибо Вам за Ваше интересное письмо, за "Наш современник"¹⁷, за Вашу с Л.В.Крутиковой фотографию, за цветочки и стихи¹⁸. Мне кажется, что они принадлежат Ивану Алексеевичу, у него есть на эту же тему.

Я счастлива, что Бажинов¹⁹ наконец имеет мою книгу. Он был так мил, что известил меня о получении телеграммой.

И Л.В.Крутиковой, и Д.Д.Благому²⁰ я книги пошлю, к сожалению Вы не написали, как зовут последнего. Дмитрий Дмитриевич или Давид Дмитриевич? или еще как? Книга для Людмилы Владимировны уже надписана. Завтра, вероятно, я ей пошлю.

Очень меня трогает Ваша общая любовь к творчеству Бунина. Ах, если б он знал об этом! А, впрочем, вероятно, знает... Но жаль, что при его жизни ему так не писали²¹.

Как мне хотелось бы быть с Вами именно в Невской Лавре... Цветочки положу в книгу избранных его стихов.

Хорошо Вы написали о Страстной и Пасхальной ночи. У меня в этом году ее не было. Я уже четыре раза проводила Пасхальную ночь на кладбище, ставила свечи на могиле Ивана Алексеевича и других друзей и знакомых, похороненных на этом поэтическом кладбище,

оно в цветах и деревьях, а рядом католическое — одни памятники и искусственные венки и цветы...

“Дарю”²² от нас довольно далеко. Нужно ехать, если на автобусе, то с пересадкой. Мы живем в двух шагах от Булонского леса, где я теперь ежедневно почти бываю по предписанию врача. Но много ходить не рекомендуется, больше сижу, хотя хожу до сих пор легко и быстро. От молодости осталась у меня лишь походка...

Пока я не работаю, пишу ответные письма, накопилось у меня их много. Очень быстро утомляюсь. Одно письмо, и нужно лежать... начинается болеть спина.

На прошлой неделе в среду уехал в Шотландию, вернее, улетел Л.Ф.Зуров²³, который живет со мной, как жил у нас и при Иване Алексеевиче. Если хотите, он пришлет Вам свою книгу “Марьянка”. Бабореко и Смирнов²⁴ отозвались о ней очень хорошо, почувствовали ее по-настоящему. Мне кажется, что она Вам тоже должна быть по душе. Иван Алексеевич пригласил его к нам в Грасс, прочтя две первые его книги, оценив его художественный талант, а “не только литературный”...

<...>Письмо от Александра Ивановича из Москвы или Голицына не дошло до Жак Оффенбах. Это жаль!²⁵<...>

№ 4

24 июля 1959 г.

Le Monteil.

Дорогой Павел Леонидович,

Сегодня получила Ваш вызов (телефонный) из Парижа.

Я неделю тому назад, 17 июля, приехала в очаровательный уголок Франции департамента Соггазе. Живу у Друзей, в Шато²⁶. Тишина изумительная. Полное уединение. Я в такой природе давно не жила. Явилась надежда, что поправлюсь. Пробуду здесь до 4 августа.

Напишите, в чем дело? Можно и сюда, если сразу напишете, а если помедлите, то на парижский адрес. Я некоторое время пробуду там. Надо сделать 5-й анализ, повидаться с моим врачом. В конце августа надеюсь поехать в Швейцарию, пол-месяца прогущу у Конюс²⁷ на берегу Фирвальшtedского озера. А затем, вероятно, недели две во французской Швейцарии, в ней я была в 1937 году с Иваном Алексеевичем...

Дошли ли до Вас три книги? Получили ли и мой авион из Парижа? Сюда мне не пересылают письма, адресованные на rue Jacques Offenbach или, как мы называем на “Яшкину улицу”. На ней всего два дома, в нашем когда-то жило много русских, среди них и Куприны. Мы впервые поселились в него в августе 1920 года, то есть тридцать девять лет назад! Страшно даже писать. Жил в нем и Алданов²⁸, тоже недолго. Теперь осталось только три русских квартиры, одна вдовы художника П.А.Нилуса²⁹, несколько комнат для прислуги занято тоже русскими<...>

№ 5

Le Monteil, 28.VII.<19>59 г.

Дорогой Павел Леонидович,

У меня огромная просьба к Вам: не могли бы Вы просмотреть газеты “Русское слово” и “Русские ведомости” за ноябрь 1906 года.

Не знаю, писала ли я Вам, что у меня пропала рукопись (на машинке) от 4 ноября 1906 г. до 10 апреля 1907 г. Она была написана лет тридцать назад. Теперь я восстанавливаю [так в оригинале — Н.В., Ю.И.] наши первые месяцы с Иваном Алексеевичем, но боюсь, как бы не перепутать некоторые даты, — “старая стала, слабая стала”, — мне нужно знать:

1) Когда Иван Алексеевич выступал со своими стихами в “Обществе Любителей Российской словесности”. И кто кроме него еще выступал? Это было в актовом зале старого университета. Помнится, в понедельник, но я не уверена, 13 ноября или 20 XI³⁰.

2) Нет ли в газетах о чтении в Лит. Худож. Кружке доклада под названием “Золотая легенда”. Мог Иван Алексеевич читать его или 21 или 28 ноября?³¹

3) Кроме этих дат мне нужно знать, когда в Большой зале консерватории был вечер, на котором выступали писатели: Бунин, Найденов и еще кто-то? Я не была на этом вечере, но мне хотелось бы знать его программу. Этот вечер был в январе 1907 года. число забыла. Иван Алексеевич читал и Джордано Бруно³².

Простите, что беспокою Вас, но мне это нужно для “Беседы с памятью”. Последняя дата для того, чтобы знать, когда Иван Алексеевич был в Москве. В конце декабря он уехал в деревню к Пушешниковым³³.

Здесь я остаюсь еще неделю. Стала понемногу писать вторую книгу.

Кажется, чувствую себя крепче. Прочитываю здешней хозяйке уже написанное. Ей нравится. Кое-что уже было напечатано. Очень задерживает меня и огорчает “пропавшая грамота”. Может быть, она и дома, но у меня нет сил разобрать мой архив. Я еще устаю от движений.

Если будете мне писать, то сообщите мне отчество Паустовского. Я должна ему ответить на его очень милое и лестное письмо.

Стало прохладно. Сегодня небо молочное. Полная тишина. Я одна дома: хозяйка дома поехала на экзамен, чтобы иметь право управлять автомобилем, а с нею и моя приятельница, у которой я гошу.

Вероятно, в конце августа поеду в Швейцарию. Зуров сейчас на берегу шотландского моря в St. Andrews.

Все думаю, что Вас побудило вызвать меня по телефону?

Желаю Вам всяких успехов и радостей.

С дружеским приветом В.Бунина.

№ 6

22-23 августа
1959 г.
Париж.

<...> Вы меня очень тронули, что ответили на все мои вопросы. Спасибо, спасибо. Теперь я вставляю нужные мне числа в первые месяцы нашего с Иваном Алексеевичем знакомства. Писала ли я Вам, что у меня пропала машинная “рукопись” этих месяцев. И я в Коррезе ее набросала, но, конечно, не была уверена в числах — ведь она написана лет тридцать тому назад!

23 августа. Пришлось бросить письмо, — почувствовала боль в спине и легла, а потом всякие мелкие дела и заботы не позволили мне закончить его.

Сейчас дочитала “Суходол”, а перед тем “Деревню”. Мне написала Людмила Владимировна интересное письмо по поводу “Деревни”, задав мне много вопросов, на которые у меня сейчас нет сил ответить, так как они и сложны и часто обнаруживают не точное понимание Бунина, как писателя. Прежде всего он — художник, художник и художник... Писатель, который не задавался никакими социальными темами, цель была одна, показать людям то, что он видит, и изобра-

зить это художественно. Этого не понимал и Горький, который хотел, чтобы он свой острый серебряный клинок куда-то пырнул³⁴. А Иван Алексеевич считал, что писатели, которые пишут социальные романы или философские, портят свой художественный талант, если, конечно, у него он есть. Ведь и Чехов писал и говорил, что он в своих пьесах показывает, как дурно люди живут и только, а выводы он оставляет "людям"... Относительно символов тоже. Всякий большой талант в своем творении дает символ, дает это бессознательно. Ведь от символики символистов почти ничего не осталось. Л.В. спрашивает, что Молодая³⁵ символ России? Как бы Иван Алексеевич смеялся! Он писал Молодую с большой любовью, показывал ее трагедию, которая, конечно, зависела и от быта того времени, трагедию ее прекрасной души, но пища он, конечно, не думал ни о каких символах, — это не дело настоящих художников. Ее трагедию понимал один Кузьма³⁶, страдая и за нее, и за Россию, как и за себя. Вы знаете, Иван Алексеевич никогда вперед не делал плана, не писал его, не знал когда кончит и чем кончит. Я отлично помню, как он дописав свадьбу, дав мне ее переписывать, сказал: "Знаешь, я этим кончу". Я даже удивилась, так как он хотел кончить иначе. У него и был замысел написать вторую часть этой поэмы, как он называл "Деревню". Замысел был в общих чертах такой: Тихон Ильич умирает, брат становится относительно богатым и перезжает в Москву. Попадает в среду самоучек, а затем и в Художественный Кружок... Вот бы мы и получили "Город"... Жаль, конечно, что этот план канул... <...>

№ 7

Париж, 28.VIII.<19>59 г.

Успение.

Перед обедней.

Дорогой Павел Леонидович,

третьего дня послала Вам книгу Бунина "Петлистые уши"³⁷. Эту книгу он еще сам редактировал, но она вышла после его ухода от нас. Очень люблю в ней "Воды многие". Это наше путешествие последнее вдвоем.

Перечитав Ваши письма, вижу, что у Вас есть "Весной в Иудее", "Жизнь Арсеньева", "Петлистые уши". Из Чех.Изд. недостает "Митиной любви" и "О Чехове". Их пришлось, когда вернуться из Швейцарии.

Чувствую себя немного крепче, но все же быстро устаю. Из Швейцарии напишу, — там у меня не будет хозяйства.

Успехов, радости желаю

Ваша В.Булнина.

№ 8

26.IX<19>59³⁸ г.
Villa Senar³⁸.

<...>Если можно, сообщите, когда было в Москве первое представление “Жизни Человека”³⁹. Помнится, что в Москве раньше, чем в Петербурге. И когда “Стены” Найденова в Москве⁴⁰. Это мне важно.

Я теперь стала по часу в день работать над “Беседами с памятью”. Сегодня решила употребить это время на послание к Вам.

Я тоже думаю, что лучше все бунинские рукописи и письма хранились бы в одном — Центральном государственном архиве⁴¹. <...>

<...>Вчера на ночь перечитала “Неизвестный друг”. До чего хорошо написано состояние “ждущего” человека, как и в трагическом рассказе “Генрих”⁴², где так хорошо кратко даны 4 страны. А как хороша Ирландия, где он не бывал. <...>

№ 9

20.XII.<19>59 г. Париж.

Дорогой Павел Леонидович,

Спасибо за Ваше милое и сердечное письмо от 7 декабря.

Прежде всего поздравления с наступающим Новым високосным Годом, а затем и нашими рождественскими Праздниками. Желаю Вам в наступающем году здоровья, плодотворной работы и всяких радостей. <...>

...Спасибо, что отслужили панихиду 8 ноября⁴³, меня это очень тронуло.

Я не гостила у Галины Николаевны Кузнецовой⁴⁴, а жила в гостинице рядом с их квартирой, по вечерам обедала у них. Это хорошая примета, когда думают, что кто умер, а он жив⁴⁵. Будет долго жить, значит.

Я люблю ее стихи, как и рассказы. У нее хороший язык. Жалею, что ей некогда писать. Она служит в Palais des Nations. Ее перевели в

Женеву из Нью-Йорка. 23.X⁴⁶ она со своим другом, Маргаритой Августовной Степун⁴⁷, угощали меня завтраком в лучшем ресторане этого дворца. Завтрак был тонкий и вкусный, как и вина. Сидели у окна, и я могла любоваться чудесным видом, к сожалению, снежные горы были закрыты мглой, погода была солнечная с листопадом, такую любил Иван Алексеевич. Я приехала раньше и гуляла. Они обе работают в русском отделе. Галина Николаевна — редактор. Я, возвратясь, перечитала “Тишину”⁴⁸ и поняла, где они с Куровским⁴⁹ остановились. Это недалеко от вокзала. Поняла как они шли к озеру. Я пробыла в Женеве 14 дней и почти всю ее осмотрела. Она мне по душе, — много простора, зелени, лодок.

Как странно: по моим воспоминаниям “Жизнь Человека” шла в Худ. Т. весной 1907 г. Может быть, это в Петербурге? Узнайте, голубчик, мне это очень важно. Я помню, что Иван Алексеевич, когда мы проездом в Палестину весной 1907 года остановились в Одессе, в лунном саду у Федоровых⁵⁰ напевал польку из этой пьесы, но не Саца⁵¹. Он мог видеть “Ж.Ч.” в Петербурге, когда она была напечатана в “Шиповнике”. Помню споры об этой пьесе.

Простите, что все затрудняю Вас, но я пишу главным образом для литературоведов, и потому боюсь ошибиться.<...>

№ 10

24 января 1960 г.
Париж.

<...>Я хочу перечитать книгу Кирилла Зайцева⁵². Тогда скажу “можно ли всему верить”? Иван Алексеевич иногда кое-что и путал, особенно в хронологии.

Получили ли Вы “Митину любовь” и “Речной трактир” в роскошном издании и с рисунками Добужинского?..⁵³ Я послала семи лицам в этот день, кажется, 7 января — книги и рассказ “Речной трактир”, и до сих пор никто меня не известил о получении. Я начинаю беспокоиться. Неужели все эти заказные бандероли пропали?..

К Лермонтову Иван Алексеевич так и не приступил. Только я готовила ему нужные материалы, черпая их из академического издания⁵⁴. Почему? Трудно сказать. Вероятно, был занят своим. После премии нарушалась наша тихая жизнь в Грассе. Он стал ездить за границу. Года два мы не жили в Грассе, а когда вновь поселились на вилле Бельведер, то скоро и вспыхнула война.

Когда у него зарождался тот или другой рассказ, я не знаю. Он ведь был очень скрытен в этом отношении. Разве только, когда что-нибудь вспоминал вслух и потом писал на эту тему, как, например, рассказ "Сверчок".

Ваши "листки" у меня сохраняются. Приношу Вам глубокую благодарность, благодаря им я все вспомнила и то, что мне трудно было объяснить в смысле времени, теперь стало ясно, например, я забыла, что "Жизнь Человека" раньше шла в Петербурге, а потом в Москве, и никак не могла понять, почему в Одессе, когда мы были проездом там в Святую Землю, Иван Алексеевич напевал песенку из нее, когда она шла впервые только в декабре 1907 года? А он был в Петербурге во время первых представлений этой пьесы и, вероятно, видел ее там. И в Художественном театре писал этот мотив Сац, и он был более сложным, чем в Петербурге. Кто писал первый не помню.

Еще раз спасибо за помощь.

Желаю Вам всяких удач в 1960 году.

Л.Ф. [Зуров — Н.В., Ю.И.] шлет сердечный привет, я присоединяюсь.

Ваша В.Бунина

Откуда Вы знаете о "Яшкиной улице"?

№ 11

Париж, 7.VII. <19>60 г.

Дорогой Павел Леонидович,

Если Вы именинник в Петров день, то мы с Леонидом Федоровичем поздравляем Вас, желаем Вам отдыха хорошего, Вы слишком переутомляете себя работой.

Все посланное Вами я получила. Л.Ф. тоже получил Ваше письмо и благодарит за него.

Очень огорчены разбитием в "Косцах" больших абзацев на меньшие. Это все равно, что вставляли бы в симфонические куски паузы. Иван Алексеевич, как говорится, в гробу перевернулся. Он болел, если была пропущена хоть одна запятая, не позволял себя редактировать никому. Конечно, сокращения искажают замысел автора... Но тут ничего не поделаешь...

Если "Косцы" будут введены в собрание сочинений, очень прошу Вас убедить редактора восстановить текст по книге "Весной в Иудее, Роза Иерихона" изд. имени Чехова⁵⁵.

Леонид Федорович завтра уезжает на отдых, — он переутомился и от работы, и от лечения, — едет к друзьям на север. Получил приглашение и от Т.С.Конюс погостить в Сенаре.

Я никуда, пока не кончу первую книгу “Беседы с памятью”, не поеду. Париж летом в мертвый сезон я обожаю. Тихо и спокойно. Мало такси. Мало телефонных звонков. Можно писать и отдыхать, “а это чудо как хорошо!” (выражение Андерсена).

Да, по правде сказать, теперь, когда я путешествую, особенно в местах, которые по сердцу Ивана Алексеевича [так в оригинале — Н.В., Ю.И.]⁵⁶, на меня нападает острая печаль. Путешествовать с ним было подлинным наслаждением. В пути он преображался. И как он любил красоту мира и замечал то, что другие пропускают.

С нашим сердечным приветом

Ваша В.Бунина.

№ 12

13.8.<19>60 г.

<...>Очень рада, что мы с Вами одинаково смотрим на сокращения и “паузы” в больших абзацах. Теперь я спокойна. Действительно, порой типографы вольничают и вольничают беспардонно.

О юбилее Южина⁵⁷ я просто написала “в конце января”. Спасибо за уточнение. Очень я благодарна Вам, что восстановили день юбилея Лаврова⁵⁸, а то бы я села. Я пишу все даты по старому стилю, как они тогда были в России.

На юбилее Ипполитова-Иванова мы не были, а потому “беседовать” о нем я и не буду. За генеральную репетицию “Анатэмы”⁵⁹ благодарю, хотя я на ней и не была, как и на самом представлении, хотя Юлий Алексеевич⁶⁰ и предлагал, но я тогда была больна и отказалась.

О юбилее дяди (С.А.Муромцева)⁶¹ мы почему-то ничего не знали. Спасибо за сообщение о присуждении премии Бунину и Куприну⁶², спасибо. Я забыла, вероятно, выборы в академики⁶³ затмило это событие. О юбилее Телешева я помню⁶⁴. Я сидела за ужином рядом с юбиляром, а с левой руки сидел Южин, который за весь ужин не проронил ни слова. Вероятно, накануне сильно проинтрался и был не в духе. Если об этом юбилее есть что-нибудь в газетах, сообщите, пожалуйста, кто выступал ораторами, я помню только, как говорила Катя

Выставкина, хорошенькая, остроумная не то писательница, не то поэтесса, завсегда у наших “Молодых Сред”.

О избрании в академики Бунина я уже писала в “Жизни Бунина”.

О утре памяти Чехова я хорошо помню. Вы ошибаетесь: Бунин читал свои воспоминания о Антоне Павловиче в Художественном Театре и так читал, так изображал голосом Антона Павловича, что мать и сестра плакали, а Станиславский и Немирович приезжали к Ивану Алексеевичу и предлагали ему поступить к ним на сцену. А это он вместо воспоминаний читал рассказ “В усадьбе” на вечере, устроенном в Московском у-те. Он хотел читать “Студент”, но Качалов тоже приготовил этот рассказ. Иван Алексеевич рассказ “В усадьбе” прочел экспромтом⁶⁵. Он ведь необыкновенно хорошо читал без всякой подготовки. На юбилее Кюи не были. На юбилее Ермоловой тоже не были, как и Саввы Мамонтова⁶⁶. Какого числа был концерт, устроенный Яблоновским⁶⁷ в пользу студентов, впрочем Вы уже об этом написали, я не поняла, 9 февраля ст. стилия, что читал там Бунин? На юбилее Савиной не были, как и на “капустнике”, как и на вечере памяти Комиссаржевской. И только нужен мне 10 год и, может быть, 11 и 12, когда был юбилей Бунина — серебряная свадьба с литературой его.

Спасибо за сообщение писем читателей⁶⁸. Это очень трогательно и приятно, когда не литературные люди по-настоящему любят писателя, композитора, это самая чистая любовь, бескорыстная. Я послала бы свою книгу Лихоносову, но боюсь, что в Краснодар она не дойдет? Как Вы думаете?<...>

Конечно, в Орловщине Лихоносов, вероятно, ничего не найдет, все разорено, и Глотова с Васильевским, и Озерки, едва ли есть кто-нибудь из тех, кто близко знал Ивана Алексеевича. В Москве живет Муза Александровна Райская. Адрес ее: Москва, Г-21, Языковский переулок, д. 5, кв. 39. Она знала Ивана Алексеевича до меня. Была дружна, да и теперь, с его родственниками Рышковыми, но одна сестра здесь, а другая в Пензе. Конечно, они знали его поверхностно, но все же кое-что могут сообщить.

В Харьков, может быть, книга и дойдет, как Вы думаете? Макаровы — настоящие читатели, любящие литературу. Раковского⁶⁹ книги здесь нравятся, я давала их читать тем, кто берет у меня книги (из моих друзей и приятелей). Я довольна, что его сын работает над творчеством Бунина, только бы он не мудрил, как мудрит Людмила Владимировна: Молодая — символ России, братья Красовы — это Евгений и Иван Алексеевичи... От Евгения Алексеевича⁷⁰ взята только Огневка, еще

то, что он хотел иметь детей, а жена была бесплодна, а прототип Кузьмы писатель из народа, самоучка, Назаров. И никогда таких споров не могло быть между братьями Бунина, как были между братьями Красовы [ми]. Ведь они были из разных квасов и психика у них была совершенно иная⁷¹. Я ей все это напишу, хотя уже поздно, но, может, она в дальнейшем перестанет это утверждать. И побуждения Евгения Алексеевича и Тихона Ильича очень различны: первый вышел из разоренного гнезда и хотел стать помещиком, какими были его предки, а Тихон Ильич, будучи с детства нищим, хотел нос утереть помещикам, и этим гордилась вся Дурновка.<...>

<...>Вот у Вас готовятся к юбилею Бунина (90 лет)⁷², а здесь ничего не будет, я не хочу, ибо было бы жалко и стали бы играть роль те, кто все-таки укоротил дни Бунина. Еще не настало время об этом писать, а потому Вы ничего не говорите, что я пишу Вам об этом.

№ 13

19 сентября 1960 г.
Париж.

Дорогой Павел Леонидович,

Спасибо за письмо. Зачем говорить о том, что прошло, вышло недоразумение, в котором я сама виновата. Не написала, что посылаю Вам в личный Ваш архив для того, чтобы этот материал был у Вас всегда под рукой, если он Вам понадобится в знак благодарности за Ваши сообщения на мои вопросы⁷³. Я замучена письмами, ответами на них, а потому не пишу иногда самое необходимое. Из-за этого выходят сюрпризы и порой неприятные.

Сейчас я очень занята работой, а сил у меня мало, поэтому не могу согласиться на Ваше предложение — принять участие в Вашем очень интересном издании⁷⁴. Знаете, за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Содержание сборника я нахожу удачным, особенно, если не будет сокращений. У Вас поставлен вопрос перед рассказом “Чистый понедельник”. Почему? Этот рассказ Иван Алексеевич считал лучшим из всего, что он написал. Очень хороший рассказ “Красавица”, — отношение автора к ребенку.

Вот пока все, что я могу сказать.<...>

Париж, 2 марта 1961 г.

Дорогой Павел Леонидович!

Спасибо, спасибо Вам за письмо и за интереснейшую статью К.Г.Паустовского⁷⁵, которую я прочла очень внимательно и с живым интересом.

Считаю, что она приоткрыла мне и самого Константина Георгиевича. У него очень оригинальный подход к любимому писателю. С юности он уже хочет узнать, где проходила жизнь Бунина. Значит, ему хотелось представить то, что питало душу молодого писателя. Вторая часть — о творчестве Бунина — тоже полна оригинальных мыслей и чувств.

Тонко объяснена запись Ивана Алексеевича “Начинается пора прелестных облаков”... Верно сказано о тайне внутренней мелодии стихов и прозы. И мне, да и не только мне, а и другим близким Иван Алексеевич говорил, как найти звук каждой вещи.

Отмечу одну неточность: пожалуйста, передайте Константину Георгиевичу, что Евгений Алексеевич никогда нигде не служил, не слышала я, чтобы он лечил ангину беличьим мехом. Одно время у него снимал комнату податной инспектор, может быть, это он занимался таким лечением, а учительница его смешала с акцизным и Евгением Алексеевичем.

В северных губерниях, как я слышала от Зурова, говорят не “на Псковщине”, а “в Псковщине”, в Новгородчине, в Причудье, в Обозерье.

Пишу Вам об этом потому, что Иван Алексеевич обычно давал Леониду Федоровичу для ознакомления свои рукописи. Он считался с его мнением, и они вели о языке очень интересные разговоры.

Константин Георгиевич пишет только о “Жизни Арсеньева”. Мне казалось, что в одномомнике будут помещены и другие рассказы. Я не знаю, какие рассказы взяты для Одномоника, но разве там все рассказы в одном ключе? Иван Алексеевич в письме в “Чеховское изд.” писал, что он в книгу рассказов “Петлистые уши” ввел противоположные по тематике произведения: трагические, начиная с “Петлистых ушей” и благостные, начиная с “Аглаи”.

Я очень рада, что статью Паустовский закончил моими любимыми стихами. Иван Алексеевич внес в это стихотворение перед смертью

поправку “к Коленам”. Коленам. А было раньше напечатано “коленам”.

Вы забыли сообщить мне имена тех лиц, которым я обещала послать “Жизнь Бунина”, и у меня лежат приготовленные четыре книги к отправлению на Ваше имя. Пожалуйста, сообщите мне имена и фамилии их.

Леонид Федорович тоже прочел с большим вниманием статью Паустовского. Он шлет Вам самый сердечный привет и желает успешного завершения работы.

Среди марок я увидела лицо моего профессора химии Николая Дмитриевича Зелинского⁷⁶. Он был у нас и провел целый вечер в этой же самой квартире, где мы до сих пор живем. Все мы были очень взволнованы. Прощаясь в передней он сказал Леониду Федоровичу: — Любите Россию.

Вдова Алданова недавно подверглась нападению, недалеко от нас. Ее кто-то сзади ударил по голове палкой. Она упала. К ней подбежали, но злоумышленник скрылся. Вот что у нас бывает!

Всяких успехов, радостей и здоровья.

С дружеским приветом

Ваша В.Бунина.

№ 15

Париж, 9.III.<19>61

Дорогой Павел Леонидович, отыскались адреса. Запрятала в книжку с конспектом “Бесед”. Написала три книги и посылаю на Ваше имя.

Очень занята. На письма времени не хватает.

Л.Ф. шлет сердечный привет.

Заранее благодарю.

Ваша В.Б.⁷⁷

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. О судьбе однотомника. — Бунин И.А. Избранные произведения. — М., ГИХЛ, 1945. См.: “Литературное наследство”, т. 84, кн. 1, с. 627-629.

В отделе редких книг фондов ГЛМ хранится корректура этого неосуществленного издания.

2. П.Л.Вячеславов — В.Н.Буниной, 30.XI.58 г. (копия). — ГЛМ, ф. 329, оп. I, д. 86, лл. 2, 3.

3. В.Н.Бунина — П.Л.Вячеславу, 13.VIII.60 г. — ф. 329, оп. I, д. 96, л. 33.

4. Письма В.Н.Буниной. Публикация и комментарии Н.П.Смирнова. — Новый мир, 1969, № 3, с. 210.

5. Три главы из книги В.Н.Муромцевой-Буниной “Беседы с памятью” опубликованы: ЛН, т. 84, кн. 2, с. 159-220.

6. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность. Первое полное издание. — Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1952.

7. Стихотворения “Маргарита прокралась в светелку...” и “Только камни, пески, да нагие холмы” см. — Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т., — М.: Художественная литература, 1967, т. 8, с. 33-34. Рассказ “Крем Леодор” был воспроизведен в журнале “Наш современник”, 1962, № 5. Повторно с комментариями — ЛН, т. 84, кн. 1, с. 130-131.

8. “Новый журнал” — ежеквартальный литературный журнал, издающийся в Нью-Йорке. В 1946 г. в нем печатались рассказы И.А.Бунина, составившие книгу “Темные аллеи”. См. “Новый мир”, 1969, № 3, с. 212.

9. Ответ на просьбу П.Л.Вячеслава в письме от 30.XI.58: “...хочется знать и точные даты написания “Старой яблони” и других стихов, которые не датировались в книге “Митина любовь”, и я вынужден был печатать их в Собрании по дате выхода книги...” — ф. 329, оп. I, д. 86, л. 4. Имеется в виду издание: Ив.Бунин. Митина любовь. Париж, 1925.

10. Ив.Бунин. Избранные стихи. Париж, изд. “Современные записки”, 1929.

11. Людмила Владимировна Крутикова — литературовед, в то время преподавательница ЛГУ. Имеется в виду статья: Л.Крутикова. О собрании сочинений И.А.Бунина. — “Русская литература”, 1958, № 2, с. 215-222.

12. Из статьи Л.Крутиковой: “Наибольшей сложностью и противоречивостью отмечен долгий, более чем шестидесятилетний творческий путь И.А.Бунина. Современник Л.Толстого и Чехова, Короленко и Горького, Вересаева и Куприна, он вошел в русскую литературу как оригинальный художник еще на рубеже XX века. Его талант быстро креп и развивался, мужал и обретал силу, испытывая благотворное влияние и поддержку со стороны великого кормчего русской литературы — М.Горького”. — Там же, с. 216.

13. Из статьи А.М.Горького “О писателях-самоучках”: “Просишь — почитайте Муйжеля, Подъячева, Крокова, — они современники ваши, они не лысят мужику. Но посмотрите, поучитесь, как надо писать правду! Обижаются и отвечают: не учите!” (Горький А.М. Собр. соч. в 30 т. — Т. 24, с. 132. Впервые — Современный мир, 1911, № 2).

14. Из статьи Л.Крутиковой: “Всем существом своим связанный с Россией, ее природой, людьми и культурой, Бунин тем не менее не понял высшего проявления русского гения — Великую Октябрьскую революцию. Он не сумел преодолеть свою классовую ограниченность, встать выше дворянских предрассудков и оказался в стане врагов, в стане белоэмигрантов”. — Русская литература, 1958, № 2, с. 216.

15. См. примечание 7.

16. Из примечаний П.Л.Вячеслава к кн.: Бунин И.А. Повести. Рассказы. Воспоминания. — М.: Московский рабочий, 1961, с. 615: “В Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени Ленина хранится просмотренный Буниным экземпляр с последними исправлениями и пометкой: “17.3.52”.

17. В журнале были опубликованы подготовленные П.Л.Вячеславовым рассказы И.А.Бунина “Таня”, “В Альпах”, “Посадный час”. — Наш современник, 1959, № 2.

18. П.Л. Вячеславов послал В.Н. Буниной текст стихотворения "Мадонна" неизвестного автора.

19. *И.Д. Бажинов* — литературовед, в то время живший и работавший в Киеве.

20. *Дмитрий Дмитриевич Благой* (1893-1984) — литературовед.

21. В письме к Н.П. Смирнову (13 мая 1959 г.) Вера Николаевна заметила: "Завидую Вам, что Вам бывает с кем беседовать о Бунине. Мне — редко". — *Новый мир*, 1969, № 3, с. 217.

П.Л. Вячеславов в своем письме от 19 июня 1959 г. рассказывал о своей поездке в Ленинград, о встрече с Л.В. Крутиковой. "С Людмилой Владимировной, — писал он, — мы ходили по Набережной, по Невскому, поехали в Алекс.-Невскую Лавру, где похоронены, поблизости от собора, ее родители, и все говорили об Иване Алексеевиче, о делах, связанных с изданием его сочинений, с изучением его творчества. И тогда, как уже не раз, вспомнились мне Ваши грустные слова, сообщенные мне Николаем Павловичем. Да, глубокоуважаемая Вера Николаевна, у нас по-другому: у нас уже ЕСТЬ С КЕМ говорить о Бунине. И это очень хорошо, очень ценно. Этого хватит на всю жизнь, поэтому-то мы — люди разных городов (Москва, Ленинград, Киев), разных возрастов, сразу чувствуем себя так, как будто мы давно не только печатно, но и лично знаем друг друга". (ф. 329, оп. I, д. 86, л. 15).

22. Улица в Париже, где находится собор св. Александра Невского. — "Русская церковь", которую посещала В.Н. Бунина.

23. *Леонид Федорович Зуров* (1902-1971) — писатель. Жил в семье Буниных с конца 1920-х гг.

24. *Александр Кузьмич Бабореко* — литературовед, автор книги "И.А. Бунин. Материалы для биографии". (Первое издание — 1967 г., второе — 1983 г.).

Н.П. Смирнов (1898-1978) — писатель. См. о нем "Новый мир", 1969, № 3, с. 209.

25. В письме от 19.6.59 П.Л. Вячеславов писал: "Конец поста, Страстную и Пасхальную недели я провел в Доме творчества писателей под Москвой — в Голицине, где первое время (1937) жил Куприн, приехавший из Парижа. Заведующая Домом, встречающая и устраивающая его, рассказывала мне, что Куприны читали ей письмо Александра Ивановича к Ивану Алексеевичу, в котором он писал, что его дачу окружает детский сад и проч. Разрешите спросить: послал ли Куприн это письмо Ивану Алексеевичу?" (ф. 329, оп. I, д. 86, л.л. 15, 16).

26. Имеется в виду семья Канивез. Муза Васильевна Канивез-Раскольников (урожд. Ивановская) в первом браке — жена Ф.Ф. Раскольникова. О ней см. письмо В.Н. Буниной от 28.VII.59 г.

27. *Татьяна Сергеевна Конюс* (1907-1962) — вторая дочь С.В. Рахманинова.

28. *Алданов, Марк* (Марк Александрович Ландау; 1889-1957) — писатель, автор исторических романов и повестей.

29. *Петр Александрович Нилус* (1869-1943) — художник и литератор, многолетний друг И.А. Бунина.

30. О заседании "Общества любителей российской словесности" 13.XI.1906 г. см.: Бунина В.Н. Беседы с памятью. — ЛН, т. 84, кн. 2, с. 168-169.

31. О вечере 21.XI.1906 г., см. там же, с. 171-172.

32. *Сергей Александрович Найденов* (Алексеев; 1868-1922) — драматург.

О вечере в консерватории, см. там же, с. 178.

"Джордано Бруно" — стихотворение И.А. Бунина.

33. *Пушешниковы* — родственники И.А. Бунина по отцовской линии.

34. В письме к В.Я.Брюсову от 4 или 5 (17 или 18) февраля 1901 г. Горький между прочим писал о Бунине: "...не понимаю — как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо?". — Горький А.М. Собр. соч. в 30 т. — Т. 28, с. 153.
35. Персонаж повести "Деревня".
36. Один из главных героев "Деревни", брат Тихона Ильича Красова.
37. *Бунин И.А.* Петлистые уши и другие рассказы. — Нью-Йорк: изд-во им. Чехова, 1954.
38. Сенар — название поместья Татьяны Сергеевны Коносов, составленное из первых букв имен ее родителей Се[ргей] и На[талия] Р[акманиновы]. "Это чудесный уголок на земном шаре". (Из письма В.Н.Буниной к П.Л.Вячеславу от 26.IX.59 г.)
39. "Жизнь человека" — пьеса Л.Н.Андреева (1871-1919). Премьера в МХТ состоялась 12.XII.1907 г.
40. Премьера спектакля "Стены" в МХТ — 2.IV.1907 г.
41. В письме от 28.8.59 П.Л.Вячеславов писал: "В беседе с Николаем Ивановичем Родионовым, начальником Центрального государственного архива литературы и искусства, мы касались вопросов собрания и хранения архивных материалов Бунина.<...> ...Нам хотелось бы знать, что думаете Вы относительно того, чтобы все бунинские рукописи и письма хранились в одном — Центральном государственном архиве?" (ф. 329, оп. I, д. 86, л.л. 27, 28).
42. "Неизвестный друг", "Генрих" — рассказы И.А.Бунина.
43. В день шестой годовщины кончины И.А.Бунина.
44. *Галина Николаевна Кузнецова* (1900-1978) — писательница, автор книги воспоминаний "Грасский дневник", посвященной жизни в Грассе, в семье Буниных.
45. Из письма П.Л.Вячеслава от 7.XII.59: "До Вашего письма из Сенара, откуда Вы писали, что будете гостить у Г.Н., я был уверен, что она уже умерла, — так, по крайней мере, у нас говорили давно". (ф. 329, оп. I, д. 86, л. 37).
46. 23 октября по новому стилю — день рождения И.А.Бунина.
47. *Маргарита Августовна Степун* — певица, сестра Ф.А.Степуна (псевд. Н.Лучин), философа, критика, писателя.
48. "Тишина" — рассказ И.А.Бунина.
49. *Владимир Павлович Куровский* (1869-1915) — художник, друг И.А.Бунина.
50. *Александр Митрофанович Федоров* (1868-1949) — романист, поэт и драматург, друг И.А.Бунина.
51. *Илья Александрович Сац* (1875-1912) — композитор. С 1906 г. — зав. муз. частью, композитор и дирижер МХТ.
52. *Кирилл Носифович Заицев* — автор книги: И.А.Бунин. Жизнь и творчество. Берлин, изд. "Парабола", /1934/.
53. *Бунин И.А.* Митина любовь. Солнечный удар. Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1953.
- Бунин И.А.* Речной трактир. Нью-Йорк, 1945.
- Мстислав Валерианович Добужинский* (1875-1957) — график и театральный художник.
54. И.А.Бунин в 30-е гг. собирался написать книгу о Лермонтове. См.: Бабореко А.К. И.А.Бунин. Материалы для биографии. Изд. 2-е. — М.: Художественная литература, 1983, с. 214, 243.

55. "Косцы" — рассказ И.А.Бунина. П.Л.Вячеславов переслал В.Н.Буниной вырезку из "Вечерней Москвы", где он был напечатан с сокращениями. В собрании сочинений И.А.Бунина (М., Художественная литература, 1965-1967), т. 5, с. 68-72, рассказ напечатан полностью по книге И.А.Бунина "Весной в Иудее". Подготовка текстов 5-го тома и составление примечаний к нему — последняя работа П.Л.Вячеславова.

56. Две главы из книги "Беседы с памятью" называются: "Путь до Святой земли" и "Сирия, Галилея, Египет".

57. *Александр Иванович Южин* (наст. фамилия Сумбатов; 1857-1927) — актер, драматург, театральный деятель. В январе 1908 г. отмечался 25-летний юбилей сценической деятельности А.И.Южина.

58. *Вукла Михайлович Лавров* (1852-1912) — основатель и издатель журнала "Русская мысль". В феврале 1910 г. праздновалось 30-летие "Русской мысли".

59. "Анатэма" — пьеса Л.Н.Андреева. Генеральная репетиция состоялась в МХТ в конце сентября 1909 г.

60. *Юлий Алексеевич Бунин* (1857-1921) — старший брат И.А.Бунина, публицист и общественный деятель.

61. *Сергей Андреевич Муромцев* (1850-1910) — юрист, публицист и политический деятель. 13.X.1909 г. исполнилось 25 лет со дня вступления С.А.Муромцева в адвокатскую должность.

62. Сообщение о присуждении Пушкинской премии Бунину и Куприну от 20 окт. /2 ноября/ 1909 г.

63. И.А.Бунин был избран почетным академиком 1 /14/ ноября 1909 г.

64. *Николай Дмитриевич Телешов* (1867-1957) — писатель, общественный деятель. 25-летие литературной деятельности Н.Д.Телешова отмечалось 27 октября 1909 г.

65. 17 /30/ января 1910 г. МХТ отметил 50-летие со дня рождения А.П.Чехова литературным утренником. 18 /31/ января состоялось "чеховское утро" в Московском университете. "В усадьбе", "Студент" — рассказы А.П.Чехова.

66. *Савва Иванович Мамонтов* (1841-1918) — меценат, театральный деятель.

67. *Сергей Викторович Яблоновский* (наст. фамилия Потресов) (1870-1929) — журналист, театральный критик.

68. В письме от 2.8.60 г. П.Л.Вячеславов привел выдержки из двух читательских писем, полученных им после публикации новых произведений И.А.Бунина. Один из читателей писал: "С тех пор, как я выбыл из школьных пеленок, как я впервые познакомился с Буниным, минуло лет 5-6, и всегда я ждал новых книг Бунина и о Бунине, как судя по "Лике", он ждал когда-то новых книжек Чехова..."

Бунин! Его рассказы хочется читать под музыку, они вспоминают нам матушку Россию, нашу старину, наше деревенское простонародие, о котором мы знаем немножко по жизни, а в остальном — по таким же ярким страницам, как бунинские.

Дорогой П.Л.Вячеславов! Я пишу плохо, но очень откровенно... все, что я могу сказать о Бунине, будет в одном-двух словах: восхищение, чувство родины, грусть.

...В августе я намерен отправиться в Орловщину, по бунинским местам, которые, — даже не ручаюсь, — найду ли...

Я не так наивен, чтобы рассчитывать на встречи с орловскими старожилками, которые расскажут мне о давнишних днях, о Бунине. Все-таки уплыло ой-ой сколько времени... Если и сидит еще на завалинке какой-нибудь дедок, то едва ли лучше того, что в рассказе "Древний человек". На что же я тогда надеюсь? На знакомство с родиной, на те незабываемые минуты, которые были у меня на Дону и в Рязани... Землю нашу

еще мало знаю, а она во сто раз милей, если помнишь, как по этим полям и проселкам ходили удивительные русские люди..." (ф. 329, оп. I, д. 108, л. 2). Фамилия этого читателя — Лихонос. Имя — Виктор. Через три года — в 1963 — состоится его дебют в литературе, а в то время (1960 г.) В.И.Лихонос (р. 1936 г.) — студент историко-филологического факультета Краснодарского пед. института.

69. *Леонид Иосифович Раковский* (1896-1979) — писатель, автор исторических романов "Изумленный капитан", "Генералиссимус Суворов", "Адмирал Ушаков", "Кутузов". Переписывался с В.Н.Буниной.

70. *Евгений Алексеевич Бунин* (1858-1935) — брат И.А.Бунина.

71. В.Н.Бунина имеет в виду статью Л.В.Крутиковой "Из творческой истории "Деревни" И.А.Бунина" ("Русская литература", 1959, № 4, с. 130-145), то место, где говорится: "Вполне вероятно, что разговоры братьев Красовых о крестьянских волнениях, о прожитой жизни восходят также к реальным спорам братьев Буниных" (с. 133). А на с. 132: "Более того, можно предположить, что отдаленными прототипами братьев Красовых в "Деревне" — Тихона и Кузьмы — послужили братья Бунины — Евгений Алексеевич и сам Иван Алексеевич".

72. Посылая В.Н.Буниной вырезки из газет с публикациями новых произведений И.А.Бунина, П.Л.Вячеславов писал (27.6.60 г.): "Так мы начинаем готовиться к знаменательной дате — 90-летию со дня рождения Ивана Алексеевича". (ф. 329, оп. I, д. 86, л. 55).

22 октября 1960 г. в Государственном Литературном музее состоялся вечер, посвященный 90-летию И.А.Бунина. Среди выступавших на нем: К.Г.Паустовский, А.П.Ладинский, Л.В.Никулин. В.Н.Буниной был послан подробный отчет об этом вечере, см.: Новый мир, 1969, № 3, с. 227.

73. "Материал" — записи И.А.Бунина "Происхождение моих рассказов", которые П.Л.Вячеславов опубликовал в газете "Литература и жизнь". Публикация эта принесла В.Н.Буниной "много неприятностей со всех сторон" (Новый мир, 1969, № 3, с. 228).

74. В письме от 14.9.60 г. П.Л.Вячеславов сообщал о решении издательства "Московский рабочий" издать однотомник произведений И.А.Бунина. "Я и издательство, — писал П.Л.Вячеславов, — рассчитываем на то, что Вы согласитесь участвовать как в составлении, так и в комментировании книги, о чем будет указано, по существующим правилам, на обороте титула". (ф. 329, оп. I, д. 86, с. 83).

75. Статья К.Г.Паустовского "Иван Бунин" открывала однотомник: Бунин И.А. Повести. Рассказы. Воспоминания. — М.: Московский рабочий, 1961.

76. *Николай Дмитриевич Зелинский* (1861-1953) — химик-органик, академик АН СССР. См. о нем "Беседы с памятью". — ЛН, т. 84, кн. 2, с. 177.

77. Последняя открытка В.Н.Буниной, адресованная П.Л.Вячеславу. 3 апреля 1961 г. Вера Николаевна скончалась.

Н.Г.Гончарова

**ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ
С ВСЕВОЛОДОМ РОЖДЕСТВЕНСКИМ
(Воспоминания Г.В.Глекина)**

Всеволод Александрович Рождественский (1895-1977) принадлежал к старшему поколению русских советских поэтов. Его происхождение, воспитание, высочайшая культура неразрывно связывали его творчество с лучшими традициями русской классической поэзии XIX века, заветам которой он не изменял на протяжении всей своей долгой и плодотворной творческой жизни. Поэтическими учителями Рождественского были Пушкин, Лермонтов, Фет, И.Анненский, а юные годы, проведенные в Царском Селе и Петербурге, закрепили внутреннюю связь его стихов с их творчеством.

Всеволод Александрович родился в семье А.В.Рождественского, преподавателя Закона Божьего в Царскосельской мужской гимназии. Будущий поэт учился в этой гимназии в те годы, когда директором ее был И.Ф.Анненский. Тогда же, в детстве, он начал писать стихи (первый сборник "Гимназические годы" вышел в свет в 1914 г.). Затем семья переехала в Петербург, там продолжалась учеба, проходила юность, наполненная поэзией. После революции и гражданской войны, в которой он участвовал, Рождественский был привлечен А.М.Горьким к работе в издательстве "Всемирная литература". С этого времени началась его постоянная литературная деятельность — переводы, редактирование, самостоятельная поэтическая работа. С 1921 г. начинают выходить сборники стихов Рождественского — "Лето", "Золотое веретено", "Большая Медведица", "Гранитный сад" и др. Тонкая лирика, волнующие картины природы, живая память о русской старине, раздумья о жизни, судьбах родины, людях, с которыми стал-

кивала поэта жизнь... Всеволод Александрович был прекрасным рассказчиком и охотно делился с молодыми собеседниками воспоминаниями об Анненском, Блоке, Горьком, Ахматовой, Гумилеве, Волошине, Грине, Есенине, Ларисе Рейснер... Книги воспоминаний — “Страницы жизни” и “Шкатулка памяти” — были написаны им в 1960-е годы, когда Рождественский давно уже был признанным мастером, учителем молодежи. Проза Рождественского пронизана его целостным, очень светлым и жизнеутверждающим мировосприятием, которое он пронес через все испытания, выпавшие на долю его поколения — лишения первых послереволюционных лет, стройки первых пятилеток, которые он видел своими глазами, неустроенный быт, трудности “чисток” и “проработок” 1930-40-х годов, месяцы блокады, будни военного корреспондента на Ленинградском фронте...

Георгий Васильевич Глекин, автор публикуемых воспоминаний, познакомился с Рождественским во времена, когда Всеволод Александрович приближался, как он говорил, к “почетному званию старейшего ленинградского поэта”, был членом редакции “Невы”, редколлегии серии “Библиотека поэта”.

Г.В.Глекин (р. 1915 г.) по образованию биолог, физиолог, с юности увлекался литературой, искусством, философией, собрал большую библиотеку. Судьба постоянно сталкивала его с представителями литературного мира: он дружил с А.А.Ахматовой, А.А.Тарковским, П.Г.Антокольским, В.С.Шефнером. Дружба с В.А.Рождественским была особенной и по своей протяженности во времени (более 20 лет) и по единомыслию, общности интересов.

Между ними шла постоянная переписка. Почти еженедельно они обменивались одним-двумя письмами, и за двадцать лет накопилось в общей сложности около тысячи писем. В них — разговор о поэзии, о пережитом, рассказы об увиденном во время поездок, впечатления от прочитанного, семейные новости. В настоящее время вся эта переписка собрана в Петербурге старшей дочерью поэта Натальей Всеволодовной. Письма Г.В.Глекина переданы ею в

Рукописный отдел Пушкинского дома. Сейчас она готовит к передаче туда же письма Всеволода Александровича.

Предлагаемые читателю мемуары (ф. 158, РОФ 9634) были написаны в 1977-1978 гг. на основе дневниковых записей. В них представлен в основном лишь один ракурс — совместные прогулки по Петербургу и его окрестностям. Автор стремился передать то поэтическое мироощущение, которое пронизывало всю жизнь Всеволода Александровича и невольно передавалось всем, кто был с ним связан.

Где ты? Помнишь вербы солнечной недели,
Мглистый Исаакий, темный плащ Петра?
О! Какое небо! Здесь в ином апреле,
Только и возможны эти вечера .

Вс.Рождественский

I

1931 год. Я читаю:

...Благодарю вас, внучка,
Какое превосходное вино.

В густой сирени, обступившей плотным полукольцом старенькую террасу, тихо двигались солнечные зайчики. Ленивая полуденная теплынь струится над садом.

Я читаю:

Только нити, только сети,
Небо, пена и песок,
Тяжкий мед тысячелетий,
В море канувший поток...

“Тяжкий мед тысячелетий...” — я чувствовал, как буквально перехватывает горло от этого тяжкого меда тысячелетий.

Я читаю:

Помнишь звезд разорванные звенья,
Пену за тяжелою кормой...

Мне шестнадцать лет. Я работаю. Считаю себя взрослым. Трагическим, как мне кажется, голосом читаю “Облако в штанах” и “Про это”. И вот — на жаркой летней террасе, один, сижу и чувствую комок в горле:

Вас из-за пыльной занавески
Разбудит радостный рожок,
Когда на холм в июльском блеске
Взбежит кудрявый городок...

И через несколько страниц:

И снова тень струистой рамы
Ложится поперек ковра,
И за портьерой снова гаммы
Играет младшая сестра.

Я читаю “Золотое веретено” Всеволода Рождественского², о котором не имею ни малейшего представления, не знаю, жив ли он? Где живет? — Впрочем, из стихов можно ясно себе представить, что он ленинградец. Но все это не важно. Я ощущаю редкостную радость, именно радость, от того, что вот такое чудо можно сотворить из слов!

И как хорошо вижу я этот маленький английский городок, куда приезжает мистер Пиквик с друзьями, и этого моряка с татуировкой на плече, пришедшего к невесте, и этого французского “двадцатилетнего повесу”, чудом избежавшего гильотины и ставшего где-то в Испании стареньким фермером, что-ли...

Благодарю вас, внучка...

Через много лет я прочту:

Здесь все ожиданью сродни моему
Деревья и травы, пески и каменья,
И если мне грустно, то лишь потому,
Что в вечность уходят и эти мгновенья.

Это из “Психей”, книги, вышедшей в свет, когда автора не было уже в живых, а читателю перевалило за 60, в 1980 году...

Что же привлекло меня почти полвека тому назад к этим стихам, написанным “не лукаво, достойным русским языком”? Я любил Маяковского и Пастернака, Сельвинского и Багрицкого. И вот, тем далеким летним днем я на всю жизнь привязался к таким простым на вид, таким вроде бы обыкновенным стихам:

На палубе разбойничьего брига
 Лежал я истомленный в лихорадке
 И пить просил...

Я полюбил эти стихи за редкостную зоркость поэта, за его умение увидеть самое главное, ярко его написать, в совершенстве дать почувствовать читателю то, что увидел, услышал, почувствовал, понял сам автор. Это фантастическое свойство, это умение стихом воссоздать то, что существовало либо как реальное, живое, материализованное чудо, либо жило, как возможность возникновения в реальнейшем мире поэзии, как ожидание чуда.

II

Много лет спустя, во второй половине пятидесятых годов, я по служебным делам был в Ленинграде. Зашел в Лавку писателей на Невском вблизи Аничкова моста. Там был в разгаре День поэзии. Продавались большие, в темно-зеленом переплете книги и какой-то пожилой человек, стоя на прилавке, читал:

Я вырос на севере в тихвинской чаще,
 Где лес непроглядный был мохом обут.
 Туман комариный и дождь морозящий
 Меня словно песня за сердце берут...

И я как-то вдруг сразу понял, кто это, жадно схватил один из последних экземпляров темно-зеленой книги и перелистал ее...

Хоть многих памятных и любимых стихов там не было, все же в стихах, вошедших в книгу, я окончательно узнал автора.

Всеволод Александрович — а это был именно он — мягко улыбнулся, когда я подошел к нему за автографом и очень внимательно посмотрел на меня, когда я сказал, что мне жаль, что в книгу не вошли стихи

из моего любимого “Золотого веретена”. — “Подождите немного, — сказал он. — Я сделаю вам отдельную надпись”.

Вот что он написал:

К лире.

Никогда для ложного пристрастья
Я тебя не выпускал из рук
И служил, как мог науке счастья —
Самой трудной из земных наук.

Вс.Рождественский
Стихи эпохи “Золотого веретена”

Улыбнулся, пожал мне руку. Тут принесли новую партию книг, и День Поэзии 1956 года продолжался. Снова с прилавка читал Всеволод Рождественский, не маг, не маэстро, а просто прекрасный поэт:

И я служу народу моему —
Быть может, той единственной строкою,
Которую твердит, готовясь к бою,
Артиллерист в грохочущем дыму:
И я служу народу моему...⁴

III

Мы на концах единой нити,
Мы на одной звучим волне
Для всех раздумий и открытий,
Понятных лишь тебе и мне.

Вернувшись в Москву и перечитав несколько раз книгу поэта, я написал ему о том, как давно знакома и дорога мне его поэзия, как навсегда сохранила она для меня обаяние молодости. Всеволод Александрович ответил мне. Потом переписка наша стала для нас обоих привычным делом и накопила по пол-тысячи писем с той и другой стороны за 20 лет, которые она длилась, но то первое письмо по сию пору не потеряло для меня своей первоначальной прелести. Всеволод Александрович писал:

“<...>поэзия для меня и радость и терзанье. Радость потому, что это было самой жизнью, а терзание в том, что это давно уже стало профессией со всеми будничными обязанностями, о которых скучно говорить<...> Но я радуюсь всякому освобождению души, всякому мгнове-

нию, приносящему неомраченный воздух чистых горных вершин. Не будем огорчаться, что бывает это не так уж часто. Тем оно ценнее”.

В этих нескольких строчках отразился весь поэт, до глубокой старости, как любимый им Фет, сохранивший свежесть поэтического восприятия мира, трепетную радость творческих порывов, умеющий преодолеть повседневность, остающийся поэтом вопреки скучному профессионализму.

Итак — переписка наша наладилась, и в следующий мой приезд в Ленинград я получил приглашение к Рождественским домой, в писательский дом на канале Грибоедова.

Дверь мне открыла темноволосая большеглазая девочка. Повернулась на каблучке и исчезла в двери направо. И я был поражен тем, что в то же мгновение она спокойно вышла из двери налево. ...Наваждение было кратким — из двери направо вышел в домашней темно-красной куртке Всеволод Александрович вместе с той девочкой, которая только что ушла к нему в кабинет. Я вспомнил, что это сестры-близнецы Таня и Мила. Но кто открыл мне впервые двери гостеприимной квартиры на канале Грибоедова — Татьяна Всеволодовна или Милена Всеволодовна, я не знаю до сих пор.

Радужный хозяин пригласил меня в свой кабинет. Это была небольшая, оклеенная синими с золотом обоями комната, напоминающая кабинет в доме среднего достатка в начале прошлого века. Старинное бюро с множеством ящичков и откидной доской-столом. Маленький уютный книжный шкаф, тоже старинный. Еще шкаф. По стенам полки и на них книги, книги, книги...

Овальный ореховый столик. Мягкий диван. Кресла. Райтовский портрет Пушкина⁵ в узорной раме на стене.

Много раз бывал я в этой квартире, и всегда было ощущение праздника для души...

IV

Ветер взморья поднимает чайк,
Над Невою тает влажный пар...
По-морскому полдень отмечает
Пушки петропавловской удар⁶.

Передо мной продолговатая синяя, с легким белым, типично ленинградским мостиком, отражающимся в зыби канала, книга стихов

Всеволода Александровича — второе издание книги “Город на Неве”, с виртуозной точностью и изяществом оформленная А.И.Векслер. Увы, поэт уже не увидел этой книги, изысканность оформления которой его порадовала бы, хотя о том, что она готовится к печати, я узнал от него.

В этой книге — вся история и география города на Неве. И вся жизнь поэта, переплетенная с Ленинградом, пронизана мотивами этого поразительного города. Всеволод Александрович считал крайней несправедливостью наглухо вошедшее в сознание стереотипное суждение “Питер — не Россия”. “Нет, нет, — говорил он. — Петербург — Ленинград — одна из важнейших ипостасей России, старой и новой”.

Поэт был настоящим знатоком ленинградской старины. Жена Всеволода Александровича, Ирина Павловна, знала топографию города и историю его архитектурных памятников как подлинный профессионал-искусствовед, ее познания носили скорей характер точного, чуть не математического знания, а Всеволод Александрович вносил в свои рассказы о Северной Пальмире дух поэтического ощущения мира. И все же поэзия в его рассказах всегда подкреплялась точной памятью, способностью говорить о давно минувшем как о событиях сегодняшнего дня, касающихся всех нас.

Сейчас, спустя десять лет со смерти поэта, листая его стихи о Ленинграде, я неизменно вспоминаю, как, отрешившись от всех забот, мы вдвоем с ним бродили по улицам и стогнам Петербурга-Ленинграда, радовались, когда вдруг обнаруживали под поздними наслоениями грубоватые следы петровского Санкт-Питер-Бурха.

“Есть три, по крайней мере, три Петербурга, — говорит Всеволод Александрович, опершись локтями о гранит невского парапета и рассматривая низкие серые бастионы Петропавловки на другом берегу Невы. - Есть Санкт-Питер-Бурх совсем старый, даже грубый. Не о нем сейчас речь. Есть парадный пушкинский Петербург. Вот мы с вами стоим на том месте, где стояли, прейдя наплавной Кокушкин мост, А.С.Пушкин и молодой его приятель Онегин. Смотрите — там низкая серая крепость — помните, “не плюй в колодец, милый мой!” Башенка на крепостном бастионе, стремительный взлет колокольни с блестящим флюгером на шпиле, сверкание крестов — все это было привычно Пушкину, было как бы обязательной составной частью его повседневной будничной жизни. И все это он видел, когда дождавшись в кондитерской у Полицейского моста своего секунданта, лицейского приятеля Данзаса, ехал на Черную речку...”

“Здесь, — мы шли по переплетению набережных Мойки, Крюкова канала и канала Грибоедова, — здесь совсем иной Петербург. Здесь как бы изнанка северной Пальмиры. Здесь уже не Петербург, а Питер, город Достоевского, куда Пушкин заглядывал редко: — “В Коломне, на углу маленькой площади...” или “Домик в Коломне...” — зато вон там жил в своей комнатенке, похожей на гроб, Родион Романович Раскольников. Вон — каланча, под ней полицейская часть, куда пришел со своим страшным признанием возомнивший себя сверхчеловеком бедняга Родя. Вон там был собор, а вот тут недалеко жила старуха-процентщица... А это мостик из другого романа: тут Аркадий Долгорукий бежал, думая о позоре, о смерти, о том, что Петербург непременно же поднимется вместе с туманом, оставив среди чахлого финского болота для красы огромный камень и на нем темного гиганта на вздыбленном коне, не сумевшего раздавить змею⁸. Помните, у моего латиниста и директора:*)

А что было у нас на земле,
 Чем вознесся орел наш двуглавый,
 В темных лаврах гигант на скале —
 Станет скоро ребячьей забавой...”⁹

От Крюкова канала мы повернули по берегу Мойки к Новой Голландии и остановились перед монументальной аркой. “Смотрите, какая великолепная арка! — говорит Всеволод Александрович. — И ведь правда, “она никуда не ведет”. Смотрите, ведь это же с картин Пуссена, с гравюр Витрувия или, помните, у Одоевского в его “Ночах” — из творений безумного кавалера Джамбатиста Пиранези... Точно не из жизни взятые, а выхваченные из вымыслов художника пропорции, линии, этот грубый камень, эти странные полуколонны. Точно сон, от которого не хочется пробуждаться. И эта тишь. И отдаленный грохот порта...”

Мрачны эти бурые своды
 И камень от старости сер,
 Не пенят свинцовые воды
 Тяжелые весла галер...¹⁰

* Всеволод Александрович имел в виду И. Ф. Анненского (см. его стихотворение “Петербург” — “Желтый пар петербургской зимы...”)

В другой раз от только что отстроенного и реставрированного вокзала по тихим улочкам города Пушкина мы дошли до дряхлого Гостиного двора, и Всеволод Александрович, чуть улыбаясь, прочел стихи графа Василия Комаровского — давно, но несправедливо забытого царскосельского поэта.

Тут гомон целый день стоит, широк и гулок,
В однообразии тупом моих прогулок,
В пустынном городке — веселый уголок...¹¹

Отсюда — рукой подать до скромной улочки, где над самым берегом канала-каскада стоит белое здание бывшей Никольской царскосельской гимназии.

“Вот за этими окнами, — рассказывал Всеволод Александрович, — была квартира моего директора Иннокентия Федоровича Анненского, а вот за этими — я родился. Мой отец был священником и законоучителем в гимназии”.

Всеволод Александрович любил вспоминать о Царском Селе, о людях, с ним связанных. Живо и юмористически рассказывал он о сцене, свидетелем которой был много десятилетий назад — как маленький Коля Гумилев бежит по улице за каким-то мальчиком, отнявшим у него драгоценность по тем временам — велосипед, и кричит: “Отдай велосипед! Я тебе как дворянин дворянину говорю!”

Мы идем дальше по тихим улицам. “Вот дворец, в котором жила баронесса Крюденер, тетка очаровательной Амалии, адресата известных стихов Тютчева, — продолжает неторопливый рассказ Всеволод Александрович. — Здесь у нее запросто бывал царственный мистик Александр Павлович¹². Отсюда же мистическая баронесса, или попросту Крюденерша, в сопровождении загадочной авантюристки, фантастической графини де-ла Мот-Валуа, историю которой, кажется в 1913 году на страницах “Северных Записок” рассказал Шэфер¹³, а о конце которой так интересно рассказывал однажды Макс Волошин, так вот — именно отсюда эти две женщины в начале следующего царствования уехали в изгнание и скоро одна за другой умерли в Старом Крыму. Вот тут жил Карамзин, а тут — Жуковский”.

Мимо Красных ворот мы прошли в знаменитый парк. Шуршит под ногами листва, пустынно, тихо в этом обиталище “росских муз”. В те годы Эрмитаж стоял полуразрушенный, и перед ним замерла обна-

ных стихов Тютчева, — продолжает неторопливый рассказ Всеволод Александрович. — Здесь у нее запросто бывал царственный мистик Александр Павлович¹². Отсюда же мистическая баронесса, или попросту Крюденерша, в сопровождении загадочной авантюристки, фантастической графини де-ла Мот-Валуа, историю которой, кажется в 1913 году на страницах “Северных Записок” рассказал Шэфер¹³, а о конце которой так интересно рассказывал однажды Макс Волошин, так вот — именно отсюда эти две женщины в начале следующего царствования уехали в изгнание и скоро одна за другой умерли в Старом Крыму. Вот тут жил Карамзин, а тут — Жуковский”.

Мимо Красных ворот мы прошли в знаменитый парк. Шуршит под ногами листва, пустынно, тихо в этом обиталище “росских муз”. В те годы Эрмитаж стоял полуразрушенный, и перед ним замерла обнаженная и такая трогательная в своей наготе беломраморная девушка-РАСЕ.

Как торжественную молитву прочел Рождественский стихи своего учителя И.Анненского перед этой небольшой и сильно попорченной статуей:

Средь золоченых бань и обелисков славы
Есть дева белая, и вдруг густые травы.
Не тешит тирс ее, она не бьет в тимпан,¹⁴
И, беломраморный, ее не любит Пан...

И тут же рассказал, как забавно в одной недавно вышедшей хрестоматии по русской поэзии начала XX века в этом стихотворении Анненского слово “Пан”, вероятно в силу атеистических убеждений редактора, было напечатано с маленькой буквы, точно речь идет о польском шляхтиче. Стихотворение одним мановением руки не слишком умного редактора было убито. И какое стихотворение!

Осеннее чистое солнце играло на белом мраморе Камероновой галереи, на осенней яркой листве, на тихой глади прудов. Поэт рассказывал о том, что вот именно тут, у этой пристаньки, няня Лизавета Калязина спасла его от несправедного гнева лебедей, решивших, что этот маленький человек им угрожает. А он просто хотел поиграть с такими красивыми птицами...

— Вон там за оградой парка, видите? — Кирпичные казармы лейб-гвардии гусарского полка. Тут служили Чаадаев, Грибоедов, потом Лермонтов...

“Время от времени необходимо приходить сюда, к этому первоисточнику русской поэзии, к четырнадцатому номеру”.

В четвертом этаже окно
 Чуть отливает синевой.
 В ночи затеплется оно,
 Погаснет только пред зарею.

Постоянно было ощущение, что Рождественский как бы ждет встречи с юным поэтом-лиценстом. Чувство такого непосредственного контакта было и у Ахматовой:

Смутный отрок бродил по аллеям,
 У озерных грустил берегов,
 И столетия мы лелеем
 Еле слышный шорох шагов...¹⁵

Постояв перед скульптурой Баха¹⁶, в свое время доставившей много хлопот И.Ф.Анненскому, мы пошли по Подкапризовой дороге в те дальние и глухие уголки парка, где когда-то мальчиком Рождественский играл в Робин Гуда, героев Жюль Верна и Майн-Рида.

Были затем и другие совместные поездки — в Павловск, Гатчину, пешие прогулки из Тярлева, где жили Рождественские на даче, в огромный царскосельский парк. Бродили на островах, как редкое чудо и занимательное зрелище осмотрели хорошо сохранившийся до наших дней буддийский храм, воздвигнутый в конце прошлого века в Новой Деревне — тогда тихой и дальней окраине Петербурга; смотрели, как разворачиваются на Лахте строительные работы. Бродили по Кировскому проспекту и постояли под знаменитым балконом дома Кшесинской. Впервые в жизни именно с Всеволодом Александровичем я прошел из конца в конец бесконечный коридор Двенадцати коллегий, который так памятен многим ленинградцам¹⁷. Когда-то, в студенческие предреволюционные годы, Всеволод Александрович часто ходил здесь, встречался с друзьями, участвовал в сходках. А однажды здесь, в университете, Осип Мандельштам беспощадно изругал стихи молодого Рождественского.

А однажды, в начале 1920 года, возвращаясь с очередного заседания “Всемирной литературы” у Горького, молодой Рождественский зашел сюда вместе с Блоком.

Бродить с Всеволодом Александровичем всегда было очень интересно. Говорил он неторопливо, обстоятельно, негромко, тем же классическим русским языком, которым написаны его стихи. Его воспоминания производили впечатление импровизации, но за ними угадывался опыт долгой и непростой жизни.

Питерские рассказы Рождественского — о чем бы он не рассказывал — о голодной и холодной, но радостной и интересной жизни в Доме Искусств, громадном розовом здании, одним фасадом выходящем на Мойку, другим на Невский проспект, третьим, где сейчас кинотеатр “Баррикады”, — на улицу Герцена, или о жизни в провинциальном Тихвине, полной ленивой тишины и свежести, или о жизни в семье Горького¹⁸ — всегда это было не только внешняя канва событий, но и их отражение в мыслях и чувствах рассказчика. Я бы сказал даже так: это было некое двойное отражение — умудренный жизнью пожилой поэт рассказывал о впечатлениях юноши. Рождественский, как Блок или Фет, был во всем подлинным импрессионистом, т.е. воспринимал мир не по заранее подготовленным шпаргалкам и стандартам, заданным прошлым искусством, а свежо и автономно от принятых канонов. Слушать его можно было часами.

Помнится, как приехав к нам в подмосковный городок Бабушкин — теперешний Бабушкинский район города Москвы, тогда еще весь состоявший из небольших деревянных домиков, зеленых садов и огородов, Рождественский, сидя после обеда на террасе, на которой почти за сорок лет до того я впервые упивался его стихами, рассказывал о Кара-Даге, о жизни в Доме Поэта у Волошина, о тихой и белоснежной комнате Грина в Старом Крыму, о виноградниках Отузской долины... Мы все знали и любили Восточный Крым, но в рассказах поэта этот уголок нашего юга раскрывался как бы заново.

Всеволод Александрович любил лесистый участок, примыкавший к нашему дому. Особенно нравились ему три могучие березы за домом. Дома нашего давно нет, но “березы Рождественского”, как они стали у нас именоваться, все еще стоят, украшая новостройку окраины столицы.

Мы много бродили вдвоем в той части Погоно-Лосинога острова, что примыкает к теперешней северной окраине Москвы, и надо было видеть, как радовался Всеволод Александрович березовым перелескам, сосновым “фривкам” и трепетным осинникам. Впрочем, к соснам Всеволод Александрович был равнодушен, невзирая на свое тихвинское детство и на стихи “Сосны Райниса”. Видимо, своей тяжелой

прямыми, правильностью своих тихо гудящих стволов и бедной темной кроной — там где-то, рядом с белыми облаками, они были чужды взволнованному, подвижному, полному мелькающих солнечных бликов строю его поэзии.

Давно нет в живых поэта, изменились и многие места, где мы бывали с ним вместе, а все еще видятся мне веселые глаза, слышится голос, звучат стихи...

В этом мире, бесконечно старом,
Вечное скользит веретено,
И ничто не пропадает даром
Из того, что мыслью зажжено.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Было это небо как морская карта... . 1925.
2. *Рождественский В.А.* Золотое веретено. — Пб.: Петрополис, 1921.
3. Я вырос на севере... /Тихвинщина/. Опубликовано: Рождественский В.А. Стихотворения. 1920-1955. — М.: Художественная литература, 1956.
4. И я служу народу моему... . Опубликовано: Рождественский В.А. Родные дороги. Стихи 1941-1946. — Л.: ГИХЛ, 1947.
5. Гравюра Т.Райта с портрета А.С.Пушкина работы О.А.Кипренского. 1828.
6. Полдень Ленинграда. Опубликовано: Рождественский В.А. Город на Неве. Стихи о Ленинграде. — Л.: Лениздат, 1978.
7. Строка из эпиграммы А.С.Пушкина на первые иллюстрации к первому отдельному изданию "Евгения Онегина".
8. Имеется в виду сцена из романа Ф.М.Достоевского "Подросток". Один из мотивов романа — исчезновение всего Петербурга, кроме Медного всадника — позже появляется у А.Белого в "Петербурге".
9. *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. - Л.: Советский писатель, 1959. — (Библиотека поэта).
10. Новая Голландия. Впервые опубликовано: Нева. — 1972. — № 7.
11. *Комаровский В.* Первая пристань. Стихи. — Спб., 1913.
12. Император Александр I.
13. *Шафер* — журналист, сотрудник "Северных записок".
14. "Строфа из стихотворения "Расе". Впервые опубликовано: Анненский И.Ф. Кипарисовый ларец. — М.: Гриф, 1910.
15. Впервые опубликовано: Ахматова А.А. Вечер. Стихи. — Спб.: Цех поэтов, 1912.
16. Имеется в виду известная статуя А.С.Пушкина работы И.С.Баха.

---

17. Речь идет о здании Двенадцати коллегий, где находился Петербургский университет.

Перифраз ахматовской строфы:

“...Коридор петровских Коллегий
Бесконечен, гулок и прям.
Что угодно, может случиться,
Но он будет упрямо сниться
Тем, кто ныне ступает там...”

(“Поэма без героя”)

18. О жизни В.А.Рожественского в семье А.М.Горького, где он давал уроки, подробно рассказывается в автобиографической книге поэта “Страницы жизни”.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Сборник научных трудов**

Редакторы — *О.В.Николаева, А.В.Сумнин, П.И.Овчарова*
Художник — *В.Г.Сорокин*

Сдано в набор . Подписано в печать . Формат
60×90 1/16. Гарнитура "Таймс". Офсетная печать. Объем
—12 печ. листов. Тираж — .600 экз. Цена — договорная.

Зак. 655

Щербинская типография

Wob
much
of
in
need